

Военные
Приключения

ISBN 978-5-9533-5000-6

9 785953 350006

ВЕЧЕ

БАТАЛЬОН КРОВИ

ВИТАЛИЙ ЛИХОДЕД

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

Л65

Составитель серии Д.С. Федотов

Лиходед, В.Г.

Л65

Батальон крови : роман / Виталий Лиходед. — М.: Вече, 2010. — 384 с. — (Военные приключения).

ISBN 978-5-9533-5000-6

Эта книга о последних днях Великой Отечественной войны. Главного героя, молодого парня, в 17 лет призывают на фронт. Он заканчивает учебу в Ташкенте и попадает в штурмовой батальон. С первых дней парню пришлось окунуться в самое пекло. Впереди — город-крепость Кенигсберг. Батальон подходит к неприступному городу, и начинаются суровые будни осады — атаки, кровь, потери и так — до победного конца!..

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-9533-5000-6 © Лиходед В.Г., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

БАТАЛЬОН КРОВИ

роман

*Посвящается моему отцу
Лиходеду Григорию Павловичу —
участнику взятия города-крепости
Кенигсберг и всем, кто жил и воевал
в то нелегкое время*

1. Первый бой

— Ну что, родной, будешь? — спросил Гришу сержант Фролов.

— А что это?

— Да водочка, сынок, водочка.

— Да, конечно.

— Не давай ему, не бери грех на душу. Завтра пацан ляжет в землю из за пьяной дури. Дай ему привыкнуть и к нам, и к пулям. Будет спьяну, как собачонка, метаться — обязательно нарвется, — вступил в разговор старшина Савчук.

— Да ладно, ты. До завтра выветрится, — смеясь, возразил Фролов.

— Нет. Сам то давно героем стал? Себя вспомни, как все кусты под Могилевом обхезал. Теперь то ты смелый. Забыл, как тебя чумного тамбовский Витя за шкуру из воронки вытаскивал. Первый бой самый трудный: вы жил — считай, что в избранные к Богу попал.

— Ну ладно, ладно. Все. Иди, Гриша, в землянку — лучше поспи. По молодости оно всегда спать хочется. А мы тут сами. «Партсобрание» проведем.

— Да вы чо, мужики? — возмутился Григорий. — Я чо, ни разу не пил, по вашему?

— Иди, не бузи, успеешь еще, — грозно произнес старшина.

Гриша шмыгнул носом, с обидой посмотрел на старшину и, отвернувшись, пошел по окопу. Протиснулся сквозь узкий проход и оказался в темной землянке. Со всех сторон воняло потом и протухшими портянками, но его этот запах не испугал, он слышал запахи и попротивней. Увидев

свободное место, Григорий положил свой ППШ, снял шинель и, удобно устроившись на грубо обтесанных досках, укрылся ею — и сразу уснул.

В два часа ночи его разбудил мощный взрыв. Где то рядом разорвался огромный снаряд, но затем наступила тишина. Странная глухая тишина, о которой он много раз слышал. Преподаватели из ташкентской школы связи часами рассказывали об этом странном явлении, тишине перед боем, но никто не говорил, как она умеет забираться в душу. Вместе с ней лезут страшные мысли, что это последняя ночь и что завтра все — жизнь кончится.

И раньше Гриша чувствовал войну, но она была где то там — в другом мире... Жизнь Григория началась в Казахстане, в Тургайской степи, в селе Совинковка, недалеко от города Павлодара. Когда ему исполнилось восемнадцать, шел 1944 й год: третий год Великой Отечественной войны. Он рос и видел, как страна все отдает фронту. Родители голодали, он тоже. Мать надеялась, что в павлодарском интернате, куда его отправили жить и учиться, Грише будет лучше, но жизнь в городе оказалась намного труднее, чем в деревне. В деревне можно было хоть что то найти: поохотиться в степи, порыбачить на реке Ишим, а в городе нет — дневная пайка и все... В 1944 м Красная армия уже вышла за границы СССР и вела бои на земле Германии. Для немцев это был последний шанс что то изменить на карте военных действий: они хотели остановить победоносное наступление противника, но все их попытки были тщетны. Красная армия давила и сметала все на своем пути. Тогда то и начал Григорий Павлович Михайлов военную службу. Первая отметка в «Солдатской книжке» датируется первым январем. Призвали его за полтора месяца до восемнадцатилетия, а затем сразу отправили учиться в ташкентскую школу радистов. По окончании ее Григорий был откомандирован на Третий Белорусский фронт... В расположении части он оказался среди таких же, как и он, новичков и тех, кто шел от самого Сталинграда. Старики приняли его тепло, а молодежь не обратила внимания. Известие о том, что на рассвете их батальон участвует в наступлении, немного

смутила молодого солдата. Он был еще не обстрелян и не готов вот так сразу идти в бой. Но те, кто оказался рядом, помогли: они, привыкшие к свисту пуль и разрывам бомб, решили прикрыть парнишку, чтобы Гриша по неопытности не погиб в первом бою...

Впереди стоял Кенигсберг: город с мощной оборонительной системой. В этот район стягивались все отброшенные части врага. Система обороны города состояла из трех рубежей и крепости. Первый находился на расстоянии 20 километров от центра города, второй — в 6–8 километрах, а третий был расположен на городской окраине. Все эти укрепления были хорошо подготовлены. Кроме минных полей, траншей и баррикад, использовались специально построенные и усиленные каменные сооружения и старые форты. А в центре Кенигсберга находилась укрепленная крепость, способная выдержать продолжительную осаду. Армия врага насчитывала 130 тысяч человек, 4 тысячи орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий, 170 самолетов. Со стороны СССР в Кенигсбергской операции участвовали 11 я гвардейская, 39 я, 43 я и 50 я армии, а также 1 я и 3 я воздушные армии 3 го Белорусского фронта. При штурме города крепости было задействовано 5,2 тысячи орудий и минометов, 538 танков и САУ, 2,4 тысячи самолетов. Конечно, перевес был, но стоило учесть, что Кенигсберг считался неприступным...

Осенью, когда Григорий попал на фронт, до города оставалось около пятидесяти километров — и это расстояние пришлось в буквальном смысле ползти. Фашисты пытались что-то изменить в этой войне, но все они понимали, что это последние дни Третьего рейха...

Теперь война была здесь, и он находился в ее кровавом теле. Что он успел увидеть? Ничего, вся его юность представлялась ему одним коротким днем, где был лишь голод да старая рваная одежда. Среднего роста худенький паренек, совсем недавно побритый наголо, вспоминал себя вчерашнего, разглядывая, словно со стороны. Ну и что, что шинель была на три размера больше, это не пугало его. Зато с сапогами повезло — угадал размер, и шапка как раз. Его

обрядили в новую форму и главное — выдали автомат. «Все, вот она — жизнь! Стал человеком, но неужели вот так завтра все кончится, — думал он. — Первый бой, сколько народу в нем погибнет. Такого не бывает, чтобы все остались живы. Сейчас эти солдаты лежат рядом, спят, не думают, что завтра умрут. Они храпят, подпевая друг другу, а я не могу. Эта тишина давит, раздирает душу. Выйти, что ли, и заорать: «Я не хочу умирать!» Может, кто услышит: Война, Бог, Смерть, и договорятся дать мне хотя бы день, а еще лучше — месяц. А вдруг повезет, и я выживу. Ведь возвращается же кто-то с войны? Наверное, тот, у кого опыта больше. Но нет, все здесь равны, и смерть не смотрит, кто и сколько отвоевал — главное не подставиться, быть бдительным. Как говорил майор учитель Федорчук: «Башка должна крутиться, как карусель». Я все помню: главное слушать. Война, она тоже говорить умеет: свистом пуль, грохотом выстрелов и стонами раненых. Если внутри что-то сжимается, значит, этот свист твой. Падай, прячься и не стесняйся трусости. Так говорили те, кто прошел через все это. Они знают голос войны и умеют его слушать, но всегда есть что-то, что ждет именно тебя: шальная пуля или прилетевший непонятно откуда снаряд. Война, она как ведьма — колдует свое. Угадай, что она для тебя приготовила: ранение, смерть или позор. Но последнее не считается, пока хотя бы месяц не отвоевал. Мне рассказывали, бывает и по-другому: те, кто давно воюют, иногда сходят с ума и сами под пули лезут, желая умереть. Они не могут больше жить в этом поднявшемся на землю аду. Смерть для них — спасение и избавление. Но я хочу жить! Девчонку встретить и полюбить по настоящему. Это мои мечты. Все, наверное, так мечтают, но старуха смерть может улыбнуться и забрать к себе. И мечты этих ребят останутся где-то там — в их умерших сознаниях. Нет, нужно спать. Бояться нельзя! Это еще одно, чему меня учили: испугался — погиб. Спрячешься в окопе, подумаешь, что тебя там не достанут пули, так обязательно снаряд прилетит — «пирог», как их майор учитель называл. По закону подлости. Этот закон на войне четко работает. А «пирожки» война дарит тем, кто не желает участвовать в ее пред

ставлении, предаает ее. И она сразу присылает им угощение за пазуху, вычеркивая из списка присутствующих. Да, самое страшное — предать войну. Пришел сюда, значит, воюй. Понравишься этой суке войне, она тебя сама для следующего боя побережет. Вот и понимай, как хочешь: спрятался — плохо, вперед побежал — нарвался. Воевать тоже уметь надо. Все говорили: неделю продержись, а дальше легче будет. Только потом, когда привыкнешь, расслабляться нельзя: начнешь ушами хлопать — считай, пропал».

Григорий повернулся на бок и стал считать, пытаясь заснуть, но сон не приходил; он вспомнил дом, мать, избу, обмазанную глиной, и подумал: «Голодают они. Плохо им. Нет, я не должен умереть. Если ты, Война, меня слышишь — знай, я готов! Но если смерть вот так сразу берет меня, значит, в этом мире нет никакой справедливости. Я даже не успел показаться матери, проститься с ней. Так хочется им помочь, но я здесь, а они там, в этой бесконечной степи. Вот если бы отец решился на сайгака сходить, но нет, он честный, хотя и не коммунист».

Григорий закрыл глаза, пытаясь не думать о своей жизни, но мысли сами крутились в его голове. Он снова стал вспоминать себя, как он несколько часов назад приехал в часть на полutorке. Вокруг краснели клены, тополя — наступили самые красивые недели осени. Воздух — сама свежесть, им хотелось дышать и дышать. Здесь, у Кенигсберга, было гораздо теплее, чем в России. Там уже начались заморозки.

Постепенно вернулась дрема, Гриша закрыл глаза и, сжавшись калачиком под новенькой шинелью, стал засыпать. Разбудил всех старшина.

— Подъем! — закричал он.

Все тут же вскочили и стали накручивать портянки и натягивать сапоги.

— Не торопитесь, хорошо портянки мотайте! Скоро бой пойдём! — продолжал кричать старшина.

Григорий встал. Он не снимал сапоги, боялся, что их украдут. «Жалко, если вот так просплю их! А они новенькие, и впору пришлись», — думал он.

Старшина вышел из землянки, отошел туда, где окоп был шире, и снова крикнул: «Строиться!». Григорий, как и все, встал в строй. Хотя в этом месте окоп был широкий, но прижавшиеся друг к другу солдаты долго не могли выровнять шеренгу. Увидев это, старшина Савчук приказал покинуть окоп и построиться у ближайшего разрушенного сарая. Солдаты, быстро выбравшись, побежали к нему. Через несколько минут батальон стоял по стойке смирно. Савчук не очень любил эту процедуру: кого то строить, над кем то командовать, но все это приходилось делать. Его друг, командир батальона капитан Киселев, прошел с ним по дорогам войны не один километр и знал, что он не любит командовать, поэтому просто закрывал глаза на его пафосные отношения с бойцами. Но лучшего старшины за годы войны он не встречал.

Савчук был высоким и худым человеком. Его нижняя челюсть неприятно торчала вперед, а небольшие усики были редкими и рыжими. Выглядел он лет на сорок, но на самом деле ему было тридцать четыре. Старшина знал о своих неудачных усах, но не сбрасывал их. Без них его лицо будто вытягивалось и становилось еще ужаснее и чуднее. Новую неприглядную внешность исправляли глаза. Они были теплыми и добрыми, и даже когда старшина кричал, все бойцы видели эту доброту и не очень то обижались на него. Его длинная шинель в подоле словно парусами расходилась на ветру. Он делал огромные шаги, даже когда не торопился. «Ну метр раскладной— и все тут!»— подшучивали друзья однополчане. Иногда он сутулился, но, когда не стреляли, старшина расслаблялся и вытягивался, превращаясь в длинный шест. Одни смеялись над ним, другие просто дразнили. Савчук был спокоен и не реагировал на глупые слова и оскорбления. Все бойцы рано или поздно обращались к нему: кому одежду сменить, кому обувь, а некоторые знали, что у старшины всегда есть спирт в запачке.

Построив роту, он доложил Киселеву, и тот, командовав «вольно», громко произнес:

— Так, ребята. Вон впереди высота,— капитан показал на виднеющийся окутанный со всех сторон колючей про-

волокой холм.— Нужно взять. Вперед не лезьте. Похоже, там «тройка» стоит.

— Тройка? — удивившись, переспросил старшина.

— Да,—спокойно ответил капитан.

— Это плохо!

— Конечно, плохо, но нужно пройти,— сморщив лоб, произнес комбат.

— Нужно, значит возьмем.

— Вот и ладно.

— Во сколько наступление? — поинтересовался Савчук.

— Двадцать ноль ноль.

— По темноте то легче,— обрадовался старшина.

— Конечно, но ты все равно объясни ребятам. Подумайте, как поудобней подойти. А я в штаб. Буду к восемнадцати.

Капитан козырнул строю и ушел, а старшина, скомадовав «разойдись», стал говорить. Он посмотрел на Григория и начал с него:

— Ну что, боец, бери катушку и жди. Сиди на телефоне. Сегодня с нами в драку не полезешь. Будь при штабе, а если линию перебьют, то только с дедом ползи. Петрович, слышишь, присмотри за мальчишкой.

Григорию не понравилось, что с ним разговаривали как с маленьким. Он хотел уважения и пытался доказать, что он смелый и сильный, но здесь, в этой роте, «фишку», как говорится, пробивать не надо было. Все знали, что в этом пекле быть гадом нельзя. Никто не показывал свои плохие качества и каждый старался быть мирным и дружным.

Позже Гриша узнал, что три месяца назад пригнали в батальон пополнение. Вместе со всеми привезли здорового детину лет тридцати. Этот мужик стал издеваться над молодежью, избивать, забирать пайки. Все молчали—до первого боя. А когда батальон пошел в атаку, этот молодец вылез из окопа последним и, спрятавшись за общей бегущей толпой, так это нехотя побежал за ними. Тетка Война сама разобралась с ним. Шальная пуля нашла его—последнего. Он упал и долго орал, истекая кровью, но никто не подбежал к нему, не вернулся. У этого мерзав

ца не было в батальоне друга, который смог бы оттащить его, раненого, или позвать на помощь санитаря. Батальон ушел в атаку, а он остался, мучаясь от боли: видать, ранение было тяжелым. Этот человек принял смерть, так и не успев ни разу выстрелить. Кто то после этого вздохнул спокойно, а кто то поверил в то, что комбат умеет предвидеть. Он предупреждал вновь прибывшего, утихомиривал его. Но здоровый дебил хамил и ему. Здесь так нельзя: забрал пайку у молодого, а тот через час погиб. У нормально го человека после этого кусок в горло не полезет. Но этот урод на все плевал и получил свою «пулю смелости», как ее тут называли. Конечно, комбат мог высказать бойцам за то, что никто не помог ему, но он промолчал. Все поняли: хочешь выжить — слушай того, кто думает о каждом. Война прислушивается к командирам, к тем, кто с ней спорит и делает это правильно, а тот, кто нарушает ее негласные законы — приговаривает сам себя. Ведь не простая пуля прилетела к этому мужику: облетела всех и ударила в него в тот самый момент, когда этот урод зачем то обернулся! Раны в спине не обсуждались, а пулевые — тем более. Повернулся — струсил — значит, предатель. Другое дело, если снаряд сзади разорвался. Но дырка от пули и рваная рана от осколка разные вещи — их никто не спутает. На родину этому мужику отписали, что он погиб смертью храбрых. А как еще? Никто не стал бы рассказывать его родителям и родственникам, что его жизнь была бесполезной, что он не смог убить ни одного фрица, и что он — грыжа на этой земле. Словно опытный хирург сработал, избавил всех от его ненужного присутствия.

В тылу бытовало мнение, что первыми гибнут хорошие, настоящие мужики, а всякие гады и сволочи выживают. Так думали лишь те, кто не бывал на войне. Именно фронт формирует в каждом — свой военный характер, с которым очень тяжело потом жить в мирной, гражданской жизни.

После той атаки к коренастому лысоватому мужичку с животиком и с прищуренным взглядом стали прислушиваться как к отцу родному. Капитана Киселева и раньше уважали, но после случившегося даже не решались спорить.

Его слова и приказы не обсуждались. Батальон стал пока зательным, с хорошей дисциплиной и умением выживать.

Все это Гриша узнал от Петровича—своего наставника, которого за глаза называли «дедом». Пока он рассказывал молодому бойцу, где взять провод, катушки и запасные телефоны, старик, между прочим, поведал ему о судьбе и жизни батальона. Гриша смотрел на него, а про себя думал: как этот дедок будет бегать с ним и тянуть линии от одной позиции к другой. Он не знал, что сухой старичок очень шустрый и любому молодому фору даст.

Этот маленький дед с седыми волосами и жутким, тяжелым взглядом всегда ходил чистым и опрятным. На фронте над связистами смеялись, говорили, что они все время на пузе, в грязи. Но дед опровергал это мнение: даже не бритым никогда его не увидишь.

Сначала Гриша решил, что все сложилось для него благополучно—казалось, что первый бой пройдет стороной. Он не был трусом—просто хотел привыкнуть, притереться к войне, но в шесть вечера ротный вернулся из штаба и грозно произнес:

— В штабе никто не останется, пойдут в атаку все. За крепимся, и нужно будет доложить,—это значило, что Григорий пойдет вместе со всеми. Он не сможет отсидеться в штабной землянке, и это обрадовало его. Все побегут, будут стрелять, а он потащит катушку с проводом, и от него да от деда будет зависеть связь. А это главное, что должно быть в любом бою.

В половине восьмого к нему подошел старшина и стал учить тому, о чем Гриша никогда не слышал и не знал. Рассказал, как правильно бежать. Идти в атаку — это целая наука, и солдаты познают ее на горьком, кровавом опыте. Как объяснил старшина, немцы, когда толпа идет по всему фронту, стреляют только прямо. И если впереди тебя трое, двигайся так, чтобы в твоём коридоре впереди кто-то был. Шансы, что выживешь, возрастают. Если что, те, первые, примут пули на себя.

Услышав все это, Гриша почувствовал, что старшина учит его трусости. Он решил, что не станет бояться и пря

таться за спины: первым пойдет в бой. Но его задача была другой—связь. Савчук, увидев обиженный взгляд паренька, понял, что этому нужно объяснить принцип атаки под робней.

Он рассказал, что первым идти тоже нужно уметь. Здесь главное не стрелять, а быстро бежать. Если сумел добежать до вражеского окопа, падай и расстреливай немцев на два три метра от себя в стороны. На прострельной земле создается чистый проход для остальных, кто бежит следом. Гриша удивлялся, как это может быть? Неужели немцы в сторону не стреляют?

— А зачем? — спросил его старшина и сам ответил: — Зачем в сторону стрелять, когда перед тобой, по прямой, целая куча народу.

Он еще несколько минут рассказывал, как нужно бежать впереди и как правильно прятаться за чужие спины. Последнее было неприятно юному бойцу Красной армии. Но в конце разговора старшина сказал то, что успокоило Гришу.

— Такая привилегия, бежать сзади, дается только в первом бою. Потом, как в шахматах, каждый раз на клетку дальше. И если ты выжил после трех четырех атак, твое место в первом эшелоне: там, где встречаются взгляды живых, желающих друг друга убить.

Но для связиста Григория существовала своя наука, как идти в атаку и тянуть провод, чтобы он оставался целым. Первый принцип: в одну воронку бомба дважды не падает, хотя это и не всегда срабатывает. Надо тянуть провод от воронки к воронке и не зевать, смотреть за остальными. За мешкался, отстал—плохо. Оказался впереди—еще хуже. Нужно лавировать в атаке так, чтобы всегда оставаться рядом с остальными—в центре движущихся людей. Они, если что, подменяют или сообщают, что связист ранен или убит. Комбат или ротный назначат другого тянуть связь. А уж когда до нужного места связь дотянута, тут то и можно расслабиться; вбить штырь контур заземления поглубже в землю и для лучшего контакта обоссать его всем своим накопившимся страхом.

Гриша помнил все тонкости, даже самые несуразные, но при этом прислушивался к каждому слову старшины, пытаясь уловить что то новое, что может помочь и спасти его.

Выслушав все советы и наказы старшины, Гриша вернулся в землянку, взял катушку и примерно рассчитал расстояние до высоты.

— Не приглядывайся. Одной катушки хватит,— крикнул ему связист дед.

— Да, хватит. Я тоже так думаю,— ответил Григорий.

До начала атаки оставалось минут десять, не больше. Все сидели в окопе и ждали. Эти минуты тянулись, словно часы. Они были бесконечными и мучительными.

— Скорей бы уже,— подгонял время Григорий. Но оно не подчинялось ему и тянуло секунды еще медленней.

Но вот в темном небе среди звезд и яркой луны вспыхнула красная ракета.

Никто не стал кричать «ура». Все молча побежали. Противник еще не знал, что началась атака. Его прожекторы освещали прострельную территорию и пока никого не обнаружили. Но вот первые бойцы попали в эти яркие потоки света. И сразу оттуда, с этой спокойной высоты, вылетела несметная стая пуль. Они сплошной стеной прошли по наступавшим, но солдаты как то ловко пригнулись. Григорий попытался в темноте рассмотреть, как это все они бегут и одновременно прячутся, но получил хороший удар в ухо. Звезды, что несколько минут назад висели около месса, закружились вокруг него.

— Не высовывайся! — зарычал старшина.

Он словно из под земли вырос и показался Григорию огромным богатырем. Юноша прижался к земле, но тут же услышал: «Пошли!» Это дед крикнул ему. Он находился в метре, а кричал как резаный. Летящий над головой шквал пуль создавал даже не свист, а вой: грубый и шипящий.

— Куда? — крикнул в ответ Гриша. — Там вон что!

— Не ссы, пацан! Это не твои пули! — с этими словами Гриша увидел спокойные глаза деда. — Сейчас фигня! Вот дальше мясокombинат начнется.

Послушав деда, Гриша привстал и побежал за ним. Одной рукой он придерживал автомат, другой — крутящуюся со скрипом катушку. Сделав несколько шагов, он услышал «ложись» и сразу лег, прижался к какой-то мокрой кочке. Но, отодвинувшись в сторону, увидел, что это чье-то разорванное тело.

— Что? Ранили? — спросил его дед.

— Нет, это чужая кровь, — ответил парень. Он вытер измазанную щеку рукавом, при этом размазал еще свежие, прилипшие сгустки.

— Держись, сынок, — как-то ласково попросил его старик.

— Все нормально, не волнуйтесь.

— Хорошо. Ну что, побежали? Наши вон уже где.

— Давай.

Они сорвались с места и рванулись за своей растворившейся в темноте ротой. Пробежав метров сто, Григорий почувствовал, что атака не такая и страшная, как ему описывали, но, попав на ту самую — прострельную — землю, Гриша шагнул в ад. Теперь он узнал, что такое «тройка». Из забетонированного ДЗОТа лупил крупнокалиберный пулемет. И таких пулеметов было три. Они из тумана пуль вешали в радиусе прострела такую пелену, в которой, как в мясорубке, человека за секунды разрывало на части. При чем если в кого-то попадала простая пуля, она оставалась в теле, а эта, из крупнокалиберного, попадая в плечо, отрывала руку. И летела эта рука, а за ней часть головы, а за ними вырванная грудная клетка назад, к тем, кто бежал сзади. Эти останки человека врезались в людей, а те, к удивлению Григория, не реагировали на этот кошмар. В синеватом свете прожекторов казалось, что над землей крутится огромный невидимый пропеллер. Он рубил всех и разбрасывал куски людей в стороны. Где-то в метре в грязь упала чья-то рука. Григорий посмотрел на нее и почувствовал тошноту.

— Не бойсь, поблуй! — крикнул дед. Он словно почувствовал состояние мальчишки. — Все через это проходят.

Гриша отвернулся, несколько раз дернулся, но рвать не стал.

— Вперед! — снова крикнул дед.

Они пробежали еще метров десять и залегли под подстриженным пулями кустом.

— Во, один заткнули!—обрадовавшись крикнул дед.

Гриша посмотрел и увидел, как из крайнего ДЗОТа по валил белый дым. Он стал переливаться в лучах света прожекторов, окутывая землю.

— Здорово, пердуняра!— неожиданно услышал голос Гриша. Он обернулся и увидел, как к деду подполз веселый светловолосый парень.

— Яшка, ты его, что ли, уделал?

— Не, это там Колек танцует. А я сейчас свет выключать буду.

Парень перезарядил снайперскую винтовку и стал стрелять по прожекторам. После первого выстрела большой прожектор потух, после второго и третьего черная ночь обволокла землю.

— Ну во, сделал как у негра в жопе,— недовольно высказался дед.

— А ты, дед, как жажни, так долетишь до высоты враз,— подшутил над ним Яшка.

— Хрен там долетишь. Ползти придется. Один бы хоть оставил,— снова заворчал дед.— Пусть светют. Нам же тоже виднее. А так куда?

— Сейчас, погоди. Станет светло.

И точно, через минуту над ними с гулом пролетело что то яркое и осветило высоту мощным огненным взрывом, по том еще, еще и еще. Дед обернулся и, улыбаясь, произнес: «Катюша».

Минут двадцать они наблюдали, как плавится земля и бетон, а затем привстали и побежали. ДЗОТы и оборонительная линия врага превратились в перепаханное огромным плугом поле. Со стороны противника раздавались лишь одинокие выстрелы и редкие очереди.

Добравшись до проволоки, быстро перелезли через нее и стали взбираться на высоту. Дед не отставал, хотя и было видно, что он устал. Яша куда то убежал в сторону. Он и его винтовка нужны были там, где кто то одинокий не желал мириться с поражением.

Поднявшись до первых окопов, Гриша упал и прижался к земле. Со всех сторон снова засвистели пули, и в этом свисте он услышал крик комбата: «Связь!» Не обращая внимания на летающую и свистящую смерть, он кинулся к командиру, а когда подбежал, увидел, что комбат Киселев уже докладывает о взятии высоты. Дед оказался шустрее. Он первым подоспел к нему со своей катушкой и, подключив телефон, наладил связь.

— Ведь он всего лишь дублировал меня, — возмутился Гриша. — Сам мне об этом говорил. А может, на самом деле было наоборот?

Гриша нахмурился, и, спрятав лицо, прижал его к рыхлой земле. Он лежал на краю окопа и почти ревел: он не успел со связью, старый пердун опередил его и сейчас стоит довольный перед комбатом.

Свист пуль утих, и над высотой взлетела зеленая ракета. Все! И нахлынуло остальное: паренек почувствовал, как его давит изнутри то, что он остался жив. В это просто не верилось, он вспомнил, что забыл о страхе, смерти. Его охватила какой-то неведомый азарт.

— Молодец! Молодец, пацан, — кто-то крикнул ему.

— Живой, гляди ка! И штаны не воняют, — подшутил проходивший мимо сержант Фролов.

— А где старшина? — спросил Гриша.

— Да он там, на самой вершине, под облаками. Добывает и собирает.

— Чего собирает?

— Да наших, наших, сынок. Тех, кому не так сильно повезло, как тебе. Даже не обосрался, надо же!

«Странно», — подумал Гриша. «Я не чувствовал страха, забыл о нем, — вспомнил он свои мысли. — А меня столько учили, как с ним бороться. А может быть, так и должно происходить?» — он посмотрел на свой автомат и понял, что ни разу не выстрелил, а дед, как назло, сидел рядом и заряжал магазин. «Неужели он все патроны истратил?» — подумал Гриша.

— Ты молодец, сынок! — неожиданно произнес старик. — До этого был у меня малец, так я его последние сто

метров то на пинках, то за шиворот тащил. А ты молодец, сам дошел. А может, ты воевал уже?

— Нет,— стесняясь, ответил Григорий.

— Ну, тогда ладно. Иди заземление наладь,— усмехнулся старый связист.

— Хорошо,— до ушей улыбаясь, ответил Гриша. Он подбежал к точке связи, увидел штырь заземления и от души помочился на него.

— Пошли место на ночь искать,— предложил дед и до бавил: — Догоняй!

Они дошли до полуразрушенной землянки, и дед, увидев удобную лежанку, произнес:

— Ты ложись, а я на аппарате подежурю. Утром сме нишь.

Ночью пришел старшина, поздравил с первой атакой и угостил спиртиком, а утром Григорий впервые увидел, что такое «катюша».

Солнце еще не успело подняться, а высота уже застона ла. Григорий стоял и смотрел на рваные раны земли. Он не мог представить, что ее так можно исковырять. «Конечно, в таком месиве никто не мог выжить»,— подумал он. По трогал распухшее ухо и отправился к комбату проверять связь и менять дежурившего деда.

2. Высота

Григорий подошел к землянке, где ночью был сформирован штаб, но увидел, что в ней никого нет. Он осмотрелся по сторонам и решил подойти и узнать расположение штаба у сидящих возле костра солдаты. Солдаты с готовностью объяснили, что штаб перенесли в оставшийся целым ДЗОТ. Он находился на самой вершине высоты.

— Немцы теперь с другой стороны. Оттуда полезут. Нужная это высота, да и слишком легко мы ее взяли,— произнес один из солдат.

Он выставил к костру руки, пытаясь их согреть. Григорий удивился этому, ведь холода еще не наступили. Сол

дат смотрел на огонь и, казалось, разговаривал сам с собой. Гриша посмотрел на сидящих у костра и уже решился о чем то заговорить, но вспомнил о дежурившем деде и поспешил сменить его.

Дед сидел у телефона в почерневшем от взрывов каменном укреплении. Он прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Григорий решил, что старик спит, но Петрович, не открывая глаз, произнес:

— Пришел?

— Да.

— Выспался?

— Да.

— А что снилось то?

— Ничего. Спал как убитый.

— Типун тебе на язык, сплунь и не говори так никогда.

Гриша не был суеверным, но послушал деда и трижды переплонул через железное плечо. Старик открыл глаза, встал и молча пошел к выходу. Остановившись в каменном проеме, он обернулся, посмотрел на парня и спросил его:

— Надеюсь, тебе по связи и подключению ничего обьяснять не надо? Хорошо в учебке учился?

— Да. Не надо,—немного смутившись, ответил Григорий.

— Вот и хорошо. А что, ухо болит? — улыбнувшись, спросил Петрович.

— Да нет, не очень.

— Повезло. Если в первом бою старшина перекрестил, значит, будешь жить. Тьфу, тьфу, тьфу. Примета хорошая. А наш старшина, если кого отметит, считай, с войной по знакомит. А она своих жалеет. Ладно, я пошел. Там место не заняли?

— Нет, все сюда наверх перебрались,—ответил Григорий, а услышав последние слова старика, подумал: «Значит, не один я про войну так думаю. Живая она— вот и дед мне это подтвердил».

— Смотри здесь! Немцы готовятся, молчат. Нужна им эта высота. Если кто придет и скажет идти окопы рыть — смело отвечай, что дежуришь на телефоне, ждешь приказ. Понял?

— Понял. А что, приказ должен поступить?

— Кто его знает, о чем они там наверху думают. Скажут комбата позвать, беги по траншее, что слева прорыта. Увидишь большую землянку, он в ней. Только сильно не ори, там ребята спят.

— Я все понял, не волнуйтесь,— ответил Гриша.

— Вот и ладно. Я пошел.

Старик вышел из ДЗОТа и, пригнувшись, побежал с холма вниз, к той полуразрушенной землянке, где ночью спал Григорий. Дед быстро нашел ее, увидел лежанку, поставил у обгоревшей доски автомат, лег и накрылся скинутой шинелью. А Гриша стал рассматривать бетонное укрытие, построенное немцами. Стены, потолок и пол были литыми—серого, мрачного цвета; ему казалось, что этот дом сделали из одного целого камня: выдолбили в нем помещение с длинным узким окном для пулемета и не большим проходом. Привыкнув и удобно устроившись на ящиках от патронов, он снял с плеча вещмешок, достал из него банку тушенки и хлеб. Нашел в кармане подаренный учителем майором нож связиста, открыл его и стал вскрывать тушенку. Этот нож был особенный, его майор пронес с собой через два года войны. Получив тяжелое ранение в правое легкое, он был комиссован, потому что ни бегать, ни быстро ходить не мог—задыхался. Майор Федорчук—преподаватель из Ташкентской школы связи—был высоким и крепким мужиком. Точнее, он казался таким. Ранение отобрало у этого человека и силы и здоровье. Родился и вырос он в Крыму и часто рассказывал о Черном море. В его взгляде, походке и манере общения было что то морское. Многие это замечали и часто спрашивали, не служил ли он во флоте. Но майор не был моряком, хотя и мечтал об этом. Закончив Симферопольское училище связи, работал до войны на телеграфе. В 41 м получил бронь, но после нескольких десятков рапортов все же добился своего—и его призвали на фронт. Вырос от сержанта до майора, а после ранения не оставил службу и был направлен учителем в ташкентскую школу связи. Он всегда носил форму и медаль «За отвагу» на груди. Гриша часто вспо

минал Федорчука, ведь этот учитель как то сразу полюбил его. Ему нравилось, что курсант Михайлов легко запомнил азбуку Морзе и мог из двух разбитых телефонных аппаратов собрать один—рабочий. Гриша до этого не изучал аппаратуру, но он любил технику, был любознательным и схватывал на лету все, что ему показывали и рассказывали. Как самому лучшему и добросовестному курсанту, по окончании школы связи майор подарил ему нож. Он выпустил не один десяток связистов, но Григорий был особенным. Остальные все время жаловались на голод, слабость и отказывались досконально вникать в тонкости связного дела. Запоминали, как что подключить, соединить—и все. Григорий никогда не жаловался. Он узнал, что такое голод, еще в интернате, а надев форму курсанта, помнил, что есть люди, которые живут хуже и голодают сильнее. По сравнению с интернатом в школе связи кормили сносно, и это был уже не тот голод, который ему пришлось пережить.

Теперь на фронте Гриша отъедался. Тушенка с хлебом доставляли ему столько наслаждения, что хотелось пить и летать. А когда попробовал тушенку американскую («Второй фронт», как ее называли солдаты), то не мог поверить, что существует такая вкусная еда.

Время тянулось, телефон молчал. Гриша вытер нож, убрал хлеб в вещмешок и, высунувшись из ДЗОТа, выбросил пустую консервную банку. Вернулся к аппарату, по смотрел на него, прижался к стене. Решил подремать сидя, как это делал дед.

Неожиданно сработал, протрещав, телефон, и Гриша, сняв трубку, по привычке доложил:

- Курсант Михайлов слушает.
- Кто?—переспросил голос на том конце связи.
- Рядовой Михайлов,—поправил себя Гриша.
- Ты когда прибыл?
- Вчера.
- В штурме высоты участвовал?
- Да.
- Хорошо. Комбат где?
- Спит.

— Ну, пусть спит, не буди. Скажи, чтоб связался со мной.

— Так точно, доложу,— волнуясь, отрапортовал Григорий.

Связь прекратилась, и тут он понял, что растерялся и не спросил, с кем нужно связаться комбату. Как он доложит, кто был на связи? Григорий посмотрел на телефон и почувствовал страх. Такого страха он не чувствовал даже перед боем— это был другой страх. Он давил изнутри и нагнетал что то ужасное. Мысли путались, хотелось все бросить и убежать от этих строгих и страшных людей. Но Гриша не сдавался, он боролся с тем, что пыталось вырваться из него, не показывал и изо всех сил держал свой страх, загоняя его еще глубже в себя. Он поднялся и стал ходить по ДЗОТу. В углах стояли ящики от патронов, некоторые из них были разломаны и валялись на полу. Григорий перешагнул через них и подошел к бойнице с брошенным пулеметом. Из него торчала искореженная лента с несколькими патронами. Взрыв гранаты сильно изуродовал этого бездушного убийцу. Он внимательно посмотрел на труп пулемета, подошел ближе и заглянул через бойницу на поле боя. Туда, где еще вчера у разрушенного сарая строился их батальон. Все было как на ладони, и казалось, возьми пулемет— и всех сразу: вот они мы, ходим там.

— Интересно, почему немец не стал стрелять?— подумал Григорий.— Возможно, ждал приказа,— ответил он сам себе.

Увидев свои старые позиции, Гриша на какое то время забыл о телефоне и строгом человеке из штаба, имени которого он не спросил. Он увидел лежащие на земле трупы. До этого они словно не существовали, а тут вдруг появились все сразу. Волнение и непонятный вязкий страх, скоывающий тело, вернулись.

— Как я смог?— шепотом спросил он сам себя. Вспомнил, как во время атаки, словно в каком то забытии, уперся лицом в разорванное тело и испачкался кровью. Гриша сел у аппарата на ящик, стараясь забыть страшную картину и не думать о вчерашней атаке. Он посмотрел на телефон, собрался и стал спокойно размышлять, как ему сообщить комбату о звонке.

— Чего мне бояться своих? Вон чего надо бояться: остаться наполовину разорванным, торчащим из земли,— вновь прошептал он.

Все его мысли и придуманные планы рухнули, как толь ко снова сработал телефон. Григорий снял трубку и четко доложил:

— Рядовой Михайлов слушает!

— Ну что, комбат встал? — услышал он тот же голос и почувствовал, как на смену чужому, тупому и непонят ному страху пришла радость. Он решил, что теперь обя зательно узнает имя старшего командира. Причем сделает это по форме, как его учили.

— Никак нет. Спит. Не приходил.

— Придется будить. Беги за ним, скажи, комдив вызы вает.

«Ну вот,— подумал Григорий,— и спрашивать не при шлось».

Он четко ответил:

— Есть.

Положил трубку и побежал к землянке. Выскочив из ДЗОТа, он глубоко вздохнул, вспомнил слова деда, что орать не надо, и поспешил за комбатом.

Быстро прошел по траншее, увидел землянку и стояще го около нее капитана Киселева: он внимательно рассма тривал позиции немцев и докуривал маленький чинарик, еле удерживая его кончиками пальцев.

— Товарищ капитан, комдив на проводе!

— Иду,— ответил Киселев и, бросив в рыхлую землю остатки сигаретки, выпрыгнул из окопа и, пригнувшись, побежал к ДЗОТу.

Их разговор затянулся: сначала они, смеясь, привет ствовали друг друга, но затем лицо комбата стало мрач ным. Григорий, увидев это, понял: предстоит серьезное сражение и со стороны фашистов будет предпринято все, чтобы вернуть высоту.

Киселев положил трубку телефона, посмотрел на Гри гория и, улыбнувшись, спросил:

— Ну как, выстоим?

— Конечно,— усмехаясь, ответил солдат. В тот момент Гриша не представлял, что их ждет. Первый бой развеял его сомнения, и он решил, что воевать не так уж и страшно, но война решила преподнести урок— показать, что это не прогулка и не курорт. Попробуй выживи на пределе человеческого возможностей: все мышцы напряжены, а тут еще надо правильно соображать и держать себя в руках. Су мел? Значит, у тебя есть шанс.

Комбат вернулся в землянку, старшина построил личный состав, после этого Киселев объявил о приказе удерживать высоту сутки. Дальше станет легче: наступление по флангам должно отбросить противника, но пока войска перегруппируются, им нужно держать эту высоту, чтобы в предстоящем наступлении не было лишних жертв.

Батальон разошелся, а командиры рот собрались в землянке для обсуждения обороны высоты.

— Ну ты что? Совсем на службу забил? — услышал Григорий голос деда. Он обернулся и увидел, как старик, раскручивая катушку, переносит связь из ДЗОТа в землянку.— Видишь, здесь совещаются, значит, и связь сюда тяни без предупреждений, понял?

— Да,— немного взволнованно ответил Григорий.

— Аппарат тоже оставлять нельзя! Ушел ушами хлопать! Что, интересно?

— Так надо ж знать, что будет?

— Тебе скажут, не бойсь. Ты, главное, свое знай. Связь должна быть рядом с комбатом всегда. Ему некогда об этом думать. У него мысли другим заняты. А ты должен сообщать и помнить: где он — там и ты с аппаратом. Понял?

— Так точно!

— Смотри! Это не шутки.

— Да нет, все я понял. Исправлюсь!

— Верю. Ладно, на катушку, подключайся и проверь связь. А я, пока тихо, еще одну линию, запасную, протяну.

— Все понял,— ответил Григорий и, взяв катушку, отмотал провод, установил в землянке пару ящиков из под патронов, поставил на них аппарат и стал подключать линии с позиций и проверять связь.

Не успел он прикрутить последний провод, как аппарат сразу затрещал. На линии снова был комдив. Он приказал срочно позвать комбата, и Григорий, находясь рядом, в землянке, доложил капитану Киселеву, что его вновь вызывает комдив.

Разговор был коротким, Киселев тут же приказал всем командирам вернуться на свои позиции и приготовиться к бою. Позже Гриша узнал, что комдив сообщил Киселеву о захвате языка и тот рассказал, что взятие высоты начнется с минуты на минуту. Немцы решили воспользоваться преимуществом и не дать захватившим высоту времени на окапывание и подготовку к отражению атаки.

Война подарила им еще несколько минут спокойствия. Кто то успел поесть, кто то почистить оружие, но она как всегда напомнила о себе неожиданно. Никто не слышал свиста или шума летящего снаряда. Он незаметно и не слышно прилетел и разорвался в костре, вокруг которого грелись солдаты. Людей разбросало в стороны. Гриша по неопытности высунулся посмотреть, но тут же услышал строгий голос старшины:

— Не лезь! Сиди на связи! Сейчас они припугнут арт подготовкой, а потом сами полезут. После обстрела выбери место в окопе, только такое, чтобы связь была рядом с то бой. И не горячись, еще успеешь. Следи за аппаратом!

— Все понял,—ответил Григорий. В этот момент один из снарядов разорвался совсем близко, и молодой боец не услышал, что ему ответил старшина. Гриша лишь увидел, как его огромная шинель взвилась над окопом и куда то улетела. Григорий прижался к земле, прикрывая собой аппарат. С другой стороны он перевернул ящики, чтобы они хоть как то защищали от прилетающих кусков грязи.

Земля от каждого взрыва дрожала, и он чувствовал ее колебания: они казались ему дрожью огромного существа, на спине которого одни люди убивали других, применяя мощное безжалостное оружие. В короткие мгновения тишины между взрывами Гриша наклонялся к телефону и слушал его. Конечно, что могла ему сказать эта коробка с телефонной трубкой, но он смотрел на нее и верил, что

она живая: там, за этим тонким проводом, вся сила русско гонарода—огромная армия, идущая на помощь.

Телефон молчал, а разрывы мин и снарядов с непонятной последовательностью стали прекращаться. Они все реже и реже сотрясали высоту, и вскоре последний, совсем легкий где то там, сбоку, разорвался, как бы сказав: все, артподготовка окончена.

Несколько минут все сидели в окопах молча: ждали, что будет дальше—новая волна летящих мин и снарядов или штурм. Тишину разорвала пулеметная очередь. Ее подхватила вторая, за ней третья, и вот уже со всех сторон стала, переливаясь, тарыхтеть и трещать война. Сегодня ее песня была другой: свиста и шелеста, летящего над голо вой, не было. Что то стрекотало, перекрикивая друг друга, и лишь один крупнокалиберный пулемет, как самый басыый крикун, глухими очередями заглушал остальных. Со стороны фашистов послышался такой же — мощный: он отвечал, но все время захлебывался, а наш, как заводной, отстукивал свой такт, заглушая всякую мелочь, трещащую рядом.

Григорий расставил ящики, поставил ровно аппарат, провернул ручку и доложил о проверке связи. Все работа ло как надо—линия осталась целой, хотя несколько сна рядов взорвались совсем близко от того маршрута, где они еще вчера вместе с дедом проложили ее.

— Интересно, где дед? — подумал Гриша и сам себя успокоил, что, возможно, старик протянул запасную линию в ДЗОТ и находится там.

Все это время — артобстрел, и начало перестрелки — показались молодому солдату долгими, но на самом деле прошли лишь минуты. К нему подобрался комбат и громко приказал:

— Соедини с третьей ротой!

Григорий тут же включился в работу. Командир третьей роты ответил сразу, и Гриша доложил что он «на проводе». Комбат дал указания, услышал, откуда началось наступление, и приказал беречь патроны. Затем он потребовал связь с первой, а потом со второй ротой, потом опять с третьей,

и эта суматоха вызовов отвлекла Григория от гуляющей по высоте войны. Он четко выполнял все приказы, и связь работала отлично. Молодой боец не чувствовал усталости, его язык не заплетался и четко отвечал на команды.

Всю эту суматоху приказов и распоряжений на время оборвал взрыв. Он разорвался точно над землянкой и выворотил несколько бревен. Всех, кто находился внутри, на какое то время оглушило, наступила тишина. Бойцы и командиры потихоньку поднимались, стряхивая с себя грязь и пыль, очищали стол, карты, и все молчали. Они знали, что в первые минуты после такого взрыва говорить и орать бесполезно, лишь комбат подполз к Григорию и прошептал прямо в ухо: «Пробирайся в ДЗОТ». Гриша не услышал этих слов, он просто почувствовал их, посмотрев, как четко шевелятся губы Киселева, при слове «ДЗОТ» понял, куда нужно идти. Он показал рукой в сторону каменного сооружения, и Киселев одобрительно махнул головой.

Отключив аппарат, Гриша прикрутил провод к катушке и стал сматывать его, сокращая расстояние. Он не думал, что идет по окопу, над которым летают коварные слуги смерти—пули. Гриша просто не слышал их. Последствие взрыва—глухота—еще не прошло. А он, то и дело забрасывая за спину автомат, продолжал передвигаться. Автомат, как нарочно, падал и путал провод, приходилось останавливаться, но он смог не замешкаться и перенести линию в ДЗОТ.

Шагнув в каменное убежище, он тут же расставил уже знакомые ящики, соединил провода и проверил связь.

Аппарат сразу заработал, и голос комдива приказал не медленно позвать Киселева. Гриша перезарядил автомат и, высунувшись из ДЗОТа, увидел командира. Комбат вместе с офицерами пробирался по траншее—той самой, где только что шел Григорий.

Гул со свистящим скрежетом разрезал небо, и бывшая командная землянка вместе с бревнами взлетела на несколько метров вверх. Впервые Гриша почувствовал запах смерти. Еще несколько минут назад он находился там, где теперь была огромная воронка, в которую с неба сыпались

обгоревшие бревна. Первым желанием было спрятаться, вжаться куданибудь, вернуться в ДЗОТ, но это желание было каким-то чужим, не его. В голове лишь стояло то, что комдив срочно требует комбата.

Отряхнувшись, Гриша поднял голову и увидел, что не только от землянки, но и от окопа ничего не осталось. Вся земля была перевернута, перепахана и разбросана в стороны. Там, где еще что-то осталось, это, скорее, было похоже на небольшой ров. Григорий посмотрел по сторонам, но никого не увидел. Первая мысль: «Где комбат?» — по сетила и испугала его. Внимательно всматриваясь в место взрыва и разбросанную в стороны землю, Григорий заметил в нескольких метрах от себя, как рыхлая земля зашевелилась. Он вспомнил, что примерно там видел в последний раз Киселева с офицерами из штаба. Гриша подполз к этой дышащей земле и стал пальцами разгребать ее. Раскопав руку, он сообразил, где голова человека, передвинулся и через несколько секунд отрыл обугленное лицо комбата Киселева.

— Товарищ капитан! Вас комдив к аппарату! — Грише показалось, что Киселев его не слышит. Тогда он отрыл пальцами левое ухо, отбросил липкую землю и заорал в него: «Комдив на связи! Срочно!»

Гриша посмотрел в лицо комбата и испугался. Этот мужчина, прошедший не одну версту по дорогам войны, бешеным и одновременно каким-то очумевшим взглядом смотрел на него.

— Ты чо, охренел! Меня от твоего крика контузило. Щас, все дела брошу и поспачу к нему! — со злым сарказмом выругался Киселев.

В этот же момент рядом с его лицом вновь зашевелилась земля, а через секунду из нее вырвался фонтан грязи. Гриша присмотрелся и увидел чей-то рот и огромные красные щеки. Он узнал — это был ротный Иванов. Среднего роста толстячок с огромными щеками и красным лицом. Он запомнил его еще у сарая, до взятия высоты. Но понять, где было все остальное тело этого человека, было сложно. Рот Иванова находился совсем рядом с головой комбата.

— Ни хрена себе, глотка луженая,— прокричал этот торчащий из земли рот.— Я думал, подох, а тут ни фига не дадут—с того света подымут,—добавил Иванов, отплевываясь.

— Иванов, ты, что ли?—спросил комбат.

— Да я, я! Только пока не разберу, где рожа, а где жопа? Слышь, комбат, этому горлопану орден дай. И в атаку без оружия пускай. Пусть орет—фрицев пугает!

— Ну, что смотришь?—сурово прокричало лицо комбата.— Раскапывай!

Гриша, услышав и увидев все это непонятное, никак не мог сориентироваться, с какой стороны копать, вспомнил про руку, которую первой откопал, и решил потянуть за нее. Ухватился и стал выдергивать ее из насыпанной кучи. Рука не сопротивлялась, но вдруг резко хрустнула, ткань рукава треснула, и Гриша вместе с рукой отскочил в сторону. Он встал во весь рост и, широко раскрыв глаза, смотрел на оторванную руку. Шокирующее состояние обволокло тело. Вокруг что то свистело, взрывалось, но, видимо, вой на наслаждалась этим представлением и не трогала обезумевшего пацана. Он не знал, что делать, но, услышав трехэтажный мат комбата, присел и с сожалением, дрожащим голосом спросил: «Это случайно не ваша рука?» Торчащее из земли лицо и плюющийся рядом рот рассмеялись.

— Бросай ты эту руку и давай копай!—громко крикнул комбат.

Гриша еще раз посмотрел на руку, аккуратно положил ее рядом и стал откапывать голову Киселева.

Позже Григорий с усмешкой вспоминал об этом, но он на всю свою жизнь запомнил, как нужно вести себя в таких ситуациях: нельзя бояться — смех и шутки лучшее спасение. Наверное, они отвлекают от боли, от страшных мыслей. Смерть не замечает тех, кто смеется. Она забирает к себе лишь тех, кто ждет и боится ее. Иногда проявляет сочувствие и к тем, кто честно терпит невыносимую боль — спасая и выручая их этим.

А они, командиры, находясь на волоске от смерти, смеялись и учили мальчишку Гришу своим поведением, как нужно выживать!

— Комбат,— спрашивал торчащий рот лейтенанта,— не твою ли руку связист оторвал впопыхах?

На что тот отвечал:

— Хорошо хоть руку— мог ведь и еще чего раскопать и оторвать.

Оба, почти зарытые в могилу, ржали как резаные и смешили остальных—тех, кто подоспел на помощь связисту откапывать своих командиров.

Гриша вернулся к аппарату. Позже с улыбкой подошел комбат. Он доложил, что высоту они держат, но потери очень большие, нужна поддержка артиллерии. Киселев развернул планшет и стал называть координаты удара. По сле чего сел на ящик, достал махорку, скрутил сигаретку и протянул ее Григорию.

— Как звать то тебя, спаситель ты наш горластый? — при этом он почесал мизинцем то самое ухо, в которое кричал Гриша.

— Рядовой Михайлов!

— Понятно. А звать как?

— Григорий.

— Молодец, Григорий, не растерялся. Слушай, а ты ведь вчера прибыл еще, днем?

— Да.

— Значит, ты вместе с нами эту высоту брал?

— Да.

— Ну, ты герой. А чо ж сразу то так не орал? Всех фрицев бы распугал,— произнес комбат и залился смехом. Его поддержали остальные. Но один коренастый паренек с грязным лицом подошел и с серьезным видом произнес:

— Спасибо! — Потом он так же серьезно повернулся к сидящим офицерам и стал говорить:

— Пробираюсь я, значит, по окопу—стреляю. Комбата прикрываю. Вдруг раз—и тишина. Глаза открываю—темно. Носом нюхаю—земля. Думаю: все—в могиле. Вдруг эта моя могила как заорет!—он повернулся и посмотрел на Гришу, а все вновь закатились смехом.

Только теперь Григорий рассмотрел погоны этого чело века—лейтенанта Иванова, и, присмотревшись, заметил

сквозь грязь на его лице красноту. Лейтенант похлопал Гришу по плечу еще раз и, вновь съязвив, поблагодарил: «Молодец — горластый!»

Гришасидели стеснялся, а весь штаб смеялся над молодым бойцом. Он не мог понять, почему эти люди издеваются, ведь он на самом деле спас их. Неужели это истерика. Атака еще не закончена — там, совсем рядом, идет сражение, и гибнут люди, а они здесь ржут, как лошади. Нет бы, на самом деле, поблагодарили. Где то недалеко снова разорвалась бомба, и в ДЗОТ залетели ошметки земли, а офицеры рассмеялись еще больше. Тут в голову Гриши пришла неожиданная мысль: откуда она пришла, он и сам не понял.

— Товарищ комбат, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту?

— О какой, — произнес лейтенант.

А комбат, немного успокоившись, посмотрел на солдата и спокойно ответил:

— Разрешаю!

Гриша медленно подошел к лейтенанту Иванову и стал пристально смотреть на его рот.

— Что, рот узнал? Он ведь один из земли торчал? — снова стал шутить Иванов.

— Да, так точно узнал! Только... — Григорий замолчал.

— Что только? — строго спросил комбат. — Договаривай, раз начал, — приказал он.

И тут Гриша, сам не зная почему, выдал:

— Только вот, товарищ комбат, я не сразу понял, что это рот лейтенанта — показалось мне, что это жопа! И мысли странные пришли: подумал — как это? Чья то жопа рядом с лицом комбата. А когда увидел, что она плюется, вот, ей богу, перекреститься хотел, — произнес Григорий и сам испугался — оттого, что вспомнил Бога. Ему стало не по себе, ведь он совсем недавно вступил в комсомольскую организацию.

Все, кто были в ДЗОТе, упали на пол. Они просто не могли смеяться. Офицеры держались за животы, а комбат, как резаный поросенок, верещал: «Щас обоссусь!»

Где то в двух шагах взрывались осколочные снаряды. Их осколки в унисон смеху ударяли о стены ДЗОТа, кто

то совсем рядом погибал, а здесь, в этом месте, на какое то время война отступила — она ничего не могла сделать с этими людьми. До поры она отвернулась, словно решив: «Авось потом отомщу!». А сейчас война жалела и любила тех, кто украшал ее стонущую кровавую землю смехом, по беждающим смерть.

— Молодец! Свой! Налить ему сто грамм! — приказал комбат. И в этот же момент снова выросла непонятно от куда огромная фигура старшины. Он протянул Григорию флягу и кусок хлеба с салом. Гриша выпил, занюхал, заел, посмотрел на довольные лица и глубоко вздохнул.

Иванова тут же прозвали Жопа морда, с несколькими вариациями: Мордожопин и наоборот Жопомордин. Лейтенант не обиделся — он был веселым человеком. Ушел с ротой на правый фланг и исчез без вести. О нем еще долго вспоминали, и казалось: этот человек жив и находится в батальоне. Совсем не верилось, что он умер. В том, что он погиб, сомнений не было. Правый фланг артиллерия немцев сильно потрепала, выжило лишь несколько человек. Они рассказывали, как мощные взрывы рвали людей на куски, смешивая остатки их тел с грязью, превращая все это в кровавое месиво. Но это было позже, а теперь Гриша, выпив спиртику, подобрел, повеселел и совсем забыл о войне. Комбат вернул его в реальность:

— Как связь, солдат? — спросил он.

— Сейчас проверю.

Григорий снял трубку и понял, что линия перебита.

— Связи нет. Нужно тянуть, — ответил рядовой Михайлов. Он тут же очнулся, схватил катушку с проводом и стал протискиваться в проход, но комбат остановил его.

— Иванов! Дай ему пару человек для прикрытия.

— Есть, — ответил лейтенант.

Ротный высунулся из ДЗОТа, позвал двух солдат и приказал им прикрывать молодого связиста.

Улыбки и смех кончились. Война вернулась, и теперь было главное — удержать высоту! А для этого, как всегда, нужна была связь.

Григорий вышел из ДЗОТа, пригнулся и в сопровождении двух солдат пополз к старым позициям. Сначала он пластался вдоль провода, пытаясь найти разрыв, но позже понял, что линия пострадала сильно. В таком артобстреле линии долго не живут, тем более, на таком маленьком пятке земли, называемом высотой. С этой стороны ползти было легче. Сама высота защищала от пуль, но прилетающие с той стороны снаряды не оставляли в покое эту землю. Причем они взрывались там, где их совсем не ждали. Одни улетали дальше, вперед, к самому подножию холма, другие взрывались на старых немецких позициях.

Григорий с двумя солдатами старались перебежать от воронки к воронке, от окопа к окопу, но снаряды все равно разрывались где то рядом, не оставляя в покое.

Из двух прикрепленных солдат один был ровесником Григорию, а другой постарше, лет на пять, но они, как и он, тоже только прибыли и не были толком обстреляны. Григорию пришлось думать о них и часто указывать, куда перебежать и где укрываться. Прodelав почти половину пути, Гриша уже спустился с высоты, но неожиданно увидел что то знакомое. Это был дед—его напарник. Он лежал наполовину присыпанный землей, сжимая в руке катушку с проводом. Григорий подполз к нему, перевернул и увидел лицо смерти. Его стариковское лицо было иссечено мелкими осколками, а на седых волосах явно просматривались сгустки крови. Дед был мертв, и Григорий вспомнил, как он ушел тянуть запасную линию. Зачем он решил сделать это, Гриша не знал. «Наверное,— подумал солдат,— решил воспользоваться затишьем, но попал под снаряд».

Вырвав из руки деда катушку, Гриша проверил линию и убедился, что она рабочая.

— Значит, он сумел до штаба дойти и вернуться сюда, а дальше не смог,— произнес он, посмотрев на солдат, данных ему для прикрытия.— Все, возвращаемся! Линия есть!

Гриша отдал свою катушку молодому, а сам, взяв такую же у деда, потянул линию обратно в ДЗОТ. На какое то мгновение обстрел кончился. Бойцы привстали и вприсядку пробежали до позиции и штаба.

Вернувшись в ДЗОТ, Григорий быстро подключил провод, проверил связь и доложил об этом комбату. Тот связался со штабом дивизии и доложил обстановку. Затем посмотрел на присутствующих и мрачно произнес:

— Отступать нельзя! Будем стоять до последнего! Да вай, Гришаня, бери свой автоматик и рядом со штабом, да леко не уходи, устраивайся. Сейчас каждый ствол на счету. Я тут сам на звонки отвечу.

Григорий, качнув в знак согласия головой, вышел из штаба и в двух шагах устроился в окопе. Он выбрал позицию, перезарядил автомат и приготовился стрелять в тех, кто должен прийти за его жизнью. Солдаты Вермахта то поднимались и бежали, пытаясь пробиться и подойти ближе, то залегали и отстреливались. Впереди Григория, вниз по сопке было еще несколько рядов окопов. В них находились бойцы Красной армии. Они первыми отражали атаки, а Гриша как бы сверху стрелял туда, где каждая кочка и выступ прятали врага и огрызались в ответ.

Все произошло неожиданно, как будто из под земли выросла целая армия обезумевших фрицев и побежала на высоту. Их стали прикрывать удобно расположившиеся за их спинами пулеметы, а еще дальше из небольшой рощицы методично обрабатывали высоту орудия. Где то между бегущими и рощей несколько минометов методично выплевывали свои снаряды. Они с дребезжащим визгом летели и разрывались на позициях высоты. Немцы, почувствовав небольшую заминку, подобрались к заграждениям из колючей проволоки. Они прижались к земле и стали пробираться под ней. Высота и наши бойцы встретили всю эту бегущую свору плотным огнем, еще сильнее прижав врага к земле.

Гриша приготовился. Он держал палец на спусковом крючке, но никак не мог выбрать первого немца, чтобы выстрелить в него. Кого то сразу убивали, другие прятались за трупы, и вдруг из этой хаотично движущейся массы вырвался один немец и, зацепившись за колючую проволоку, уронил автомат. Не обращая внимания на летящие в его сторону пули, он стал выпутываться.

«Так, этот мой», — подумал Гриша. Он четко прицелился и выпустил очередь. Приклад непривычно ударил отдачей в плечо, и все пули полетели вверх, как говорится, по воронам. Григорий прицелился еще раз и снова, как его учили, сделал вдох и нажал на спусковой крючок. Но в это время колючая проволока, в которой запутался немец, словно пружина оттащила его назад и все пули вновь прошли мимо. Гриша вытер пот со лба и, почувствовав злость, решил третий раз всадить, как говорится, наверняка. Он со всем не думал, что перед ним человек. Он видел врага и хотел хоть одной отнятой жизнью приблизить победу.

Третья очередь, как и две предыдущие, прошла мимо. Гриша высунулся, поднялся над окопом и заметил, что из первых траншей наши солдаты уже не стреляют по нему а, смеясь, что токричат—советуют.

— Задницу отцепи,— кричали справа.

— Шинелку, шинелку смотри! Всю разодрал! Сымай ее— и тикай отсель! — кричал солдат слева.

Но немец, как замороженный, пытался вырваться из этой стальной паутины. Он как то странно дергался рвал ся и, увидев все это, Гриша почувствовал злость.

— Какого хрена ты вообще сюда прешь! — прорычал он и решил поставить точку, а заодно открыть собственный счет чужой смерти. Но в этот момент комбат что то крикнул. Григорий обернулся и увидел, как Киселев с трубкой в руке стоит в проходе и корректирует огонь. Увидев, что все со связью в порядке, Гриша вернулся к своему немцу. Тот продолжал дергаться, раздражая молодого бойца. От дышавшись и спокойно прицелившись, Гриша решил, что этого первого он запомнит, но только он нажал на курок и выпустил точную очередь в цель, как в это же самое время прилетел снаряд и угодил точно в запутавшегося немца. Пыль от взрыва осела в воронку. Гриша тяжело вздохнул. Он так и не понял, кто вперед убил фрица: он — своей точной очередью — или тот снаряд, что разнес фашиста в пыль. Но долго думать ему не дали: началась новая атака, и Григорий уже без дрожи и волнения клал одного за другим. Он видел, как умирают эти люди, и не жалел их. Вспомни

ная деда связиста, Гриша не мог перебороть родившийся внутри него гнев. Он не тратил патроны зря и не спешил с выстрелами — бил четко и наверняка. И с каждым новым убитым немцем в нем что то набиралось: словно в песочных часах — невидимая сила, заставляющая драться и не думать о человеческой жалости.

Когда то в ташкентской школе он много думал о том, сможет ли убить человека. Даже если это немец, у него тоже есть мать, отец, дети. Они ждут его, любят, и Гриша не мог понять, как он будет справиться с этими мучившими его чувствами на поле боя. Но пришло время стрелять — и все эти чувства, как зайцы, убежали в глубины души и спрятались. Он видел тех, кто только что смеялся, а теперь они лежали рядом и открытыми ненавидящими глазами смотрели в синее небо. Почему, за что эти люди вот так погибли. «Немцы, которых я жалею, пришли сюда и захотели нас убить. Так почему же я должен испытывать к ним чувство жалости, стрелять мимо из за того, что они тоже люди?! Нет. Ни одного патрона зря не истрочу!» — со злостью решил Григорий и продолжал, слившись в одно целое с автоматом, косить прущее на него скопище врагов.

Немцы вновь залегли. Григорий вытер пот и посмотрел на ДЗОТ. Он на мгновение забыл о связи и сладостно увлекся местью. Возле входа стоял комбат и внимательно смотрел на Гришу. В его глазах больше не было смеха и сарказма. Его покрасневший взгляд впился в пацана и изучал его, как нечто диковинное.

— Да, ты молодец, — негромко произнес он, — умеешь «давить». Я не стал тебя отрывать от такого удовольствия, но сейчас небольшой перекурчик приключился — проверь, по моему, связь перебили.

Гриша закинул автомат за спину, протиснулся в ДЗОТ, немного оттолкнув комбата. В нем еще бушевала сила русская, проснувшаяся в его душе.

— Извините, товарищ капитан, — сухо произнес солдат.

И комбат, попятившись от такого напора, нерешитель но ответил:

— Да нет, ничего.

— Да, связи нет. Я пошел,— ответил ему Григорий и, вы прыгнув из окопа вместе с катушкой, побежал перебежка ми, проверять линию.

В этом затишье между атаками и обстрелами делать это было несложно. Гриша взял в руку провод и, выдергивая его из присыпанной земли, шел по нему, пытаясь найти разрыв. Когда дернул в очередной раз, в его руке оказался перебитый конец, продолжения у которого не было. Гриша пробежал еще несколько метров, но провода не нашел. Тут он вспомнил о своем наставнике деде. Линия как раз проходила рядом с его убитым телом. Гриша сразу вернулся вниз к началу холма и, остановившись у трупа старика, увидел конец провода. Проверил и убедился, что и в этот раз на этом конце линия работала. Гриша соединил провод с катушкой и уже хотел уйти, но остановился и, посмотрев на деда, оттащил труп в разбитый окоп— убрав от случайных снарядов, что могли долететь сюда.

— Да, дед оставался до конца верным войне,— подумал он.— Он с ней разговаривал, был почти свой, а теперь он продолжает воевать, охраняя и указывая мне на чудом уцелевшую линию.

Конечно, в этом затишье Гриша мог добежать и до штаба, но то, что рядом с его наставником была рабочая линия, говорило о том, что этот человек, даже погибнув, продолжал воевать.

— А душа старика, наверное, уже в отдельном Небесном батальоне. Дед заслужил это, и пусть у него не было медалей, но он честно воевал: спорил, ругался и всегда прислушивался. Те несколько слов, что он успел сказать мне, подтвердили, что не только я один вижу в ней, Войне, что то живое, даже разговариваю... Он был достойным и честным до конца, но видимо, его час пробил. Это предупреждение мне— теперь я первый, и от меня зависит связь, а от нее— жизни людей,— подумал Григорий.

Там за высотой вновь затрещал пулемет. Гриша, взяв катушку, еще раз посмотрел на бугорок, под которым упокоился дед, и вернулся к ДЗОТу. Восстановив связь, комбат доложил о потерях и, повесив трубку, произнес:

— Возможно, ночь будет спокойной, но расслабляться нельзя. Немцы могут вылазку сделать, чтобы сбить наступление.

А где то там в нескольких километрах вправо огромная армия СССР готовилась к наступлению. Здесь, на высоте, один батальон сдерживал атаки, артобстрелы, но все понимали, что основной удар будет в другом месте, чуть правее. Фашисты тоже об этом знали. Их попытки что то отвоевать были непонятны всем. Вся нацистская армада как снежный ком катилась с горы вниз. И где то там под такой же невидимой сопкой этот ком разобьется вдребезги и растает. Немцы это понимали, но сдаваться не хотели. В них проснулось что то иное: не фанатизм, а скорее отчаянный страх перед неодолимой силой справедливости.

Постепенно на высоту стала опускаться ночь. Изредка с дребезжающим визгом плевался миномет, но на него мало кто обращал внимание. Мины улетали куда то далеко и разрывались там—вперед, где наших позиций не было. А ночь обволакивала высоту тьмой. На небе появились звезды. Их изредка подсвечивали одинокие вспышки ракет. Месяц, качаясь, болтался «на честном слове»—ждал, когда же очередной осколок собьет его окончательно. Оставшиеся в живых наслаждались тишиной. Молча ели тушенку, пили спирт и курили самокрутки, вспоминая ужасы прошедшего дня.

Григорий устроился в штабе на ящиках. Поел, выпил положенные «боевые сто грамм» и, расслабившись, стал вспоминать дом и учебу. Прошедший день еще не отложился в его сознании так, чтобы о нем помнить с болью и горечью—все это придет потом, а теперь он сполна наслаждался подаренным войной удовольствием—остаться в живых.

3. Ночь

На высоту опустилась ночь. Это была вторая ночь на фронте—первую он и не заметил: будто провалился в черноту с одной мыслью—сменить деда наставника. Теперь

Петровича не было — он погиб, и Гриша, вспомнив старика, с жалостью вздохнул. Он перебирал в памяти все, чему тот его учил, стараясь хорошенько запомнить наставления.

Где то вдалеке гремела канонада, окрашивая вспышка ми горизонт. Изредка взлетали ракеты и освещали высоту.

— Интересно, полезут немцы ночью в атаку? — подумал он и сам себе ответил: — Врядли.

Линия фронта давно поравнялась с этой высотой, и она потеряла свою значимость. Теперь фашисты отойдут и в удобном месте займут оборону.

Так это и произошло, утром комбат приказал сниматься с высоты и идти вперед, но это только утром, а пока над высотой стояла ночь. Гриша вышел из ДЗОТа и, облоко тившись на бревна окопа, стал рассматривать поле боя.

Впереди метров за двести еще что то происходило. Одинокие автоматные очереди разрезали тишину: кто то истерично закричал на непонятном языке и умолк. Только канонада там, вдали, вздыхала и охала глухими взрывами. Казалось, что по горизонту ползет огромный сказочный огнедышащий дракон. Он извергает из своих голов огонь и бьет каменным хвостом по земле, отчего та содрогается. Испуганное эхо доносит откуда то редкие хлопки разрывов снарядов. Неожиданно эти глухие разрывы приблизились, и Григорий увидел — совсем близко — как вздымается земля, разбрасывая свой фейерверк грязи. Затем эти взрывы отошли в сторону, туда, где виднелся песок искусственной насыпи перед целым рядом укрепленных бойниц. Снаряды падали в этот песок и поднимали вверх облака пыли. Эти облака, словно чудовища, висели в воздухе. Их дрожащие лапы и хвосты соединялись друг с другом. Все это напоминало какое то странное представление. Вот — новый взрыв, и еще одно песчаное создание выросло из земли и поползло вдоль поля. За ним остальные — это легкий ветерок прогонял их, преображая облака пыли в непонятные движущиеся существа. Обстрел продолжался долго, и Григорий с интересом наблюдал за этими созданиями войны. Он даже подумал, что эти несуразные пыльные чудовища ее слуги. Они что то ищут, проверяют,

пока сама Война там, у горизонта наслаждается очередным представлением.

Вскоре все закончилось, и взрывы, и эти видения.

— Наверное, они ничего не нашли и просто оставили эту измученную землю. Война призвала своих странных разведчиков к себе, чтобы они в другом месте нащупали что то нужное для нее. А что может быть для этой ненасытной пожирательницы нужным—только люди: запах крови, стоны, боль. Это ее музыка наслаждения. Она успокаивается, когда кто то умирает в мучениях и деловито разводит по потусторонним батальонам мужества и трусости. А может быть, Смерть и Война—это одно и то же? Нет! Скорее они просто вместе занимаются общим делом. Одна сводит людей, зарождает в них причину ненависти друг к другу, а вторая как вечная старушка санитарка—прибирает и успокаивает. А здесь что? Никого нет, немцы отступили, и если учитывать канонаду, то фронт ушел далеко вперед. Почему мы здесь застряли?

Гриша услышал шаги. Обернулся и, увидев комбата, встал и взметнул ладонь к виску.

— Почему не спишь?—спросил офицер.

— На связи. Один я остался. Дед погиб.

— Жаль, хороший был солдат, пули его облетали, да, видать, время пришло. Да и замена,—комбат с ненавистью посмотрел на молодого бойца.

— Что, я то виноват, что меня сюда прислали?

— Нет, ты тут ни причем.

— А кто же тогда при чем?

И он ответил тихо и мрачно:

— Война.

— Да уж,—добавил связист,—сней не поспоришь.

— Да нет,—завелся комбат,—спорить надо! И нарушать все ее правила: она тебя приговорила—ты живи назло ей! Она тебя в ад кромешный—а ты выкарабкивайся! Не верь ей. Тогда, может, и выживешь!

— Понял,—резко произнес Григорий,—правило только одно: «Я должен выжить!»

— Молодец! Ты мне все больше и больше нравишься. Сам то откуда?

— В Казахстане родился.

— Да что то на казаха ты не похож?

— Русский я. Родители там жили.

— Понятно. Из сосланных. Небось казачок?

Григорий промолчал.

— Да ты не прячься от меня. Я никому. Да и в чем твоя вина? Что, родители враги народа?

— Нет.

— А чего стесняться тогда? Все знают, что казаков и по сле Гражданской войны ссылали, да и вождь наш — грузин — в долгу не остался. Это не значит, что они враги. Просто невзлюбили их. Понял?

Гриша, услышав эти слова, сжался, ему стало страшно. Как это он — такой сильный и правильный человек, назвал Сталина грузином. Причем произнес это с такой ненавистью, что молодой боец прочувствовал злость командира.

— Все будет нормально, не переживай, — произнес капитан и, не оборачиваясь, пошел дальше по окопу к восстановленной солдатами землянке. Гриша смотрел ему вслед и никак не мог отойти от услышанного. Постепенно все в голове выстроилось, и он понял, что этот человек действительно ничего и никого не боится. Многих это губило — язык и ненужная храбрость в высказываниях, но Киселев был другим. Он знал, где и когда нужно сказать то, о чем все думают, но боятся сказать. Он мог это сделать и мог смело смотреть в лицо смерти. Григорий глубоко вздохнул и посмотрел на ночное небо. Вокруг светящегося в темной бездне месяца обрисовывался странный затуманенный ореол.

— Возможно, — подумал Гриша, — этот туман и есть души погибших. Вон как их много! Они летят туда в своих грязных сереньких шинельках, оставляя здесь все: боль, страх, мысли, чувства, надежды. Теперь у них только одно — остаться там, в свете и быть принятым так, чтобы хоть там никто не трогал.

Вдруг в окоп свалилось нечто непонятное в форме военированного с огромной, набитой чем-то мягким сумкой. Это непонятное создание встало на ноги, отряхнулось, и Гриша

увидел под огромной каской курносый нос, детские губы и румяные мягонькие щечки.

— Ты кто?— спросил Гриша.

— Сансестра Березкина,— ответила симпатичная девочка.—Здесь чтоли штаб?

— Здесь,— ответил Григорий, и тут же услышал голос комбата.

— Березкина, бегом ко мне!

Девчонка запуталась в шинели, но смогла как то откинуть ее назад, схватила свою огромную сумку и побежала к Киселеву.

Последняя атака далась нелегко. С вечера тяжело раненых отвезли в передвижной госпиталь, убитых похоронили, а тех, кого лишь чуть зацепило, перебинтовали сами. И вот появилась Березкина, чтобы правильно обработать раны и перебинтовать тех, кто никак не желал лечиться. Комбат силой приказывал выполнять все указания этой девочки, но мужики все равно поступали по своему: царапнуло, или кожу рассекло, так сразу в сторону отошел, помочился на рану и снова в бой. Но вот от таких незначительных ранений и начиналась страшные нагноения и гангрены. Было обидно попадать в госпиталь из за царапины, которая почему то распухла и начинала гноиться. Все терпели и старались не показывать мелких ранений, но Киселев был строг. Он повидал все это и заставлял бойцов следить за собой и докладывать о каждой царапине. Многие стеснялись, когда маленькая девочка своими пухленькими пальчиками перебинтовывала их, но были и такие, кто показывал все синяки и царапины и готов был раздеться перед этой крошкой донага и показать все свои достоинства. Одни смеялись, другие стеснялись, а Березкина четко знала свое дело. Бинтов не жалела, мази и йоду тоже. Сначала солдаты прозвали ее Бинтик, но это прозвище не прижилось к ней. Бинт мужского рода, и даже если его произносить с уменьшительно ласкательной интонацией, все равно что то не стыковалось. Но однажды старшина случайно спросил:

— А где эта Пипетка?

Ему ответили где, но прозвище тут же подхватили, и оно навсегда пристало к этой девочке. Наверное, ей, как и многим здесь, еще не было и восемнадцати, но упорство и настойчивость помогли ей прорваться на фронт, где она доказывала всем, что не зря пришла на передний край. Звали ее Юлей, но по имени к ней обращались редко: чаще по фамилии или прозвищу — ее называли Пипеточкой. Когда она меняла присохшие бинты или останавливала кровь, стараясь поддержать умирающего солдата, так ласково и нежно, казалось, этот человечек любит только тебя. Ее оберегали все и помогали оттащить с поля боя тяжелораненых. Но однажды она удивила всех, когда смогла вытащить из под обстрела одного из ротных. Офицер не меньше сотни килограмм весил. Учитывая все воронки и непроходимую грязь, это казалось невозможным, а она сделала, как будто так и надо, и даже удивлялась тому, что солдаты ее за это хвалили.

— Служба у меня такая. Вы воюйте, а я рядышком помогаю. Кому плохо или уж совсем — спрячу, чтоб жив остался, — отвечала она.

Пипетка со временем стала каким-то необыкновенным солнышком для всего батальона. Она не просто радовала своим появлением, но и освещала и очищала уставшие солдатские души. Молодые бойцы несколько раз пытались угостить ее спиртом и потом порезвиться, но ничего у них не вышло. Те, кто знал, что такое ранение и чем может помочь эта девочка, обрубили у молодежи все желания. А двоим с Кавказа старшина лично поставил два симметричных фонаря, за что был вызван в политотдел, но дело спустили, за него заступился комбат, а его не только уважали, но и почему-то побаивались даже старшие офицеры.

В эту ночь, когда Григорий дежурил в ДЗОТе, Юлия быстро управилась со своей работой. Она взяла хлеб, несколько банок тушенки у старшины и пришла в ДЗОТ, где находился связист Михайлов. Он, конечно, удивился, подумал, что из-за него, понравился ей. Но девочка пришла сюда совсем по другим соображениям. Во первых,

связь, а во вторых—сухо. Она очень не любила сырость, а в эту ночь комбат запретил разжигать костры. Объяснил: «У немцев три миномета сюда смотрят, будут точно по кострам бить, а так неизвестно—ушли бойцы с высоты или залегли в окопах».

Юля ловко маленьким ножиком открыла тушенку, от ломила хлеб и стала уплетать за обе щеки. Григорий смотрел на нее и улыбался. От того, как вкусно кушала эта девушка, он сам достал из вещмешка тушенку с хлебом и присоединился к компании.

Прожевав, Юля пошутила:

— Ты много в рот не клади, а то как докладывать будешь, если связь работает?

— А я и не кладу много,— шепелявя, ответил Гриша.

— Ага, я вижу, как ты по чуть чуть уже всю банку слопал.

— Люблю я тушенку, могу хоть ящик съесть.

— Ящик нельзя, живот заболит. А я тоже ее люблю.

Только здесь в первый раз попробовала.

— А ты сама откуда?

— Из Москвы.

— Что, прямо из самой Москвы?

— Ага, из самой.

— А Красная площадь близко от тебя?

— Полчаса.

— Врешь!

— Конечно, вру. А ты поверил?

— Не, ну правда, откуда?

— Да из Москвы, откуда же еще.

Девушка закончила свой ужин, завернула и спрятала в сумку хлеб, взяла с собой пустые консервы и, уходя, улыбаясь, посмотрела на Григория и произнесла:

— Счастливо оставаться, боец радист.

— Еще встретимся? — спросил Гриша.

— Не дай Бог! А увидеться сможем,— серьезно ответила девушка, поправила шинель и, протиснувшись со своей полной бинтов огромной сумкой в узкий проход ДЗОТа, растворилась в серпантине окопов.

— Смешная. А я, дурак, даже не представился. Ну, ни чего, еще увидимся. Раз она в нашем батальоне, значит, вместе повоюем.

Григорий вышел из ДЗОТа и посмотрел на небо. На чинало светать. Зарево и канонада стихли, и лишь где то далеко что то глухо ухало, никак не желая успокаиваться. К штабу подошел комбат.

— Ляг, поспи хоть пару часов. Скоро снимемся отсюда. Немец ушел дальше к укрепрайону. Там они сейчас окапы ваются, а мы их и оттуда вышибем, а через пятьдесят кило метров начнется оборонительная система города крепости Кенигсберга. Три рубежа плюс сама крепость в городе. Говорят, неприступная. Вот там дела и начнутся, а пока ложись спи. Следующий день чапать будем, грязь толочь. До этого укрепрайона еще добраться надо. Фрицы то все на машинах, а мы за ними пехом.

— Да, удирать на машине легче, а вот догонять пешком сложнее,— согласился Гриша.

Комдив и он рассмеялись. Киселев сел у телефона, а Григорий, сел на ящики, достал из кармана листок и карандаш и решил написать письмо.

— Домой?—спросил капитан.

— Да.

— Напиши матери, что воевал хорошо—комбат отместил.

— Напишу,— качнув головой, ответил Гриша. Он достал свой ножик, подточил карандаш и начал писать письмо.

В двух предложениях сообщил, куда и когда попал и задумался. Посмотрел на молчащий телефон, вспомнил бой и продолжил.

Он не стал рассказывать, что за люди оказались рядом и как погиб его первый боевой наставник. Гриша написал, что батальон нормальный и приняли его хорошо.

Спросил, как там они живут, но тут же вспомнил, что, конечно, голодают. Написал, что проявил себя в первом бою хорошо и закончил тем, что, как всегда, попросил передать привет всем близким людям: брату, друзьям и тем, кто его помнил. Спросил у комбата адрес и, указав его

в письме, сообщил в какую воинскую часть писать ответ. Свернул листок треугольником, четко написал на нем домашний адрес и положил письмо в правый карман гимнастерки. Встал, поправил ящики. Лег на них, положил под голову вещмешок и, укрывшись шинелью, сразу уснул.

4. Дорога

Утром батальон построился у подножия высоты. Именю там, где еще вчера стояли немцы. Теперь их не было, и отдельный штурмовой батальон готовился в дорогу, догонять тех, кто никак не хотел сдаваться. Казалось, что за четыре года войны фрицы заразились этой странной и необъяснимой русской чертой характера — несмотря ни на что, стоять до последнего патрона.

Киселев рассказал бойцам о предстоящем переходе. Впереди стоял укрепленный район и первая линия обороны Кенигсберга. Она проходила далеко за чертой города — километрах в двадцати, но и перед ней еще в несколько километров были нарыты окопы, построены ДЗОТы и доты, и находилось множество минных полей.

Старшина Савчук помог Григорию сложить в полуторку катушки и остальное имущество связиста и отправил машину на склад загружать своим батальонным скарбом. Они вышли на дорогу — навстречу новым боям и новой неизвестности.

Гриша шел, переминая своими аккуратными сапожками дорожную грязь. Сама дорога была сплошным месивом: по ней уже проехали САУ, танки и машины, да наверно прошла не одна тысяча ног. Липкая грязь огромными лаптями висела на каждой ноге. Идти было трудно, люди, не успев начать движение, уже устали.

Григорий смотрел на дорогу и думал: «По всей земле, где прошла война, такие дороги. Они словно раны этой земли — шрамы, разжеванные ногами солдат, превратившиеся в длинные извилистые болота. И как только по ним машины ездят? А солдатики, и так уставшие выталкивают их, чтобы

они ехали вперед и везли боеприпасы, и тащили за собой пушки. Ведь там без всего этого нельзя. Что будет, если мы придем на передовую, а воевать нечем? Мы просто превратимся в беззащитные мишени. Такого допустить нельзя, и вот приходится всем тащить и себя, и машины, и все остальное, что нужно там где нас ждет смерть. Ведь многие из тех, кто сейчас так же, как и я, чапают в этой жиже—погибнут, и ни кто ничего изменить не сможет: ни сегодня, ни завтра война не закончится. Она, конечно, доживает свои дни, и все пони мают, скоро войне конец, но когда наступит это «скоро».

Григорий посмотрел по сторонам и с удивлением и ужа сом осознал, что из тех, кого он знал в лицо, остались лишь командиры да старшина. Он стал пристальней вглядываться в глаза, в одежду, пытаюсь хоть кого то вспомнить, кто был с ним перед взятием высоты, но рядом двигались лишь незнакомые ему бойцы из других рот. Вдруг в этой устав шей толпе шагающих друг за другом он услышал знако мый голос—Фролов! Тот самый, что подшучивал над ним. Григорий не удержался и крикнул:

— Фролов, ты, что ли, там голос подаешь?

Шагающий рядом коренастый солдат лет сорока не громко ответил:

— Погиб Фролов. Это Юрик, черт его за ногу. Голоса у них похожи, он меня утром тоже напужал. Я то видел, как Фролова из крупнокалиберного покрошило.

Мужик не стесняясь перекрестился и прошел чуть впе ред, пытаюсь обойти большую лужу.

Григорий посмотрел на его серое лицо и ничего не смог ответить. Был Фролов— шутил, а теперь его нет —лишь где то там, на высоте куски его тела остались. Григорий тя жело вздохнул, и в его сознании стали всплывать образы тех, кто погиб за эти дни. В душе появился страх: казалось, что все убитые сейчас стоят вдоль дороги и смотрят на них, оставшихся в живых. Он чувствовал их взгляды, а особен но глаза деда—его сухие, с хитринкой, голубые глаза, кото рые всегда смотрели прямо в душу.

Все, что происходило до этого, прошло как то странно— на одном дыхании, и понять и осознать, что это было, не

получалось. Но теперь в монотонном чавканье солдатских сапог мысли словно под барабанную дробь стали выстраиваться, и Гриша стал не просто понимать, но и осознавать то, где он находится.

— Это ад, в который война загнала свои жертвы!— ду малон.— Здесь нет людей, здесь только машины: и живые, и железные— которые умеют только одно: убивать! Когда они умирают, о них сразу забывают. Нельзя помнить о погибших— с ума сойдешь. Этак я два дня провоевал, а уже в голове кошмары. А что будет через месяц? Может быть и ничего,— ответил он сам себе.— Возможно, к тому времени меня уже не станет. Я погибну, как сотни, тысячи других, и никто даже не остановится— все пойдут дальше бить врага. Наверное, после войны все эти воспоминания не уйдут и не растают, как снег. Те, кто будут жить после нас, вспомнят о каждом и скажут спасибо за то, что мы вот так через силу прошли через всю эту грязь.

Все вокруг показалось каким то мрачным и страшным, тени убитых метались между тех, кто еще шел по этой земле. Покрасневшие листья кленов, одиноко стоявших вдоль дороги, были такими же мрачными, как и все остальное. Их краснота напоминала пролитую на этой земле кровь. А небо: тусклое, серое, тяжелое висело над этим миром, и хотело упасть и раздавить всех тех, кто еще был жив. Непонятно, как вся эта тяжесть держалась над нами. Там, в облаках, таких же серых, виднелся черный дым еще не разогнанный ветром. А мы шли! Усталость превратилась во что то большое, живущее внутри каждого. Вся она объединилась и окутала шагающих вперед людей.

Кто то в строю не выдержал и весело крикнул:

— Все! Ща сяду в это говно и застрелюсь!

— Давай,— кто то ответил ему.— Только смотри, все уставшие, никто перешагивать не станет. Будут идти по тебе.

— Не, по мне шагать не надо. Лучше я поползу.

— А по ползущему шагать можно? — в шутку спросил тот же мужик, что знал Фролова.

— И поползущему нельзя! — заорал солдат и сам засмеялся.

Этот смех прокатился по строю и, казалось, придал силы, прогнал тяжесть и усталость, и все заулыбались, видя, как через силу кряхтит, но идет самый уставший.

Толпа бредущих людей, как единый организм, тяжело вздохнула и, выдохнув усталость, открыла второе дыхание. Бойцы подровнялись, разом приободрившись. А тут еще и Пипетка прискакала. Она, широко шагая и пачкая всех отлетающей от ее сапог грязью, шла быстрее всех и обгоняла уставших мужчин.

Глядя на нее, многие воспряли духом: как это сопливая девчонка шагает, не чувствуя усталости, а они раскисли! Те, кто действительно уже не мог перебирать ноги, стали шутить ей вслед.

— Пипетка, на прицеп возьми! — крикнул пожилой солдат.

— Я только раненым помогаю, — ответила санитарка.

— А мы ему поможем, — крикнул кто-то из строя, — за днищу сейчас прострелим.

— Ну хватит дурака валять! Скоро привал! — грозно скомандовала девушка.

— Мы до него не дотянем! Сейчас будем все дураки и будем все в одной каше валяться! — крикнул голос, похожий на погибшего Фролова.

— Ладно хлопцы, хорош, — почти шепотом произнес старшина. Все остановились. Он посмотрел на бойцов и скомандовал:

— Привал. Только далеко не разбредаться.

К нему подошел недавно прибывший лейтенант Симона — замполит батальона.

— Как привал! Ты как посмел! Да я тебя! — заорал он.

— Слышь, пацан, ты не бузи! Глянь, как народ измучен! Мы что, военнопленные?

— Нет.

— Ну тогда заботьтесь о личном составе, товарищ лейтенант. Ща на какой забредший отряд фрицев нарвемся,

один, что ли, воевать станешь? Народ не в силах оружие держать, а ты его по этому болоту гонишь!

Обстановку разрядил комбат.

— Привал,— повторил он команду старшины. Лейтенант Симоха еще минуту стоял с открытым ртом, не зная, что сказать. Но резко собрался и обратился к Киселеву:

— Товарищ капитан, у нас же приказ— дойти до населенного пункта к 20:00!

— Дойдем,— грубо ответил комбат и устало побрел к ближайшему дереву, чтобы присесть на оставшийся сухим около него клочок пожелтевшей травы.

Гриша пристроился под кустом, нашел палку и стал скребать прилипшую к сапогам грязь. Очищенные, ноги словно стали невесомыми: он встал и глубоко вдохнул прохладный осенний воздух. Посмотрел вокруг, и мир по казался ему уже не таким мрачным. Он снова сел на траву, развязал вещмешок, достал хлеб, банку тушенки и принялся есть.

— Ну что, тушеночник? Опять обжираться? — услышал он голос санитарки Юли.

— Ага. Как всегда, наесться не могу.

— Я тоже не могу привыкнуть. Вот наемся, а все равно кушать хочется,— согласилась с ним девушка.

Гриша посмотрел на нее и понял, что эта девчонка, как и он, тоже знает, что такое голод.

Они сидели рядом и, ничего не говоря, уплетали тушенку. Расправившись каждый со своей банкой, развалились рядом, как старые знакомые, и стали смотреть на небо.

Ветер разогнал серые облака, черные тучи и остатки дыма. Выглянуло солнце и осветило не только землю, но и их, довольных и сытых.

— А ты вообще ничего парень. Не пристаешь и не намекаешь, как другие,— произнесла девушка, продолжая смотреть на небо.

— Да я сюда вообще то не за этим пришел.

— Все мы тут за одним и тем же. Дожить бы и встретиться на Красной площади после войны. Был хоть раз в Москве?

— Нет.

— Ну ничего, еще побываешь,—с какой то детской уверенностью произнесла Юля.

Она встала, отряхнулась, и Григорий впервые смог толком рассмотреть ее. Нет. Она была не в его вкусе. Эти огромные, висящие галифе, наверное, меньшего размера не нашлось, шинель, закатанная за ремень, и курносый детский носик. Юля посмотрела на Гришу, и он увидел ее глаза: огромные карие глаза, которые показались ему симпатичными и смешными. Какими то игрушечными — как у куклы.

— Ну ладно, я пошла,—произнесла девушка и, закинув на плечо свою огромную сумку, побежала к дороге.

— Нет, она не в моем вкусе,—подумал Григорий.— Вот та — лейтенант из роты связи — радистка Лена — вот это женщина. Сапожки начищены — блестят, юбочка, гимнастерка, на пышных волосах пилотка наискосочек. А ножки какие! Коленки кругленькие и глазищи. Вот у нее глаза так глаза, за такие глаза можно все отдать. Вот так прижался бы к ней и не отпускал. Она вся такая нежная, словно нарисованная. На нее смотреть можно сутками. А как воинскую честь отдала! Грудь вперед — чуть чуть колыхнулась, и тонкие пальчики ровно к виску: «Командир взвода Титова!» И все тут! Вот бы с ней потанцевать! Взять такую женщину за талию? Да лучше на фрицев в рукопашную — проще, чем с ней пару раз под музыку шагнуть. Она женщина, да какая! А эта — чума курносая. Ничего, говорит, ты, не пристаешь, как другие. Тоже мне сравнила. С ней если только во дворе в прятки играть, или истории страшные у костра рассказывать. Ну понятно — маленькая еще. Маленькая, не маленькая, а сколько народу спасла. Комбат говорил, что она с ними уже четыре месяца. Надо же, повоевала, насмотрелась всякого. Мужики ее уважают и любят — есть за что. А так ребенок еще, в такую влюбляться смешно, но дружить с ней можно — веселая она и, по моему, очень честная. Такую девчонку я и сам бы уважал. А то какие то тифозные, несчастные, голодные. А эта вся горит! Молодец! Но лейтенант Лена Титова — это мечта. Интересно, у нее губы

свои или она их так накрasila. Наверное, свои. Краситься здесь не разрешают. Хорошо, что им прически можно носить, хоть какая то радость увидеть что то приятное.

Радужные мысли оборвал голос старшины:

— Строиться!

Все вновь встали в грязь, выравнивая шеренги, чтобы, как положено, строем дойти к 20:00 к назначенному населенному пункту.

Батальон построился, солнце в небе разыгралось и все, отдохнув и поев, с шутками продолжили месить это бесконечное месиво, словно со всего света собранное на дороге.

Кто то кричал: «Ну вот, теперь и воевать можно»,— а кто то смеялся: «Да теперь все фрицы разбегутся, увидев наши животы!»

Гриша тоже шел, как и все. И эта тяжелая грязь, ломтями прилипающая к сапогам, казалась уже не такой тяжелой и вязкой. Оставалось только вовремя дойти, чтобы выполнить поставленный приказ.

— Все таки настроение важная штука!— подумал он.— Вот с утра ушли с высоты, все, конечно, мало спали, и я тоже на этих ящиках замучился: до сих пор спина болит, но вот вышли на дорогу— вся усталость и недосыпание проявились. А стоило всего час поваляться на траве, даже не спать, а просто на мгновение оказаться в состоянии покоя, и сразу— словно заново родился!

Григорий шел и улыбался. Смеялись и остальные бойцы, по прежнему месив сапогами грязь. Но Война и ее до роги дело особенное.

— Нужно привыкать много и часто ходить,— вспомнил Гриша слова учителя из ташкентской школы.— Ничего, привыкну.

Дорога продолжала петлять. Небольшая передышка, конечно, придала силы, но фронтовая дорога, будто нечто живое, высасывала бойцов. Шагать становилось все труднее, монотонность возвращалась. Шутить и смеяться солдаты вскоре перестали, и вернулось уже знакомое чваканье этой нескончаемой грязи. Нет, иногда получалось идти по уцелевшей обочине и стряхивать с сапог прилипшую грязь,

но в основном никакой обочины не было. Промежуток земли, называемый дорогой, был разбит техникой и сапогами солдат. Григорий снова задумался:

— Интересно, сколько человек прошли здесь за годы войны? Наверное, не очень то и много,— ответил он сам себе. Эта дорога была не главной и не стратегической, а так, обходной от одного населенного пункта к укрепленной. Сначала фрицы по ней шагали, теперь вот они...

Постепенно начало смеркаться. Время подгоняло. Все понимали, что хоть и хочется отдохнуть, но нельзя. Нужно успеть в назначенное место вовремя.

Наверняка от этой точности что то зависело. Какие то действия, передвижение всей армии и вот эти маленькие населенные пункты были не просто точками на карте, а метками того пути, по которому предстояло идти нашей армии. И эту очередную метку нужно было преодолеть вовремя. Именно оттуда доложить о прибытии, или взятии, и ждать дальнейших указаний. А время и ночь не знали о планах генералов и их стратегии. Они сами по себе ступали на эту землю, не желая выручать уставших солдат.

Примерно через час, когда сумерки окутали небо и редкий кустарник, кто то закричал: «Батальон, стой!»

Народ в первых рядах заволновался, загалдел.

— Похоже, разведку вперед послали,— произнес сутулый, все время кашляющий солдат.

— Что, немцы?— с удивлением спросил Григорий.

— Не, населенный пункт. Пришли. Сейчас разведка проверит, что там, и мы за ними пойдём,— ответил солдат.

— Так надо найти комбата! — подумал Григорий.— Нужно наладить связь.

Григорий снял с плеча недавно полученную переносную рацию, щелкнул выключателем, накинул на шею наушники и побежал вперед. Около двух сломанных деревьев он увидел Киселева с остальными офицерами. Подбежал к ним и громко спросил:

— Связаться со штабом дивизии?

— Да погоди ты!— ответил комбат.

Он внимательно смотрел вперед, где ничего не напоминало о населенном пункте. Дорога своей грязью разрезала на две части черное распаханное поле, по которому было еще труднее идти, и лишь где то вдалеке еле заметно светились несколько огоньков.

— Выключи рацию, не торопись,— произнес капитан, продолжая смотреть в наступающую темноту.

— Наши пришли!— крикнул кто то со стороны.

К комбату подбежали два солдата и о чем то стали говорить. Григорий отошел в сторону, но несколько фраз уловил. Населенный пункт оказался небольшой сгоревшей деревушкой. Три или четыре дома. Немцы еще утром были здесь, по показаниям разведчиков, заминировали не толь ко дорогу к полю, но и оставшиеся полусгоревшие сараи.

Обходить— можно попасть на минное поле, по дороге нельзя, а минеры будут до утра ковыряться, пока разминуют эту грязь и сараи.

— Будем ждать. Старшина!

— Да, тут я, товарищ капитан.

— Пока остановимся здесь. Разверни полевую кухню, пусть все отдыхают. А командирам рот выставить караулы. Все! Привал! А Спицу синицу ко мне!

Через минуту перед комбатом вырос небольшой паренек с кривой ухмылкой на лице — батальонный минер Спицын. Григорию показалось это странным, но один из ротных, увидев его недовольный вид, объяснил:

— Ты, связь, не думай. Это осколок ему такую улыбку нарисовал. Война, она ведь тоже смеяться умеет. Видал, как улыбнулась?

— Видал.

Григорий еще раз посмотрел на минера, и по его спине прошел холодный пот. Он ужаснулся, увидев это серьезное и одновременно улыбающееся кривое лицо. Он отошел в сторону, пытаясь спрятать от остальных свой страх. Но в наступившей темноте и напряженной обстановке на него никто и не посмотрел. Все внимание было приковано к комбату, его словам и приказам. Как, откуда начать, что проверить в первую очередь и кого взять из бойцов.

Молодых минеров решили не брать. Ночь, скользкая грязь, тут и опытный промашку дать сможет, а молодые тем более. На дорогу ушли трое: те, кого комбат знал лично и был уверен в каждом. Когда то минеров было двадцать пять, а сейчас осталось трое. Немцы с каждым разом все хитрее и хитрее ставили мины. А наши мужики попадались, особенно когда одну мину над другой ставили. Верхнюю разминировал, снял, а под ней вторая сработала. И таких «шутков» у немцев было припасено много. Особенно на разбитых дорогах и больших домах, где можно разместить личный состав.

— Включайся,— повернувшись к Григорию, строго произнес комбат.

Гриша включил рацию, поправил антенну и стал ловить позывные.

— Орел, Орел, я Седьмой. Ответь. Орел, я Седьмой— ответь.

В наушниках зашрипело, и Гриша услышал ответ:

— Седьмой, я Орел, Третий на связи.

Григорий сразу узнал голос лейтенанта Титовой, сердце екнуло. Он молниеносно вспомнил сапожки, коленочки, пилоточку и дрогнувшую под гимнастеркой грудь, но вида не подал.

— Товарищ капитан, Третий на связи.

Комбат схватил наушники с микрофоном и доложил:

— Завис на подходе. Все заминировано. Думаю, к утру пройдем.

Почти минуту молчал, слушал и в конце произнес: «Есть!»

Комбат отдал Григорию наушники, встал, расправил плечи, потянулся и громко гаркнул, видимо со злости: «Отбой!» Посмотрел на испуганного радиста и улыбнулся.

Старшина куда то убежал. Около полуторки задыми лась кухня и солдаты, забыв об усталости, снова начали шутить и смеяться. Где то совсем рядом прозвенел голосок Березкиной: она, как и прежде пыталась перевязать тех, кто не очень то хотел этого. Батальон расслабился, Григорий увидел, как Жопомордин выставляет караульные по

сты и, выдохнув страх, о котором он на мгновение забыл, посмотрел на минеров, аккуратно ступающих по дороге, успокоился и решил устроиться возле небольшого куста. Утоптал грязь, принес сухих листьев и уже на них бросил шинель.

— Товарищ капитан, костры разжигать можно?— спросил он.

— Можно. Ты здесь, что ли, будешь, чтоб я знал?

— Да.

— Ну ладно, будь. Если понадобится, пришлю за тобой. А у машины со старшиной. Понял?

— Точно!

— За «боевыми» подходи. Тебе положено.

— Есть!

— Каждый час выходи на связь.

— Есть!

— Да что ты заладил, есть да есть. Выполняй.

— Понял.

Киселев резко повернулся и пошел к полуторке, а Григорий собрал сухих веток, разложил их елочкой, но разжигать не стал. Сбежал за «боевыми», принес, все аккуратно расставил и тут понял, что он один.

— Да одному как то не пьется,— произнес вслух солдат. Он посмотрел по сторонам и увидел спешащую Березкину.

— Эй, Пипетка, на секундочку.

Девушка подошла, из подо лба, насупившись, посмотрела обиженным взглядом и со злостью выдавила из себя:

— Меня Юля зовут.

— Ну извини. Я думал, ты на это не обижаешься.

— На стариков нет, а от тебя не ожидала.

— Все, забыли. Я этого слова больше не знаю. Составь компанию, а то под тушеночку что то одному не пьется.

— Давай. Меня этим не удивишь. Повоюешь, привыкнешь пить один.

— Не знаю, может быть.

— Может, может. Пьют то, чтоб страх приглушить, а не в компании повеселиться.

— Ну сейчас то вроде нечего бояться.

— Боятся всегда есть чего. Просто сейчاستихо.

Девушка скинула сумку, села на нее и, достав свой котелок, разлила Гришин спирт на две почти одинаковые части. Ему оставила побольше. Они молча выпили, закусили тушенкой. Сам собой начался разговор.

Григорий смотрел на проступившие в небе звезды и смеялся. Уставшее тело, получив дозу алкоголя, сразу расслабилось. Рядом сидела Юля и, подбрасывая дрова, о чем то рассказывала. Юноша внимательно смотрел на нее, сидя по турецки, скрестив ноги и упираясь в подбородок рукой, но ничего не слышал. Перед ним стояло видение: лейтенант Титова в тот момент, когда она козыряла и ее грудь вздрагивала под гимнастеркой. А еще коленки и ровные кие бархатные ножки.

Юля тоже опьянела, она размахивала руками, вставала, ходила вокруг костра, делая огромные шаги, что то показывала в небе, но Григорий таки не сумел ничего разобрать.

Потом она куда то убежала и, вернувшись, принесла два котелка горячей каши. Почувствовав вкусный запах, Гриша немного пришел в себя, достал ложку и с наслаждением принялся за эту волшебную еду. А такой сказочной и вкусной она была не только потому, что повар приготовил ее с душой, а потому, что она была горячей. Горячая каша вернула молодого бойца в более менее нормальное состояние, и он, включив рацию, доложил дежурной связистке из штаба дивизии о том, что у них все спокойно.

5. Таня

Ночь продолжала плыть, словно река. Ее темное течение посветлело, стало прозрачным. Наступало утро. Григорий спал в наушниках, но рация при этом была отключена. Юля натаскала откуда то соломы, разложила ее, и на ней, укрывшись шинелью, уместилась, как Дюймовочка в цветке. Из под грубой, огромной шинели торчал и сопел лишь ее курносый нос.

Ночная река утекала, и ее плавно и незаметно сменяло чистое голубое море небо. На рассвете Гриша увидел сон: дед связист с суровым лицом смотрел на него из этого светлеющего неба. Он требовал что-то сделать, но при этом молчал. Его глаза кричали — проснись! Гриша дернулся во сне и проснулся, чувствуя на спине холодный пот.

Осеннее утро пробирало зябкостью. Он быстро набросал веток в тлеющие угли и вскоре согрелся у разгоревшегося огня. Вспомнился сон — и ему стало плохо, даже замутило.

«Неужели этот дед так и будет преследовать меня?» — подумал он. Но потом успокоился, решив, что эти кошмары от непривычно большой дозы спиртного, принятой накануне. Старшина не пожалел, плеснул полкотелка, да и у Юльки, как у сансестры, что-то было в заначке.

Он накинул на плечи шинель, и пытался вспомнить, что происходило вчера, у костра.

«Вроде бы ничего особенного», — решил он. И вновь вернулось лицо Петровича. Гриша опять почувствовал тяжесть в душе. «Чего хотел этот дед, зачем снился?» — ругал он погибшего старика, но, увидев рацию, тут же вспомнил, что не докладывал всю ночь — проспал. А комбат приказал через каждые два часа выходить на связь.

Схватив наушники, он тут же включил рацию и стал вызывать штаб.

— Орел! Орел! Я Седьмой! Ответь!

В наушниках послышался треск, и сонный голос девушки ответил:

— Орел слушает.

— Я Седьмой, у нас все спокойно! — отрапортовал он.

— Что ж ты так кричишь? Проспал? — спросил голос в наушниках.

Григорий замолчал. Он не знал, стоит ли отвечать простой радистке, или, может, он попал на офицера связи?

— Да ладно, успокойся. Я тоже вздремнула, — смеясь, произнесла девушка.

Ее голос проснулся, и она, уже не зевая, спросила:

— У вас как там, холодно?

- Да, но я у костра сижу, согрелся.
- Молодец. Ну что, до связи — или поболтаем? Все равно ведь проснулись?
- А нас не накажут?
- А кто услышит то? Или узнает?
- Да некому, если только фрицы, — пошутил солдат.
- Они пусть слушают.

Услышав знакомые интонации голоса, Григорий понял, что на том конце их невидимой связи лейтенант Титова. Он даже приосанился, расправив плечи. В голове слегка зашумело и напомнило то, что было ночью.

- Тебя как звать? — спросила радистка.
- Григорий. А вас Лена? Лена Титова? Извините, лейтенант Титова?

Минуту рация молчала, Григорий лишь слышал ее дыхание, но ответ все же последовал:

- Нет, я Таня.
- Таня? А я вас видел?
- А ты когда прибыл?
- Три дня назад.
- Вряд ли. А что, тебе Титова понравилась?

Григорий решил, что это она сама его разыгрывает от скуки, но, услышав последующие слова, решил, что ошибается.

- Ты не думай, я тебя не разыгрываю. А голоса у многих женщин похожи, особенно в наших рациях. На немецкой, трофейной, работал?
- Нет.
- Вот на ней за сто километров чистота, кажется, будто рядом сидишь и разговариваешь. Вселовит.
- Да наши тоже вроде ничего.
- Нормальные, и починить их можно, не то, что эти — немецкие.

— Ага, — согласился Григорий и, привстав, подбросил в огонь последние две, найденные свечера, сухие доски.

— А что Титова, я, между прочим, не хуже. И рост такой же, и волосы, и все остальное, — решительно произнесла девушка.

— Значит, вы красивая. А я обыкновенный, только с учебки из Ташкента.

— Сколько тебе лет?

— В феврале восемнадцать исполнилось.

— Ну, ты уже взрослый, значит, и о любви поговорить можно?

— Можно, только что о ней говорить?

— Как что? Тебе Титова понравилась? Признайся честно?

— Конечно. Она всем нравится.

— А не так как всем, по особенному, понравилась?

Гриша тяжело вздохнул, и это было услышано на другом конце связи.

— Можешь не отвечать,— произнесла девушка, и в ее голосе Гриша услышал смех.

— А что вы смеетесь? Где я мог такую увидеть или встретить? В Ташкенте? Там все или под паранджой, или старые да больные.

— Такты что—еще ни разу, ни с кем,— девушка на мгновение замолчала,— не встречался?

— Нет. И если вам интересно, даже не дотрагивался.

— А где ж ты жил?

— Сначала в степи, среди казахов, под Павлодаром, потом в интернате, там все девочки отдельно от нас были. Мы их только издалека видели.

— А когда ты, говоришь, прибыл?

— Три дня назад.

— Уже воевал?

— Да. Сначала высоту брали, потом сутки ее удерживали,— с гордостью ответил солдат.— А что вы думали, я со пляк?

— Да ты не злись. Я тебя понимаю. Я тоже одна.

— Если вы такая красивая, как Титова, и если вы мне не врете об этом, то я вам не верю. Не может такая девушка быть одна.

— Эх, солдатик, мне двадцать два. Я уже год на фронте. Поверь—может,— с грустью ответила Таня. Григорий даже почувствовал, что она заплакала.

- Успокойтесь, пожалуйста. Я не хотел вас обидеть.
- Да что ты все «вас» да «вас». Просто Таня и все!
- Хорошо.

Несколько минут они сидели и слушали в наушниках дыхание друг друга. Рядом с Григорием потрескивал костер и сопела Юлька. Она наполовину скинула с себя шинель, согрившись от теплоты костра. А там, в штабе, за столом сидела Таня. Рядом на буржуйке дымился чайник. Он давно закипел, но она никак не могла встать и снять его.

— Я сейчас, не отключайся,— произнесла Таня. Она все же сняла наушники, взяла тряпку и сняла с печки чайник. Хотела заварить чаю, но передумала. Поставила чайник на пол и вернулась к рации.

- Ты где?
- Я здесь,— ответил Гриша.
- Значит, повоевать успел?
- Ага.
- Послушай, «Ага», хочешь встретиться?
- С вами, то есть с тобой?
- Нет, с лейтенантом Титовой,— съязвила девушка и добавила,— конечно, со мной.
- Спрашиваете!
- А ты смелый? Тайну хранить умеешь?
- Не волнуйтесь ...ся, извини. Я никак на «ты» перейти не могу. Знай, я в интернате жил. И за болтовню сам многих наказывал. А знаете, что такое интернат, где все как волки, все голодные?
- Представляю.
- Вряд ли. Не дай Бог кому такое пережить, особенно в детстве.
- Хорошо, значит, тебе можно доверять. Только ты не подумай ничего. Да, конечно, многие девчонки на фронте хороших ребят жалеют и встречаются с ними, потому что понимают, что этот день может быть последним у них. Я не такая. Но у меня тоже и тайна, и проблема есть.
- Это еще что?
- Да не что, а кто? Увязался один полковник, ухаживает, а я от него бегаяю. Если он кого со мной увидит, может

запросто в штрафбат отправить. Придумает за что, у него это хорошо получается.

— Ну вот, а говорите одна. Я же говорил— врете.

— Дурак! Я с ним никак и даже прячусь. Специально ночью дежурю, чтобы днем спать. Доверилась тебе, а ты...

— Да нет, что ты. Я же не знаю, как оно там у вас. Ты одно говоришь, а он, может быть, любит тебя.

— У него жена и двое детей. Знаешь, зачем я ему нужна?

— Догадываюсь, слышал о фронтовых подругах.

— Я не такая! Еще раз повторяю! Что, испугался полковника?

— Нет. Я готов встретиться и очень даже хочу этого. У тебя, Таня, красивый голос, как...

— Ну, знаю, как у лейтенанта Титовой. Проехали, я не обиделась.

— Извини, я все никак не могу привыкнуть.

— А где встретимся то? Я в поле, ты в штабе. Между нами расстояние огромное.

— Ничего, завтра. Вы в деревню войдете, а мы следом. Там вроде штаб планируют. Следующей ночью на два деления влево волну сбей, и мы с тобой свяжемся. Договорились?

— Да, конечно!

— Ну все, тогда до завтра. Я до двух ночи дежурю. Начиная с двенадцати, каждые полчаса без одной минуты я проверять буду. Выходи на связь. Все, тут офицеры пришли.

В наушниках раздался щелчок, Григорий посмотрел на часы, понял, что прошло два часа. Решил подождать десять минут и, как положено, выйти на связь, доложить в штаб об обстановке.

Костер постепенно догорал. Нужно было идти искать дрова, но наступившее прохладное утро радовало Григория свежестью и свободой. Он почувствовал, что в нем что-то родилось, и это что-то шевелилось в душе и рождало волнение.

Доложив об обстановке, Гриша разбудил Березкину. Он совсем забыл, что эта девочка спит рядом. Перед этим, вот

меренные после разговора с Таней десять минут, он смотрел на нее и думал: «Вот рядом девчонка. Нормальная, даже симпатичная. Можно, пока она спит, дотронуться до ее волос, лица, узнать, почувствовать, что это такое. Но Юлька была другим человеком. Она не воспринималась как женщина, скорее как друг, мальчишка сорванец, сбежавший на фронт. Эта девушка еще не обрела свою женственность. Каждый день, видя мучения и боль, пачкаясь кровью, она забывала о себе. Она не думала о прическе, одежде и о том, что может кому то понравиться. В ее голове жила одна единственная мысль — помочь тем, кто гибнет рядом, спасти, вытащить с поля боя и в этом отношении она стала взрослой и сильной. В ней родилось что то мужское, не сгибаемое, и оно затмило всю ее девичью красоту».

— Ты давно проснулся? — спросила она, ворочаясь под шинелью, пытаюсь спасти под ней остатки тепла.

— Давно.

— Доложил?

— Да.

— Наверно, можно еще поспать?

— Да, спи, конечно, если что, я разбужу.

— Хорошо, — ответила Юля и еще сильнее укуталась грубой шинелью.

Гриша встал, все же решив собрать дров и разжечь костер, чтобы этому человеку, что спал рядом, стало теплее.

Он дошел до опавшего кустарника и увидел рядом ящик из под снарядов. Разломал его на месте, чтобы не стучать у костра. Вернулся, раздул тлеющие угли, бросил в них доски от ящика и сел рядом с рацией.

Где то там, далеко в штабе была она, та, что сегодня на рассвете вот так запросто поверила в него. Гриша представлял Таню по разному: высокой, стройной, но все время перед глазами вставал один и тот же образ лейтенанта Титовой.

Он смотрел на разгорающееся пламя и одновременно с ним чувствовал, что такой же огонь рождается в нем, в его чистой, не знающей любовной боли и обид душе. Он мечтал, представлял, как обнимет ее, поцелует, постарает

ся быть нежным. Еще в ташкентской школе связи он с ребятами, такими же пацанами, часто мечтал именно об этом. И вот оно случилось. Но произошло все как то странно: Гриша ее не видел, она его тоже, что за Таня? Кто такая? Много разных, ненужных и пугающих вопросов возникло в его голове, и он все списывал на странность того, что происходило вокруг. Война, видимо, пожелала дать ему такую награду, а может, решила поиздеваться—дать шанс почувствовать, что такое любовь, перед тем, как отнять и ее, и, быть может, саму жизнь.

«Наверно, поэтому девчонки на фронте такие сговорчивые. Гибнут ребята, даже не успевая обсудить с друзьями, как оно произошло и чем закончилось», — думал он.

Рассвет в небе сменился ярким восходом. Солнце купалось, разбрызгивая свои лучи по облакам. Гриша посмотрел на часы—и не заметил, как пролетело время. Он решил еще раз связаться со штабом. Доложил об обстановке и неожиданно для себя спросил у радистки с тоненьким голоском, где Таня.

— Какая Таня? — удивилась девушка. — У нас нет никакой Тани. Может, из спецсвязи, мы их не знаем. Сами только заступили.

Григорий почувствовал, что эта радистка тоже не прочь поговорить, но он не стал завязывать разговор, сухо извинился за ошибку и отключил рацию. Встал, глубоко вдохнул чистый прохладный воздух, потянулся и заметил, как к нему идет комбат. Григорий поправил гимнастерку и вышел ему навстречу. В трех шагах от костра доложил о связи со штабом и о том, что никаких указаний не поступало.

— Пошли к костру. Ты что вскочил? — спросил капитан.

— Да там Юлька спит.

— Что, подружились?

— Да вы что, товарищ капитан?

— А что, поругались?

— Нет.

— Ну и ладно. Я знаю, ты пацан нормальный, вот только Березкина веселая с вечера, к старшине дважды за спиртом прибегала.

— Нет, ничего такого не было, ну выпили, поболтали. Она там на сене спать легла, а я и к земле привыкший: ко стерггреетиладно.

— Ну а голова то не болит?

— Сухо как то во рту. Попить бы.

— Не вздумай. Снова окосеешь. Это спирт, а не до машиня смага. Он с утра с водичкой веселую реакцию дает — снова пьянеешь. Так что лучше поешь чего ни будь.

— Хорошо, сейчас тушенки банку раздавлю.

— Я что шел то. Ты давай просыпайся и к кухне подходи. Я там доложу, хотя нет, можешь не торопиться. По голосу комдив тоже вчера отметился. Так что он рано не проснется. Не торопись, но как увидишь, что все встали—подходи. Кухня уже задымила, значит, завтрак скоро. Представляешь, сколько воюем, первый раз кухню в бата льон пригнали. Знаешь, это к чему?

— Нет.

— Кочередному пополнению. Пришлют еще связистов, будешь старшим над ними.

— Да я и сам справляюсь. Мне ребята помогают.

— Да не думай ты, что это тебе замена. Положено в каж дой роте своего иметь. А у нас сейчас один ты на весь ба тальон. Хотя и его вряд ли так назвать можно—рота—вот все, что осталось.

Киселев хлопнул Григория по плечу, задумавшись, раз вернулся, медленно и тяжело пошел к дымящейся полевой кухне. Наверняка вспомнил, сколько народу потерял за последние дни.

Гриша вернулся к костру, подбросил оставшиеся доски и снова погрузился в свои мечты о предстоящей встрече с таинственной незнакомкой. Но долго помечтать не дали. Кто то у дороги стал громко кричать, кого то звать. Сол даты проснулись, и большинство из них еще не отошли от вечера: после того, как старшина щедро раздавал спирт. Перед взятием высоты он получил его на целый уком плектованный батальон, а после взятия и суток удержания лишних паек осталось много.

Григорий расслышал голоса — это были минеры. Они вернулись и кричали тем, кто должен был идти по проверенной дороге в разведку.

Пятеро разведчиков, подошли к ним, о чем то поговорили и, медленно, аккуратно ступая в проверенные следы, пошли в деревню.

6. Поселок

Населенный пункт был похож на поселок, только дома стояли аккуратные и ухоженные.

Немцы не верили, что война сможет прийти сюда, в их семьи. Они посылали своих сыновей воевать в великую армию, но теперь эта армия бросила свой народ, отступила и воевала из за страха и отчаяния. В Гитлера уже ни кто не верил: ни рядовые, ни генералы, но война продолжалась, словно по инерции, остановить которую никто был не в силах. Многие жители уехали, но кто то остался. Этот обманутый Гитлером народ не знал, куда бежать. Слишком много зла оставил фашизм, пройдя по земному шару. Теперь даже те, кто пытался противостоять Рейху, кто не разделяли взгляды, цели и идеи Гитлера, никому не могли доказать, что они антифашисты. Советский солдат, потерявший близких, друзей, дом, ненавидел каждого из них и не мог провести черту, отделяющую своих от врагов.

Оставшиеся немецкие семьи ждали, что будет с ними. Придут русские — расстреляют, или сошлют всех в далекую и страшную Сибирь.

Когда батальон Киселева вступил в поселок, все местные попрятались. Комбат приказал у домов поставить полевую кухню и кормить всех: местных немцев и их детей. Никто не искал в домах спрятавшегося врага. Солдаты никого не расстреливали. Отдельному штурмовому батальону было не до этого. Впереди, в нескольких километрах, начинался первый рубеж оборонительной системы Кенигсберга. Все думали об этом, не замечая поселка и его жителей.

К вечеру первые смельчаки вышли из своих подвалов. Их накормили кашей и ни о чем не спросили. Бедные люди, как неприкаянные, ходили и рассматривали лица солдат и их оружие. Два сухих деда и злобная бабка что то бормотали по своему. Позже эти люди стали на что то показывать и махать руками в сторону города. Их никто не понимал и не обращал внимания на крики. Они вернулись в свои дома и рассказали, что русские неопасны. На следующий день по деревне бегали немецкие мальчишки и выпрашивали сахар у солдат. Остальные с большими кастрюлями стояли в очереди за кашей.

Григорий разместился в одном из сараев. После обеда старшина и рядовой Паров, бывший учитель, кое как по немецки объяснили жителям, что именно этот сарай нужен им. Остальные солдаты ушли вперед, за деревню. Разминировали поле и стали окапываться, готовиться к обороне. Населенный пункт заняли не случайно: немцы по своим не стреляли и не бомбили. Об этом никто не говорил, но все понимали, что жители поселка — удобное прикрытие. Идти дальше смысла не было. Там начинался внешний рубеж обороны Кенигсберга. Прорвать его одним батальоном и даже полком было невозможно. Командование приказало окопаться у поселка и ждать остальные части фронта, для одного мощного удара.

К концу второго дня небольшая желто красная роща, что росла рядом, исчезла: ее просто срубили, используя стволы как строительный материал для окопов и землянок. Эта роща как то сразу не понравилась всем. Ее цвет был каким то мрачным и нагнетал нехорошее настроение: красные цвета сливались с серым небом: издали казалось, что это огромная кровавая лужа. Когда срубили рощу, настроение в батальоне улучшилось, бойцы хоть и устали от работы, но в них появилась некая живинка. Смех и шуточки вернулись. Вокруг какими то деланками росли другие рощи, они даже были ближе, но срубили именно эту, хотя и никто об этом не договаривался.

Весь день старшина ходил мрачный. Он ждал машину из штаба, с продовольствием и, естественно, с водкой. Все его

запасы почти иссякли, и многие, больные после вчерашнего, не могли получить обещанную дозу для похмелья.

Разместившись в сарае, Григорий настроил рацию, доложил и добавил к ней два аппарата связи с телефонными трубками. Он весь этот день ходил взволнованный, ожидание встречи терзало его изнутри.

«Свидание! Первое в жизни! Как это? Даже страшно немного», — думал он. При этом Григорий все сделал, подключил, проверил и доложил. Комбат остался доволен.

К штабу подъехали три полуторки с офицерами и взводом связи и небольшим пополнением. Гриша стоял у каютки и рассматривал прибывших. К их приезду солдаты приготовили две больших землянки и несколько маленьких. Комбат, отдав честь, доложил командиву обстановку, они пожали руки и вошли в сарай.

Григорий хотел последовать за ними, но жест рукой Киселева означал, что он свободен и может погулять где-нибудь в сторонке. Гриша все понял. Он вернулся к каютке и, увидев, как девушки связистки сгружают аппаратуру, решил помочь им. Кроме него к связисткам подбежали и остальные солдаты. Девушки только показывали, что брать и куда нести.

— Рядовой, — услышал чей-то голос Григорий и обернулся.

У машины стояла лейтенант Титова. Она внимательно посмотрела на солдата и приказным тоном произнесла:

— Возьмите этот ящик и несите в большую землянку. Я пойду вперед и покажу, куда его поставить, здесь важные документы.

Гриша молча поднял ящик и пошел за ней. Те солдаты, что уже отнесли что-то и возвращались обратно, увидев, с кем идет рядовой Михайлов, одобрительно качали головами, а некоторые строили рожи от удивления.

— Как вас зовут? — спросила Титова.

— Рядовой Михайлов.

— А кто у вас в батальоне связь поддерживает?

— Я.

— Вы?

— Да, я. Мы с вами уже встречались,— произнес Гриша.— Когда я прибыл, вы меня инструктировали.

— Знаешь, рядовой, сколько народу я инструктирую, всех не упомнишь.

— Да, конечно. Я понимаю,— немного грустно, согласился Григорий.

— Где ваш батальонный штаб?

— Там в сарае. Я все настроил и доложил.

— Мы были в дороге, мне не докладывали. А в старом штабе дежурные связистки что сказали?

— Ничего. Сказали, чтобы вечером связался, доложил об обстановке.

— Теперь штаб дивизии будет здесь. Так что доклады вать не надо. Мы сами свяжемся.

— Я могу идти? — поставив ящик на сбитый из досок стол, спросил Гриша.

— А кто вчера ночью связь поддерживал?

— Я.

— Что, один, и никто вас не менял?

— Нет. Я один остался.

— Тогда вам отдых положен.

— Спасибо, но я не устал.

Григорий заметил, что лейтенант как то странно смотрит в его глаза. Осматривает одежду и все время хочет о чем то спросить. «Может, она узнала об утреннем разговоре? Таню наказала, теперь ищет второго—меня? Нет, глаза добрые, тут что то другое. Может, она не знает, как о деде спросить?» — подумал он.

— Вы знаете,— громко произнес Григорий.— Был еще один, фамилию не помню — пожилой, мы его дедом звали, так он на высоте погиб.

— Понятно, жаль. Можете идти, спасибо.

Гриша поправил ремень, козырнул и, развернувшись, как положено, кругом, пошел к машинам. Через несколько шагов он обернулся, почувствовав на себе взгляд.

Лейтенант Титова стояла у землянки и пристально рассматривала его. Григорий решил вернуться. Он подошел к ней, снова отдал честь и спросил:

— Что то еще нужно, товарищ лейтенант?

Девушка улыбнулась и произнесла:

— Нет, вы свободны.

Гриша снова повернулся кругом и пошел к машинам. Он чувствовал, что эта Титова не отвернулась и продолжает рассматривать его. Солдат решил больше не оборачиваться, чтобы не ставить себя в дурацкое положение. Но этот взгляд продолжал сверлить его, и желание повернуть голову было огромным. Гриша свернул к ближайшему дому, забежал за него и оттуда, аккуратно выглянув, посмотрел, что делает Титова.

Она заметила его, выглядывающего из за стены, и рассмеялась. Гриша спрятался, сел на бревна и тоже засмеялся. Он хотел вернуться и заговорить с ней, но тут же вспомнил о Тане и о данном ей обещании. Пересилив себя, медленно встал и, обойдя дом с другой стороны, вернулся к сараю и сел у калитки на привезенные ящики.

К штабу подошли девушки связистки. Все они улыбались, как будто никакой войны не было. Все вокруг стало совсем другим: осеннее солнце вырвалось из серой пелены неба и ярко осветило всех, решив радовать людей последним теплом. Одна из связисток задержалась у машины и бегом догоняла девчонок.

— Девушка? — крикнул ей Григорий.

Та замерла на месте. — Как вы обратились ко мне? — переспросила она.

— Девушка.

— Конечно, приятно, как до войны, но здесь так нельзя.

Товарищ рядовая — понял!

— Так точно, рядовая.

— Ну, что надо, а то я за всеми не успею?

— Послушай, у вас во взводе есть Таня?

— А, ночной связист. Я же тебе объяснила — в спецсвязи есть. Они там важные, с генералами разговаривают, одна рассказывала, как голос Сталина слышала, а у нас во взводе нет.

— А когда они приедут?

— Этого никто не знает, может, они уже приехали? Но вряд ли, здесь пока нигде им размещаться.

— Понял. Ну ладно, беги, а ваши уже все там.

— А ты командира нашего видел?

— Лейтенанта Титову?

— Да. Она еще там, в землянке.

— Вы обо мне тут разговариваете? — услышал солдат знакомый голос. Он встал с ящиков, а рядовая связистка Оля вытянулась по стойке «смирно».

— Да, я поинтересовалась, где вы, а рядовой ответил, что в землянке, — доложила девушка.

— Хорошо, пошли в штаб. А вы, рядовой, можете дальше загорать.

Девушки вошли в штаб.

«Можешь загорать!» Тоже мне, фифа, — подумал Григорий. — Скорей бы вечер. Если приехала, увидимся, а если нет — хотя бы поболтаем».

Через десять минут девушки вышли из штаба, и, проходя мимо Григория, каждая посмотрела на него и улыбнулась. Последней шла Титова. Гриша снова встал и приложил правую ладонь квиску.

— Резче, солдат, резче, — услышал он голос комбата. Посмотрел на его улыбающееся лицо и тоже улыбнулся, а лейтенант Титова, как ни странно, покраснела и быстро ушла за своими. Григорий стусевался, к нему подошел комбат, посмотрел в глаза и резко произнес:

— Так, за мной, в штаб!

Гриша выполнил приказ и уже через минуту сидел за командирским столом в штабе и смотрел в лицо Кисе лева.

— Ну, рассказывай, кто она?

Гриша молчал.

— Да ты не как командиру, как другу. Мы ж с тобой вы соту прошли. Я тебя в бою видел, так что доверяй как себе. Ты знаешь, почему меня командование слушает?

— Нет.

— А меня пугать нечем. Я полгода штрафбатом командовал. Если и накажут, то дальше штрафбата не сошлют. И если я говорю, что ты нормальный, значит, со мной как с другом, понял?

- Да.
- Ну так что у тебя там за любовь?
- Таня. Ночью по радиации договорились сегодня встретиться.
- Ну ты даешь!
- Только в роте связи Тани нет.
- В этой нет, в другой есть. Главное договорился.
- Да.
- А она что?
- Свидание назначила.
- Когда?
- Не знаю. Сегодня нужно на связь ночью выйти.
- Все, я тебя прикрою. Валяй, пацан. Пока передышка выдалась, гуляй казак!
- Спасибо.
- Потом благодарить будешь. Когда выживем и войну обманем.
- Обманем?
- А ты как думал? Под ее дудку плясать нельзя. Со жрет! Не успеешь оглянуться!
- И как же обмануть Войну, чтобы выжить?
- Не верь в свою смерть, и все!
- Вот я не верю.
- Здорово. Я тоже не верю, что погибну. Нужно честно не верить, а не сомневаться или там надеяться, что повезет. Не верить и все! Вот тогда сработает!
- Понял, товарищ капитан! Разрешите идти?
- Валяй, только Титову обходи. А то я смотрю, ты ей ящики носишь.
- А что, софицерами нельзя?
- Да нет, можно, все мы люди, но она невезучая. Все кто с ней пытались, погибли. Она словно билет к смерти. Вот такая невезучая баба!
- Вы же сами говорите: не верить в смерть?
- Это другое. Это негласные правила войны, нет, не суеверия, а именно правила. Не хочет она этой девке любовь давать и не дает. Меченая она.
- Чем меченая?

— Смертью, Гриша. Это как проклятие — лучше погибнуть, чем такое терпеть. Бог красотой наградил, а война по издеваться решила.

— Ну а я то здесь причем? Мою, Таня зовут.

— Ну и молодец, раз только с одной. Так и надо. И еще одно правило! Никого не жалеи! Как только начнешь жалеть — считай, приговорил человека. Вот у меня год назад паренек пришел, на сына моего похожий. Я его прятать стал, жалеть, в атаке прикрывал. Неделя и все — погиб. С ним три дурня приехали, так до сих пор воюют. Вот так! Понимай мои слова как хочешь!

— А я их правильно понимаю.

— Молодец. Иди, куда ты там хотел?

— К старшине, посмотреть, что осталось. Он просил все посчитать, сколько катушек надо. А я и не знаю расстояния. Где линия фронта?

Киселев вышел из штаба и спросил:

— Видишь, белый кирпичный дом?

— Да.

— Вот это и есть линия фронта.

— А почему немцы не стреляют, раз они так близко?

— Они чуть дальше. За минным полем, в укрепленных фортах и ДЗОТах. Мы вот тоже туда подойдем и встретимся нос к носу. Это первый рубеж перед городом крепостью. Слышал, что там?

— Да, Кенигсберг.

— Вот именно. Но до него еще дойти надо.

— Дойдем.

— Молодец, правильно делаешь, что веришь. А с подружкой твоей поступим так: ты меня отзывает в сторонку и предупреждай, на сколько уходишь. Делай это как бы по форме. Пусть все думают, что ты мне обстановку доклада ваешь. А то здесь стукачей, как грязи на дороге.

— Да, грязи на дороге много.

— Вот вот, будь аккуратней, зря ни с кем, ни о чем, понял?

— Так точно!

— Вот и молодец, — произнес комбат и вернулся в штаб, а Гриша подошел к ящикам и решил закурить.

Он еще курил мало, не привык. В учебке махорку не давали, в интернате тем более, но теперь, здесь—на фронте, он, как и все бойцы, нашел в этом деле для себя успокоение, отдых и возможность подумать и помечтать. Раскурив самокрутку, он увидел спешащую Березкину. Она со своей огромной медицинской сумкой шла мимо.

— Ну что, как устроилась?—спросил Гриша.

— Нормально, там землянке. Ты почтальон не видел?

— Нет, самому письмо отправить надо.

— Давай. Я его обязательно сегодня найду. Заодно и твое отдам.

— Что, любимому, каждый день по письмецу?

— Нет, маме, она болеет. Не хочу ее волновать. Каждый день пишу, что жива, а ей от этого спокойней.

— Извини!

— Ничего, все так думают, это только тебе я рассказала о матери.

— Доверяешь?—с улыбкой спросил Григорий.

— Дурак ты, слепой.

— Не понял. Юль, ты что? Неужели понравился?

— Я на фронте не влюбляюсь—боюсь. Но хорошие чувства некоторым малосообразительным радистам могу испытывать.

— Ты ж меня совсем не знаешь?

— Знаю, Гриша. Война научила в людях разбираться.

— Юль, я тебя обманывать не хочу, но у меня...

— Ничего не говори! Если кто то есть — хорошо. А то раз—и не станет. Сам знаешь, где мы.

— Знаю. Спасибо тебе!

— За что?

— Да так, за дружбу.

— Давай письмо уже, а то сейчас начнешь рассказывать о трудном детстве.

— А что, детство у меня было как у всех — голодное. Если оно вообще было,—с неожиданно появившейся грустью ответил Гриша. Он достал из гимнастерки письмо и отдал его Юле.

— Правильно свернул. Где научился?

— В учебке. Был у меня учитель—фронтовик. Он мно-
гому нас научил, и говорил: «Как сложишь письмо — так
оно и пойдет».

— Ладно, я пошла. Ты где сегодня?

— Не знаю. Пока здесь, в штабе.

— А, ну ладно я, если что, забегу. Сегодня только пере-
вязки— троим — отдыхаем.

— Да, война ушла вперед.

— Нет, Гриш, здесь она. Ты не верь—это не та свобода
и отдых. Притаилась она, война! И смерть тоже здесь, ни
куда не ушла.

— Ты так серьезно об этом. Пару недель здесь просто
им, воевать не будем. Ушла она вперед—там теперь враг,—
он показал рукой, на дом, виднеющийся у горизонта.

— А минное поле, вон оно. С дороги шаг в сторону —
смерть.

— Ну ладно, ты мне лучше скажи, где такую телогрееч-
ку раздобыла.

— У старшины. Ты тоже сходи, возьми. Нам с тобой по
полю лазить, а не в окопе сидеть—удобнее и теплее, зима
скоро, между прочим. И ночи уже холодные. Ты ж не ста-
нешь каждый раз для меня костер целую ночь жечь.

— Не знаю, как получится. А что, машина к старшине
пришла?

— Да. Час назад.

— Хорошо. Пойду и я схожу. Он там у кухни?

— Нет. Они сарай нашли. Увидишь, там всего одна по-
луторка стоит, остальные уехали.

— Это там, за домами?

— Да.

— Понял. Все, я побежал,— Гриша спрыгнул с ящи-
ков, бросил окурочек на землю, закрутил его носком сапога
и, улыбнувшись, хлопнул санитарку Березкину по плечу:

— Давай, увидимся!

— Вот дурак,— прошептала она под нос. Посмотрела,
как он трусцой бежит по дороге, и подумала:

— Интересно, кто у него? Ведь только прибыл, а уже
все успел: и повоевать, и девчонку найти. А может, она свя-

зистка, и они с ней раньше встречались? Ну и ладно—влюбляться нельзя! Лучше ненавидеть.

Девушка зашла в штаб, поинтересовалась о почтальоне и, узнав, что он у окопов, раздает солдатам письма, пошла туда.

Гриша получил новенькую, сшитую «врагами народа» в одном из лагерей телогрейку. Вернулся к штабу, взял шинель и, чтобы не таскать за собой лишний груз, отнес ее старшине.

Подтянул ремень, поддернул низ телогрейки и вернулся к штабу. Около него он снял свое новое имущество. Солнце припекало, и в такой одежде было немного жарко.

Через час пошел к полевой кухне. Наелся «первого»: повар порадовал бойцов. Старшина выменял у местных немцев мяса и картошки, в результате получился очень вкусный суп.

Гриша и раньше любил супы, но такого—горячего, с куском мяса, он не пробовал. Наевшись, вернулся к штабу, заглянул внутрь, но комбат махнул ему рукой, давая понять, что он здесь лишний. Григорий сел рядом, на ящики, закрутил табачку и стал мечтать о том, что же произойдет сегодня ночью.

7. Первое свидание

К вечеру Григорий засуетился. Несколько раз проверял рацию. Лейтенант Симоха даже отметил его рвение, лишь комбат хитро улыбался.

— Успокойся,— говорил он.— Все будет нормально.

Гриша смотрел в его мужественные глаза и понимал, что вести себя, как мальчишка, нельзя: нужно быть посолоней, не дергаться. Особенно там, когда все произойдет.

В восемь вечера он снова сходил к кухне и поел вкусного супа. Настроение улучшилось, но какой то ненужный, незнакомый страх крутил изнутри. Он ходил вокруг сарая, курил и пытался взять себя в руки.

«Может, она страшная. Наговорила, что такая же, как Титова, а на самом деле — тетка в возрасте, которой захотелось с солдатиком побаловаться? — думал он и тут же прогонял эти мысли. — Нет, она красивая. И голос у нее нежный. Я это чувствую, вот и волнуюсь», — успокаивал он сам себя.

В одиннадцать часов вечера Гриша ходил красный, как рак. Он стеснялся сам себя и товарищей. Ему казалось, что все видят его состояние и смеются над ним. А он как дурачок носится и не знает, куда приткнуться. Но долгожданный час хоть и с мучительным опозданием, но пришел. Без одной минуты двенадцать он сбил волну на два шага назад и стал вызывать Таню. Ответа не было, что то случилось не так. Гриша просто не знал, что для такой связи с ним нужно как минимум быть одной, а рядом с Татьяной все время кто то был. Она чувствовала, как он с того конца связи рвется к ней, но ничего не могла сделать. В половине первого ничего не изменилось, в час — тоже молчание.

«Она дежурит до двух. Может, из за переезда что то изменилось. А как до нее достучаться, если она действительно в спецсвязи. С ними даже дружить нельзя. Да что там дружить — разговаривать опасно».

Время продолжало тянуться. Сон даже и не напоминал о себе. Григорий уже не метался, он молча сидел в штабе и смотрел на рацию. Ему хотелось нарушить приказ и на обычной волне вызывать ее, но это могло все испортить. Отношения, что так неожиданно родились, сразу бы исчезли из за простой оплошности. Конечно, она бы от всего отказалась, но где то внутри Гриша чувствовал ее и понимал, что рано или поздно встретится с этим человеком. Все, что сейчас происходит, — какая то дурацкая нелепость, возникшая не из за них.

В половине второго он, уже слабо надеясь на что то, вышел на связь.

— Тише ты, — услышал Григорий. — Я все слышу. В два заканчиваю. В самой последней землянке с правого края в три. Все, я не одна, сейчас придут.

Голос в наушниках исчез. Григорий несколько минут сидел и смотрел на рацию, ничего не понимая. Постепен

но возбужденное состояние стало уходить. Он понял, что она не одна, и при посторонних такие переговоры не может себе позволить.

— В три, значит в три,— глубоко вздохнув, подумал он. Прижался к стене и решил закурить. Достал табак, скрутил самокрутку, зажег спичку и глубоко затянулся. Легкое головокружение появилось, но сразу прошло. Гриша снова разволновался. Теперь он понимал, что встреча неизбежна. Но что он будет делать? О чем говорить с ней? Мысли путались. Он сидел у рации и смотрел на коптящую, расплущенную гильзу от «сорокопятки». Из нее сделали такую нехитрую лампадку: налили масла, расплющили и вставили кусок портянки.

Черные тени плясали на стенах сарая. Гриша смотрел, то на них, то на дрожащий от сквозняка горящий фитиль.

— Так, я же солдат! А это что, трусость? Конечно. Девчонки испугался. Ну встретимся, ну поболтаем. Может, поцелуемся, если она мне понравится. Хотя вряд ли, на первом свидании это неправильно—так, по крайней мере, говорили мужики.

В половину третьего он вышел из штаба и наткнулся на старшину. Тот как раз шел к нему. Он уже изрядно напился, но ему хотелось добавить. Вспомнил о связисте и поперся через ночь к этому мальчишке, только потому, что он вот так вот в первом бою взял и ничего особенного не совершил—выжил и все.

— Товарищ старшина, я это.

— Что это. Пошли,—и, легко подталкивая Григория, заставлял зайти в штаб.

«Все. Сорвалось! Это ж надо. Она говорить не могла, а я уйти не могу. Чертовщина какая то. Что подумает обо мне эта связистка—струсил, испугался, пацан сопливый? Нет, нужно что то делать—спасать положение. Может, пойти «до ветра» и убежать? А вдруг он тревогу поднимет, скажет, связист исчез»,—взволнованно думал Григорий.

Комбат появился вовремя.

— Михайлов! Ты линию проверил?—почти прорычал он.

— Какая линия?— вмешался старшина.— Целый взвод бабья — пусть они проверяют.

— Погоди,— приструнил он Савчука. Тот даже не ожидал и выразил такое пьяное возмущение на лице, что комбат не мог не улыбнуться.

— У него есть дела, не лезь. Личные, понял?

— Понял,— ответил старшина и, посмотрев на Гришу, произнес:

— Иди!

— Я недолго,— неуверенно ответил Григорий и, хлопнув дверью, убежал.

На его часах было без пяти три. Он любил эти часы и сумел сберечь их еще с интерната. А там достались они ему заслуженно. Заступился за одного, а тот перед отъездом подарил их в знак благодарности. Гриша не хотел брать, но устоять не смог. Иметь свои собственные часы он мечтал с детства.

Время полетело, и сейчас он просил свои любимые часы немного задержать его. Он думал, что бы придумать в случае опоздания, но никак не мог опомниться. Ноги словно чужие несли его куда то на правый фланг.

— Так землянка. Дальше еще одна,— путаясь в темноте, говорил он. Гриша бежал рядом с окопом и смотрел, куда он ведет. Где то кто то что то говорил, какие то солдаты сидели, собравшись в кучку. Он пробежал мимо, стараясь не обращать на это внимания. Кто то высунулся из окопа и, крикнув, спросил:

— Эй, ты кто? Куда?

Но Гриша продолжал свое движение к первому в жизни свиданию. Увидев недорытые окопы, он остановился и заметил в стороне недоделанную землянку. Спрыгнул в нее и уткнулся ногами в бревенчатую лавку. Сел и осмотрелся.

— Вроденикого еще, непришла,— вслух произнес боец.

— Отдышись. Что, еле смылся? — услышал он голос лейтенанта Титовой.

Он разговаривал с ней сегодня, и этот звенящий ручеек не спутал бы ни с каким другим голосом. Гриша, свя

зист с тренированным слухом, умеющий принимать до ста двадцати букв Азбуки Морзе в минуту, засомневался.

— Кто здесь?

— Это я, не бойся.

— Таня?

— Да.

— А где вы, я вас не вижу.

— И не нужно. Так лучше, а то узнаешь меня, кто то это заметит, и ты сразу загремишь в штрафбат.

— Да не боюсь я твоего полковника!

— А ты думаешь, в штрафбате трусы? Там знаешь, какие люди? Бывшие офицеры, видевшие все в жизни. Только тебе туда не надо. Что мешает? Темнота? По другому никак. Или я уйду.

— Нет, не уходи. Я согласен. Мне темнота не помеха. Не хочешь, чтобы я тебя видел и не надо, главное, что ты пришла и хочешь, чтобы я был рядом.

— Да хочу. Иди сюда, ближе.

Григорий аккуратно привстал и на ощупь стал пробираться вдоль лавки в полной темноте. Дотронувшись до ноги, он отдернул руку и, нащупав бревно лавки, сел на них.

— Иди ближе,— шепотом произнесла девушка.

Гриша подвинулся. Две руки из темноты прижали его к горячему телу. Григорий почувствовал, как оно дрожит.

— Что с тобой?— спросил он.

— Ничего. Можно я тебя поцелую?— прошептала Таня.

— Можно,— ответил солдат, и подумал: «Так сразу — надо же?»

Таня прижалась ближе и уткнулась в темноте носом в его щеку. Грише стало смешно, но он сдержал, спрятав свой смех. Хорошая девушка с нежным и красивым голосом открылась ему.

«Потом, потом узнаю, почему так сразу, потом»,— подумал он и, закрыв глаза, повернул лицо и прикоснулся губами к ее губам.

Поцелуй был долгим и жадным. Она не могла насытиться, удовлетворить проснувшуюся в ней жажду любви,

а он делал это впервые, и Григорию нравился этот поцелуй и те ощущения, что сопровождали его. Он обнял Таню за талию и, как то так получилось, что он поцеловал ее в шею. Девушка, встряхнув волосы, опомнилась.

— Все, стой. Уходи!

— Что случилось?

— Нет, ничего, просто уходи и все.

— Не уйду, — обиженно ответил Гриша.

— Ты только ничего не думай.

— А я и не думаю. Сама тень на плетень наводишь.

— Гриша, не обижайся. Я когда тебя увидела, внутри что то заболело, затянуло, да так, что дышать невозможно. Утро, вечер, день... все время о тебе думаю. Стоишь перед глазами. А когда вы высоту брали, я не боялась. Верила, что ты не погибнешь. Почему то чувствовала это и была спокойной.

— Правильно. Ты верь, и все будет хорошо. Вот мне бы в глаза твои посмотреть?

— Зачем?

— Какие они у тебя?

— Карие.

— А у меня знаешь какие?

— Знаю! Голубые. Я все знаю: и улыбку, и ямочки на щеках, и глаза.

— В общем, срубил я тебя, с первого взгляда. А ведь так нечестно. Я тоже что то в душе чувствую. Мне нравится твой голос, волосы. Какие они шелковые, — Григорий про вел пальцами по волосам девушки, и добавил: — Мне плевать на твоего полковника. Я увидеть тебя хочу!

Таня прижалась к его плечу и заревела:

— Дура я! Дура!

— Да ладно тебе.

— Нет, дура я и все.

— Конечно, дура. Не хочешь, чтобы я на тебя посмотрел, — пошутил Гриша.

— На Титову смотри. Нас на дню раз двадцать путают, когда я к ним прихожу.

— Что, так похожи?

- Да.
- Ну ладно, буду ей любоваться, а с тобой встречаться.
- Правда будешь?
- Правда. Не обману, не бойся.

Девушка снова поцеловала его и как то по другому, без опаски прижалась к солдату. Он почувствовал ее грудь, обнял за талию и погладил по плечу.

- Давай сегодня просто поговорим.
- Давай,— согласился Гриша, чувствуя, что нужно бороться с пылающим внутри него желанием.
- Ты мне скажи, ты в каком взводе? Спецсвязь?
- Нет. Не спрашивай. В спецсвязи все зашифрованные. Там девушки только молчать и умеют.

— А откуда ты? Почему на связь выходишь?

— Да я из соседнего полка. Только ты про меня не распрашивай. Все равно никто не скажет. Нам меняться нельзя. Понял?

— Да.

— Значит, Оля рыжая тебя знает.

— Конечно, я же ее и меняла.

— А такое лицо сделала. Ей бы в разведке работать.

— Она там и работает. С ребятами за линию фронта три раза ходила.

— Ничего себе. Что, и языков приводили?

— Конечно. У нее медаль «За отвагу», видел?

— Да. Я еще подумал: надо же, заслужила. А что с Титовой? Почему ее все боятся? Какой то меченой считают?

— Я тебе расскажу то, что весь фронт знает. Сначала у нее был парень, через месяц погиб. Она плакала, болела. Потом офицер появился — тоже погиб быстро. За тем еще один, еще, и все, словно приговоренные, через месяц. Стоит девке влюбиться — все, приговорила парня. А однажды к нам перевели майора. Он такой гад оказался, двух девчонок посадил. Одну чуть до расстрела не довел. Ее вообще в лагерь отправили. И главное, ни за что. Ну ошибся человек, не тот знак на ключе отбил — бывает. Все по двое, трое суток не спят, особенно когда наступление.

— И что стало с этим майором? — увлеченно спросил Григорий.

— Попросили девчонки Титову закадрить его. Понимаешь?

— Да конечно. Что особенного, что дальше то было?

— Пока они встречались, Лена издевалась над ним, а он действительно втюхался в нее. Но тут случилось. Разглядела она, что парень он хороший, а то, что делает и всех гоняет и сажает, так это приказ такой был сверху, чтобы дисциплину поднять.

— Ну?

— Что ну? Разглядела и полюбила. А как только полюбила, подумала — этого смерть стороной обойдет, но нет. В первом же бою и погиб, как герой.

Девчонки ей хотели спасибо сказать, но когда увидели ее, как она убивается, пожалели, что попросили об этом. Она повеситься хотела, но не дали, сказали — коммунистам нельзя. Терпи! Чуть с ума девка не сошла. Теперь ее все стороной обходят — меченой смертью считают.

Она сама в атаку как то полезла. Встала, а все пули мимолетят. На минное поле убежала. Прыгала, падала — ничего не случилось. Ее плач за версту слышали. Стала проситься в разведку, но командиры увидели, что девушка ошалела, на месяц куда то отправили. Вернулась нормальная, вот только все мужики ее стороной обходят. Напугала она людей своими гуляниями по минному полю.

— Может, оно не минное было?

— Да, не, минеры потом два дня его разминировали. Знаешь сколько «железа» оттуда вынули?

— Да. А я ей сегодня помогал. Ты не ревнуешь?

— А что мне ревновать?

— Ну, она мне улыбалась, смеялась.

— Нет, главное не влюбляйся, а кадриться можешь. Глядишь, девка оживет. Она ведь как кукла стала. Только мы то знаем, что она все внутри держит и не показывает. Видать, прочистили ей мозги, за месяц. Но мозги ладно, а душу никто не вылечил. Ей в церковь советовали схо

дить. Но тут, у немцев одни католики. наших православных церквей нет. Вот и держит она все в себе, а на людях улыбается и строго командует. Специалист она хороший и все шифры знает. Поэтому ее и берегут. Была бы простой, давно б куда нибудь бы сослали. Ой, смотри, света ет уже.

— Да, скоро станет светло, и я тебя увижу,— с юморком произнес Григорий.

— Нет, все, я побежала, а то попадет,— взволнованно произнесла Таня, и, вскочив с лежанки, протиснулась между столом и коленками Григория. Ее красивый силуэт был виден в просвете выхода, и девушка, на секунду вернувшись, поцеловала солдата в щеку.

— Все. Извини, если что не так.

— Нет, все нормально. Титову только жалко.

— Не думай об этом. Это война и у нее свои причуды.

— Когда увидимся?

— Я тебе записку пришлю. Жди. Сообщу место и время. Хорошо?

— Да. А если я не смогу?

— Что ж, я все равно буду ждать.

— Чтобы ты ничего не подумала, слушай: если я не пришел — значит не смог! Это не означает, что я тебя разлюбил, или передумал встречаться. Просто не смог!

— Хорошо. Я все поняла. Я побежала. А что, и вправду полюбил, или просто тебе хорошо со мной?

— Такого чувства я ни к кому не испытывал.

— Какого?

— Давит изнутри и мешает думать правильно. Это — любовь? Значит, она родилась во мне.

— Такого со мной еще не было, мне никто вслепую в любви не признавался. Да так необычно.

— Со мной тоже такого не было.

— Хорошо. Извини, но нужно бежать. Все, целую!

Гриша вновь увидел в просвете выхода землянки ее фигуру, и что то совсем живое зашевелилось в душе.

«Ну, вот оно и появилось», — подумал он. Увидев ее волосы, подхваченные ветром, Григорий подумал: « Главное

верить, что война ничего не сможет нам сделать: ни убить, ни разлучить!»

А Таня встала над окопом, поправила пилотку, гимнастерку, и спокойно пошла в свое расположение.

«Вылитая Титова! Если бы не этот разговор, не поверил бы. Возможно, правда, что их часто путают, — подумал Григорий. — Они как сестры близняшки, только характеры разные». Он долго смотрел Татьяне вслед, вспоминая горячий и страстный поцелуй.

Этим утром детство ушло из его души, освободив место чему то более сильному. Юноша почувствовал в себе уверенность: на смену мальчишке неожиданно пришел смелый и честный мужчина — воин. Гриша пока сам не понимал этого, лишь чувствовал, что нужно быть уверенней. После первого свидания он изменился, в его сознании все стало на свои места. Солдат понял, что сможет не бояться ни смерти, ни войны, ведь этот страх сразу увидят те, кто ему дорог, и, конечно, отвернутся. Здесь, на этой земле они воюют рядом с ним: вот Березкина — девчонка, а видит людей насквозь: и тех, что, как заячий хвост, дрожат перед боем, и других, с которыми и умереть рядом не стыдно.

Григорий заужавал негласные правила и законы войны. Она была везде: в ранах бойцов, в криках и командах командиров и в этой неожиданной и странной любви. Она — свалилась на него, вывернула наизнанку и то, чего он всегда стеснялся — своей смелости и честности — стало его оружием, против которого даже у войны не нашлось средства. Смерть отступила. Она притаилась, выжидая удобный момент, — ошибку. Но Гриша, понимая это, решил идти по кровавой земле так, как это делали настоящие воины: комбат и те, кто пришли сюда от Сталинграда. Этим людям осталось немного, но они были! Воевали рядом, продолжая спорить с войной, соблюдая ее законы и сохраняя свою проверенную в боях веру. Это был пример тому, что вера в себя и честное противостояние злу — единственный путь к жизни.

8. Разведка

Григорий вернулся в штаб. Комбат и старшина спали. В сарае стоял устойчивый перегар от двух изрядно выпивших людей. Григорий тихо закрыл дверь и решил пойти к костру, у которого сидели солдаты, но громкий голос старшины Савчука прогремел как гром из сарая:

— Михайлов! Иди ка сюда!

Григорий вернулся в штаб.

— Ну, что нагулялся?

— Оставь его! — с закрытыми глазами прохрипел комбат.

— Да я не со зла. Спросить хотел. Кто хоть она?

— Из связи.

— Понятно. Ну что, товарищ капитан, подлечимся?

— Нет. Сегодня командиры полков соберутся и меня тоже вызывали.

— Это куда?

— В каком доме вчера штаб дивизии организовали?

— Крайний, зеленый такой. Но вечером все начальство уехало. Тут в трех километрах, за рощей замок какой то — дом большой. Кто то из бойцов сказал, что они там обосновались, — ответил Григорий.

— Кто именно?

— Да я его не знаю. Он помогал девчонкам: связь туда проводили, а потом рации на ЗИСе отвезли. Дежурить связистки в штабе будут, а жить здесь. Комдив сказал, чтобы к зиме в дома перебрались.

— Понятно. Это хорошо, что начальство из поселка уехало. А ты не знаешь, который сейчас час?

— Шесть, — ответил радист.

— Все. Я до восьми сплю. Вы тут громко не орите, люди еще спят.

Старшина встал, надел телогрейку и, выходя из штаба, кивнул головой, позвав Григория на улицу. Они подошли к ящикам, сели на них, закурили.

— Ну да ладно. Не хочешь хвастаться, не надо. Есть хочешь?

- Я тушенки поем, у меня еще пару банок осталось.
- Ну, если что, подходи.
- Хорошо.
- Вот. Значит, застряли мы тут. Сейчас время начнется опасное. Много не пей и смотри по сторонам. С незнакомыми офицерами не разговаривай. Поползут сейчас сюда разные штабные крысы. А мы, как всегда, крайние за все.
- Я знаю.
- Ну хоть как звать то ее?
- Не могу. У нее полковник есть. Она от него бегают, а он не отстает. Не хочу, чтобы зря болтали.
- Понятно. Ну, пошли со мной, или ты здесь останешься?
- Здесь. Связь проверю, доложу.
- Ты лучше спать ложись. Пару часов поспи, а то пошлют куда, а ты без сил, как вареный.
- Попробую. Только боюсь, не усну.
- Это пройдет. Ладно, я к себе, а ты отдыхай. Вообще, Гриш, ты удивил меня. Комбата из под земли отрыл, да и остальное все в порядке.
- Рад стараться.
- Давай, давай. Старайся,— Савчук встал с ящиков и медленно пошел к своему складу. Григорий вернулся в штаб, включил рацию и надел наушники.
- Ты своей, или докладывать? — сквозь сон спросил Киселев.
- Докладывать.
- Не надо. Все здесь. Я сам с утра свяжусь. Отдыхай.
- Григорий лег на широкую лавку, принесенную для себя старшиной. Она была еще теплой. Взял под голову вещь мешок и долго крутил его, укладывая так, чтобы лежащие в мешке консервы не резали голову. Через минуту солдат уснул. Думал, что повалается, вспомнит о свидании, но сон пришел сразу, и он, повернувшись на бок, тихо засопел.
- Гришань, вставай,— негромко произнес комбат.
- «Только уснул, что случилось?» — подумал Гриша и, открыв глаза, резко вскочил с лавки.

— Да ты успокойся,— услышал он голос Киселева.— Иди, там во дворе ведро с чистой водой. Умойся и приходи сюда.

Григорий выскочил из штаба, зачерпнул холодной воды, умылся, потянулся и посмотрел на часы.

— Почти двенадцать! Надо же, сколько я спал? И комбат не будил меня. А показалось, что только глаза закрыл,— он вернулся в штаб и громко спросил:

— Товарищ комбат, что то случилось?

— Случилось. Вспомнили, суки!

— Что, что случилось?

— Ты сходи поешь, приди в чувство и давай ко мне, разговор есть.

— Есть. Разрешите идти?

— Да. Иди.

Гриша вышел из штаба и быстрым шагом пошел к левой кухне.

«Что могло произойти? Что так расстроило комбата? Он был мрачный какой то, и зачем я понадобился? Интересно, какие суки нас вспомнили?» — думал он. Остановившись около кухни, Григорий вспомнил, что не взял с собой котелок. Он посмотрел на штаб, повернулся в сторону, увидел старшину. Он раскладывал какие то тряпки у дверей склада.

— Пойду к нему, в штаб не буду возвращаться.

Савчук без разговоров дал Грише котелок и дальше молча стал перебирать свое тряпье. Григорий посмотрел на него и понял, что он сильно болеет с похмелья, но почему то не лечится.

«Наверное, хочет переболеть»,— решил солдат. Он вернулся к кухне, поел горячей каши с хлебом, из чайника налил кипятку, вприкуску с кусочком сахара попил его и, настроившись на худшее, пошел в штаб. Котелок Гриша оставил повару и попросил его вернуть старшине.

Те двести метров до штаба были и быстрыми, и почему то растянулись: Гриша торопился, но при этом шел к Киселеву долго. Разные мысли путались в голове. Сначала он подумал, что его переводят, потом, что он в чем то вино

ват. А у самых дверей солдат решил, что ему сейчас влетит за встречу со связисткой из спецсвязи. Видимо, кто то их увидел и доложил о тайной встрече двух людей, имеющих доступ к рации.

— Проходи, садись. Чай будешь?

— Нет. Я только поел и чаю попил.

— Чаю, небось кипятку? А здесь хороший, трофейный.

— Ну, тогда буду.

Комбат налил в кружку душистого чая и, сев напротив, начал разговор:

— В общем так. У нас при отдельном батальоне своя группа разведки есть. Знаешь?

— Да.

— Вот. Полковая разведка и дивизионная, чего то там свое мутят, тень на плетень наводят, в общем, нужно сегодня в разведку сходить. Спрашиваю тебя как товарища. Без подвоха. Если есть желание, я тебя держать не стану—иди, но если сомневаешься, я доложу, что ты еще неделю на фронте, неопытный, одним словом, прикрою. Не торопись с ответом, подумай. Здесь хорохориться не надо. От тебя будет зависеть судьба всей группы. Когда на связь выйти, что и как доложить и где проход попросить. Понял? Если не уверен, так и скажи. Трусость здесь ни при чем.

Григорий вспомнил рассказ Тани о том, как девчонки из их взвода ходят с разведчиками. Оля, например, медаль за это получила, а Титова сама просилась. Неужели он найдет какие то слова, сомнения?

«Нет, никаких разговоров. Это война меня на вшивость щупает,—подумал он.—Сегодня утром решил, что нужно честно верить в себя и не искать оправдания трусости. От кажусь, что то придумую—грош цена всем моим решениям и словам»,—Григорий встал, спокойно посмотрев в глаза комбата, спросил:

— А вы как думаете, товарищ капитан, что я отвечу?

— Понятно. Готовь рацию. В двенадцать ночи сбор,—произнес Киселев. Он увидел этот взгляд и понял, что не ошибся в этом парне.— Если честно, я не хочу, чтобы ты шел, но и жалеть тебя не стану.

— Спасибо.

— Разведчики идут наши, и радист наш. Все так и должно быть. А с комполка я разберусь, почему они своих не послали. Мы отдельный штурмовой батальон, нам первыми в бой идти. Они всегда следом. Пару раз было, всей толпой перли: и первый, и второй полк, но нас на такие вылазки не дергали. Что то тут не так. Ты смотри, будь аккуратней. Рацию проверь, чтобы не вышло так, что она вдруг сломалась.

— Все проверю и доложу,— четко ответил Григорий.

— Занимайся, готовься. И не забудь документы сдать.

— Есть. А кому сдавать?

— Мне, или замполиту Симохе. Нет, мне. Этот лейтенант все возле дивизионных крутится, наверное, думает сбежать к ним. Но комдив сам таких не любит. В общем, он как то не с нами, что то задурил. Мне вечером отдашь, понял.

— Так точно.

— Все, готовься.

Григорий взял рацию, включил ее и решил проверить досконально. Выключил и, взяв в руки нож, достал лезвие отвертку. Решил вскрыть рацию и поправить и пошатать лампы. Иногда это помогало, и если где то был плохой контакт, связь пропадала и лампа гасла.

Через час он сходил на склад к старшине. Вспомнив о его тряпье, решил попросить несколько кусков, чтобы обмотать рацию. Это защищало рацию от резких ударов. Всему этому он научился в учебке. Майор учитель знал и требовал этих знаний от всех. Григорий вернулся в штаб и стал готовить рацию дальше: обматывать ее.

К Киселеву приходили разные офицеры, но Гриша, устроившись в углу на лавке, занимался своим делом.

— Ты откуда знаешь, что рацию обмотать надо?— спросил один из офицеров.— Что, уже ходил в разведку?

— Нет, в учебке, майор научил. Он сам повоевал и рассказал нам все, что знал и умел.

— Хорошо. Ладно, посмотрим,— произнес тот же офицер. Вскоре он ушел, и Киселев, недовольно качнув головой на дверь, произнес:

— Ходят, учат, идиоты. Как будто первый день на фронте.

— А этот кто?

— Да из штаба. Карту хорошо читает, но местности не чувствует. Сказал, вот за этим холмом можно переждать. Так же и фрицы думают. Нет, отдыхать будете там, где командир группы решит. Скажи, разве можно такие советы давать? На месте ведь всегда виднее?

— Конечно, виднее. Может, этот холм укреплен дотами, и подступы наверняка заминированы. Нужно искать болото, грязь и переждать там, куда нормальный человек не полезет.

— Да в тебе готовый разведчик живет. Все знаешь, и учить не надо.

— Нам в учебке фронтовики обо всем рассказывали, чтобы мы зря задницы не подставляли: учили, как выжить.

— Вообще то этому не научишь, но знания других, тех, кто прошел через это, не помешают. Как все подготовишь, ложись спать. Лавку вон туда, к дальней стене ставь и не стесняйся.

— Да у меня уже все готово.

— Точно?

— Да. Все проверил, готов хоть сейчас идти.

— Ну, тогда отдыхай. В двенадцать остальные подойдут, я тебя в половине разбужу.

— Разрешите идти.

— Валяй.

Григорий поставил рацию, взял лавку и, оттащив ее к дальней стене, поставил и лег на нее спать.

Этот сарай был просторным, возможно, в нем раньше держали лошадь, но потом переделали. На месте старого загона валялся разный хлам: старые бочки, корзины и доски. До дальней стены, от стола Киселева, было метра три четыре, но все, кто приходили в штаб, не смотрели в сторону хлама и не видели, что там на лавке спит солдат.

В штаб заглядывали офицеры и солдаты. У них возникли неотложные дела. Станным образом они появились у всех, как только закончились боевые действия. Киселев

кого то слушал, а некоторых сразу отправлял к своим ротным командирам.

Григорий спал на лавке в дальнем углу и совсем не думал, что предстоит сделать что то опасное. Он знал и понимал, что на войне каждый день можно умереть от собственной ошибки, и предстоящая операция была еще одним днем войны. Единственное, что его удивило—рядовой связист никак не предполагал, что в первую же неделю пребывания на фронте ему придется идти в разведку, где раскрываются все качества человека.

Комбат не стал ничего объяснять разведчикам. Он назначил рядового Михайлова радистом в группе, и это означало, что Киселев ему доверяет.

В десять вечера пришла лейтенант Титова. Она, узнав, что новый связист идет в разведку, решила лично проверить рацию и проинструктировать его. Комбат, увидев ее, не смог ничего возразить. Девушка официально выполняла свои обязанности, но ее странный взгляд он заметил. Если бы не эти жалостливые глаза, Киселев бы не разрешил поднимать раньше времени того, кто идет в разведку, но он отступил. Комбат понял, что эта девушка пришла не просто выполнять свои обязанности, но и увидеть этого пацана.

— Гриш, вставай,—крикнул он из за стола.

— Михайлов медленно поднялся и, потирая глаза, спросил:

— Что, уже?

— Нет. Тут командир взвода связи пришла проверить подготовку и рацию.

Григорий не понял сразу, кто именно пришел. Он спокойно встал, заправил за ремень гимнастерку и подошел к столу. Титова стояла у дверей и внимательно смотрела то на комбата, то на молодого связиста.

— Вы рацию подготовили?—спросила девушка.

— Так точно.

— Ваш позывной знаете?

— Вдвенадцать скажут.

— Хорошо. Давайте включим и проверим связь.

— Есть проверить связь.

Григорий взял из угла рацию, обмотанную тряпками, и, щелкнув тумблером, включил ее. Надел наушники и вызвал штаб. Дежурная связистка ответила. Рядовой снял наушники и протянул их Титовой. Девушка сняла пилотку, села рядом на лавку и, надев наушники, связалась со штабом и доложила о проверке рации.

Капитан Киселев сидел молча и наблюдал за их нелепым разговором. В его глазах чувствовалось что то злое. Григорий тоже начал волноваться. Он не знал, куда положить руки: сидел за столом командира, ерзая на месте и тебя в руках наушники.

— Товарищ лейтенант, можно вас на пару слов?

— Да. Пожалуйста.

— Гриша, выйди, — приказным тоном произнес комбат.

Григорий вышел на улицу, сел на ящики, достал табачок и скрутил самокрутку. Диалог между Титовой и комбатом оказался коротким. Девушка выскочила в слезах, оставив открытой дверь штаба. Она, пряча лицо, прошла мимо Григория. Он спрыгнул с ящиков, но Титова, стараясь не смотреть на него, пробежала метров тридцать и дальше пошла быстрым шагом. Гриша смотрел ей вслед, вспоминая Таню. Солдат надеялся, что Титова, как он вчера, обернется, но лейтенант, ссутулившись, ушла к окопам и там скрылась из вида.

Григорий вернулся в штаб. Комбат грозно посмотрел на него и спросил:

— Ты не с ней ночью крутил?

— Нет, мою Таня зовут. Она от соседей.

— Слава Богу. А эта ишь, бляха, нашла мишень!

— Товарищ капитан. Я слышал, что ей не везет. Она себя порешить хотела.

— Апочему не везет? Знаешь?

— Сами говорили, меченая она, войной.

— Да, но человеком нужно оставаться всегда. Как ты думаешь? Что я должен о ней думать, если она одного не успела забыть, уже с другим. Так было. А когда по башке треснуло — одумалась. Нельзя так сразу человека забывать. Вон Мария: похоронку получила, виделась с теми, у кого

на глазах ее мужик погиб, а она все одно не верит — ждет. Говорит, чувствую, что жив, а это все болтовня от страха. А бумаги, как и люди, ошибаться могут. Вот ее я уважаю и никогда голос не повышу, а эта... В общем, смотри, я не дам тебе шашни с ней разводить.

— Да у меня другая. Татьяной зовут.

— Да понял, просто злой немного. Пришла тут с проверкой. Приглянулся ты ей, смотри. Себя надо уважать и товарищей погибших. Я то одного из ее ухажеров знал. Он ведь любил ее по настоящему. Думал после войны к маме отвезти, а она на второй месяц после его гибели уже с капитаном под ручку, улыбка до ушей. Мне плевать, что она меченая. Сука, вот и все.

Григорий промолчал. Этого он не знал о Титовой. Таня рассказала, что женихов у нее было много и все погибли, но то, что они шли подряд и так быстро, это немного не укладывалось в понятие хорошей девушки. Услышав резкий тон командира, увидев его решительные глаза, он понял, что Киселев невзлюбил ее не только потому, что она отправляла хороших и плохих ребят на тот свет и не оплакивала их. Тут было что то еще. Гриша не стал спрашивать, он, пытаясь отвести разговор в сторону, спросил:

— Мне никто записку не передавал?

— А что, должны?

— Обещала.

— Нет, никого не было. Да и записка дело такое. Ее лично в руки отдают. А твоя симпатичная? — немного успокоившись, спросил комбат.

— Да.

Григорий, вспомнив Таню, сразу вспомнил Титову и почувствовал в душе, что обидели не лейтенанта Титову, а его Таню. Причем обидели ни за что, так, из за слухов и сплетен. Кто его знает, что там было на самом деле. Может, у девушки была своя любовь, а друг комбата тоже любил ее и не знал, что у лейтенанта Титовой есть свой парень. Он погиб, но они остались. Хотя нет, погибли все. Так Таня сказала. Наверное, иногда она тоже кососмотрят, только из за того, что она так похожа на Титову. Комбат о чем то

начал рассказывать, но Григорий не слышал его. Он не мог понять, что вдруг стало происходить с ним? Солдат почувствовал, что между этими двумя девушками была не только схожая внешность, но и что то еще. Гриша почувствовал близость Титовой, и этот жалкий, собачий взгляд говорил о многом.

«Либо она все знает о нем от Тани, либо сама запала, как и Татьяна, с первого взгляда,— думал он.— Неужели она, эта Титова, вот так из за своего желания хочет предать меня, принести в жертву. А может, она, наоборот, желает помочь, чтобы сберечь. Нет, все это неправильно. Я при встрече поговорю об этом с Татьяной, что происходит?»

Тут Григорий вспомнил слова Тани: «Если ты с ней будешь кадриться, я не обижусь — поможешь девчонке».

— К чему это она сказала. Так, точно, они дружат и, возможно, хотят поделить меня? Да нет, что я накручиваю. Они разные. Одна бегаёт, прячет лицо, стесняется лишнего слова и разговора, а второй — Титовой — плевать на это: похоронила одного — кто следующий?

Григорий сидел и никак не мог оторваться от своих мыслей, пока Киселев не толкнул его в плечо:

— Эй, что задумался? Давай, собирайся, ребята пришли.

Гриша встал, осмотрелся, тут же забыв о мучивших его женщинах. Он увидел в штабе несколько человек. Все по очереди протянули руки, но Гриша не запомнил, кто из них Коля, кто Саша, единственный, кого он узнал, был Яшка, тот самый снайпер, что подполз к нему и деду перед высотой.

— Здорово. Ты меня не помнишь?

— Нет,— ответил Яшка.

— Ну как же. Я еще с дедом перед высотой с тобой рядом был, когда ты по прожекторам стрелял.

— А а, с Пердунярой. А он где?

— Погиб. Там на высоте.

— Война, браток, дело такое,— ответил Яшка.— Значит, ты с нами? А нам говорят, новичок, не обстрелянный.

— Новичок!— вступил в разговор комбат.— Вы его там прикройте. Если что — по голове, но не сильно, чтоб пони

мал и не лез, а то он парень шустрый, глядишь, переклинит, начнет рубаху на себе рвать.

— Присмотрим. Все нормально, я его помню,— обернувшись, обратился Яшка к разведчикам.— Этот назад не побежит. Видел его — дерзкий пацан. Это ж он Мордожо пина прозвал так. Отрыл, говорят, сначала жопу из земли, а потом морду, или наоборот—не помню.

— Отрыл, отрыл,— как бы заступаясь, произнес Киселев.— Все, смотрите на карту, расскажу, что сделать надо.

Разведчики подошли к столу, немного оттеснив Григория, но он все слышал и видел, что показывал на карте комбат. Им предстояло подойти как можно ближе к первому рубежу оборонительной системы Кенигсберга и изучить огневые точки. Нащупать слабое место, внимательно разглядеть местность и, главное, понять, как можно использовать природный рельеф для удачного удара и прорыва.

В половине первого ночи отряд разведчиков ушел выполнять задание. Пять теней быстро прошли сквозь поселки, свернув к роще, растворились в темноте. Была и еще одна тень—Титовой. Она одиноко стояла около землянки и долго смотрела в ту темноту, что скрыла пятерых солдат.

Первые полчаса отряд шел спокойно, но дальше вперед вышли двое и привязанными к черенкам лопат спицами щупали каждый сантиметр. Земля здесь была заминирована. Если кто то находил мину, он бросал сверху сломанную углом ветку. Это место обходили аккуратно, стараясь не сделать шаг в сторону, ступая по проверенной тропе.

Заросшая кустами темная роща, казалось, помогала пригнувшимся к земле фигурам солдат, но месяц, как на рочно, высвечивал, срывая ночное, прятавшее их, одеяло. Ступая шаг в шаг, разведчики приближались к первому рубежу обороны. Увидев небольшой холм, командир группы, Воувка белярус, приказал проверить его.

На холме мин не было. Разведчики поднялись на него, и перед ними открылась панорама немецкой обороны. Белеющие ДОТы стояли через каждые двести метров, а перед ними длинная, словно сороконожка, полоса окопа. Преда

тель месяц словно передумал. Теперь он помогал разведчикам, ярко освещая позиции врага.

Две дороги вели в глубину немецкой обороны. Одна тянулась вдоль рощи, а вторая как бы опоясывала этот район и проходила рядом с окопом. Кое где от нее, словно излучины от реки отходили другие небольшие дорожки, перекрытые шлагбаумами. Командир приказал Сашке, молодому курносому пареньку, чуть старше Григория, все это нарисовать. Коренастый, крепкий Сашка из Смоленска с кудрявой челкой неплохо рисовал, и этот талант пригодился ему в разведке. Конечно, вся местность была известна. Всю оборонительную систему давно скопировали с самолетов, но вот так — близко — ее никто не щупал.

Небольшого роста коренастый мужичок Воувка белярус, прищутив глаза, внимательно рассматривал позиции немцев. На его круглом лице с узенькими усами, соединявшимися с небольшой бородкой, можно было прочесть, как он своим колючим взглядом проникает туда, где гуляют и слушают патефон немцы.

— Так, хлопцы. Ща с холма вниз, к кустам. Коля, бяри двоих и проверь мины, — приказал он.

— Есть, — ответил высокий, крепкий парень, в короткой телогрейке. Он кивнул головой Яшке и рядовому Рыкову, чтобы те следовали за ним. Последний был молчун. Выжать из этого сорокалетнего мужика слово было невозможно. Про Рыкова рассказывали, что до войны он был хорошим боксером и даже победил в каком-то первенстве. Родился и вырос Рыков под Москвой, но никто так и не услышал от него, бывал ли он в самой столице.

Они спустились с холма к голым кустам и замерли, прижавшись к земле. Затем по очереди расползлись в разные стороны, достали из сапог спицы и стали проверять наличие мин.

— Заними, — шепотом командовал Воувка.

Через минуту все спустились с холма и, собравшись под кустами, обсуждали, куда лучше ползти.

— Давай вдоль проволоки, вон до того поворота. Поглядим, что там сбоку? — предложил Колек.

— У леса, что ли? — поинтересовался Яшка.

— Да.

— Так, вся эта система вкруговую идет.

— Да, но возле леса не так заметно. Если наши пойдут, лес прикроет. А здесь поле открытое и этот холм.

— Вот именно, холм,— вступил в шепот командир.— За этим холмом наступающих будет не видно. Если все к нему подойдут, за ним сховаются. Немцы вслепую не воюют, а в лесу, чаго там, всегда движение ёсть. Да и лес этот сла бый. Так, роща какая то. Артподготовка и, считай, ее нет.

— Да, холм этот хороший, на месте,— поддержал его Яшка. Он скинул с плеча свою винтовку и стал рассматри вать через оптический прицел позиции немцев.— Нужно пометить это место. Смотри—холм напротив дота. Конеч но, эта высота прикроет, а второй дот уже дальше, сбоку ему несподручно будет. Вот, там смотри, если тот, вто рой дот заткнуть, все: дыра какая получается. А там, вон, дома — это уже другая война, неполевая. Саня, нарисуй дома, скоко их там?

— Да, я уже все давно запечатлел,— ответил Сашка.— Место действительно ничего, все одно проползти туда надо, может, где еще чего хорошего заметим.

— Мины проверили?—спросил командир.

— Ага,—ответил Колек.—Левее их почти нет. Так меж ду кустами по одной. Я пометил.

— Яша и Сашка, давай за мной. Остальные здесь пока. Ежли чо, крячи рятуйтя!— усмехнувшись, прошептал ко мандир группы и посмотрел в глаза Григория.— Ну, как оно?

— Нормально. Интересно.

— От чума. Интересно ему! Ежели сейчас взвод фри цев... Что?

— Да ничего. За холм уйдем.

— Глядитя, людячки, соображает! Аядумал, тывоевать буш с ними.

— Зачем? Что мы сделаем. Сейчас главное комбату до ложить.

— Ну, та доложи,— прохрипел Воувка и пополз в сторо ну леса. Яшка и Григорий вернулись на холм и, спустив шись с глухой стороны, приготовились к передаче данных.

Григорий включил рацию и стал вызывать штаб, а Яшка сидел рядом, высвечивая карту фонариком.

— Седьмой, Седьмой, я Ракета,— произнес Гриша. Он получил эти позывные перед самым отходом. Постарался их запомнить, чтобы не упасть лицом в грязь. Ему казалось, что в голове крутятся лишь две женщины: Титова и Таня. Из за них все мысли путались. Но в заминированной роце любовь ушла на второй план—осталось лишь задание и то, что он с разведчиками идет выполнять его.

Ему казалось, что над ними, упираясь в небо, стоит что то огромное и черное. А он, с этими людьми, пробирается в чужой дом, где хозяйничает Война, и желает узнать ее секреты. Гриша постарался избавиться от этих мыслей: со средоточился, стараясь запомнить, что и как делают другие.

— Ракета, я Седьмой,— услышал он в наушниках.

— Ответили?— спросил Яшка.

Григорий качнул головой.

— Так, говори,— прошептал снайпер.— Четвертый квадрат, высота двадцать один ноль три. Чистая — мин нет, справа от высоты мины есть. Высота может служить при родным укрытием. Удачно мешает ДОТу. Он стоит напротив. Если уничтожить второй, правый от высоты, то можно создать проход. Как раз между четвертым и пятым квадрата том. На высоте позиций нет.

Григорий слово в слово повторял за Яшкой его слова. Закончив последнюю фразу, он услышал:

— Принято.

— Седьмой, я Ракета, до связи.

— Ракета, я Седьмой, принято.

Григорию показалось, что это был голос Тани, но возможно, это отвечала Титова. Неожиданно он для себя решил, что и голоса у этих девушек похожи.

— Странно,— подумал он.— Может, Титова специально мне голову дурачит? — но, вспомнив слова Тани, решил, что нет, это другая девушка. Его сердце что то подсказывало, а в голове все путалось. Он стал вспоминать все, что говорила одна и другая, пытаясь зацепиться за какое ни будь выражение. Внешность и голос совпадали, а вот от

ношение к войне и сказанные ими слова были разными.— Может, они сестры, и что то в их семье не так? На войне всякое бывает—не поделили мужика, или перед командирами друг друга подвели. Кто их разберет, этих женщин?— подумал он.

Его мысли резко оборвались.

— Уходим, хлопцы, уходим. Немцы.

Григорий закрутил головой, пытаясь увидеть врага, но Яшка толкнул его и как то шепотом, но прикрикнул:

— Давай скорее! Не мешкайся.

Гриша закинул за спину вещмешок с рацией, подпернул ляжки и пополз за остальными в сторону той рощи, где они шли час назад.

— Следить за минами,— прохрипел командир. Но не успел он закончить фразу, как из за рощи раздалась автоматные очереди. Разведчики прижались к земле. На них посыпались срезанные пулями ветки.

— Колек, вперед! И ветки на минах тяперь втыкай. Вишь, нарубило скоко!— прохрипел Воувка.

Колек отбросил черенок лопаты и ловко, как то снизу, чтобы не зацепить взрыватель, стал пробивать землю спицей.

— Разобрались по кустам! — снова захрипел командир.

— Под куст, под куст прячься,— услышал Гриша голос Яшки.— Я комбату обещал тебя прикрыть, вот и прикрываю,— он быстрыми движениями сгреб сухую листву и стал ею засыпать Григория. Еще что то шутил и сам над этим усмеялся. Затем отполз к другому кусту и спрятался за его ветками.

Четыре немца с автоматами шли по дороге вдоль рощи у самого края поля. Двое освещали кусты и деревья фонарями, а двое обстреливали все, что им не нравилось. Автоматные очереди становились все громче и громче—они приближались. И вот Григорий увидел свет фонарей и услышал немецкую речь. Они не останавливались, просто шли вдоль густых кустов и стреляли по ним, но даже в свете их фонарей Гриша разглядел этих людей. Немцы явно злились, наверное, им не нравилось вот так, среди ночи,

обстреливать рощу. Григорий закрыл глаза, и тут же впервые почувствовал страх. Ему говорили и учили, что это нормально и стесняться здесь нечего. Увидеть в нескольких метрах от себя врага с оружием в руках непросто. Тем более если он не убегает, а идет на тебя, желая убить. Молодому бойцу, впервые оказавшемуся в разведке, казалось, что от его страха трясется не только куст, но и вся роща. Гриша сжал автомат, нащупал пальцами курок и на мгновение замер:

— Нет, я не совершу глупость. Стрелять нельзя. Лежи— трясись,— говорил он сам себе. Вспомнил, как уверенно чувствовал себя с Таней и понял, что он предает сам себя. Гриша открыл глаза и через силу, чувствуя головокружение и тошноту, стал смотреть на фрицев.

Они продолжали идти вдоль рощи и о чем то болтать. Начищенные сапоги, шинели и вытянутые сухие лица.

«Нет, другими фрицы стали теперь,— подумал он.— Раньше в хронике видел лишь холеные и наглые рожи, а эти боятся. Они, как и я, боятся, и ничего стыдного в этом нет. Нужно, как учил комбат, верить, что не убьют. Но если перестрелка— куда отходить? По минам? На них, внаглую, на дорогу, она вон не заминирована, как они по ней шагают». Григорий напрягся, пытаясь пересилить себя, и заметил, что один из немцев остановился. Он как будто почувствовал его тяжелый взгляд и всадил в соседние кусты длинную очередь. Поднял автомат вверх, при слушиваясь к звукам и шорохам, затем снова длинной очередью провел вдоль всех кустов. На Григория упали несколько веток. Он почувствовал, как от страха слился с землей. Этот обстриженный пулями кустик, под которым он прятался, из последних сил скрывал его. Хоть и рос он на немецкой земле, но все равно защищал прикованную к нему душу.

Немцы прошли еще метров тридцать, а за ними, совсем неслышно, медленно проехала машина с солдатами. Они прыгнули в нее и вернулись обратно, на свои позиции. Над ДОТами вспыхнул прожектор. Он стал своим лучом высвечивать рощу и поле, пытаясь поймать что то живое.

Почти два часа разведчики пролежали под кустами, ждали, когда успокоятся немцы. Время не просто тянулось — оно замерло. А когда начало светать, Григорий услышал голос Воувки:

— Так, эта, откликнулись по очереди.

Ответили все, но Сашка предупредил, что ранен. Одна пуля, может, рикошет, все же достала его. Ранение было непонятным, то ли в бок, то ли пуля ушла в живот. Сашка корчился от боли. Гриша посмотрел на раненого разведчика и удивился его мужеству. Он там, под кустом, как заяц трясся, а Сашка столько времени терпел, и даже лежащие рядом звука от него не услышали. А как только расслабились, Сашка совсем чуть чуть, негромко, застонал. Молчун Рыков поднял его, аккуратно взвалил на плечо, и отряд разведки медленно, стараясь не шуршать опавшей листвой, стал возвращаться к своим. Колек и Яшка пошли вперед щупать мины и метить их. Через двести метров стали видны старые метки мин. Дальше немцы не пошли и веток не накосили. Разведчики, уверенно, как будто они каждый день ходили по этой тропе, смело шли, обступая помеченную смерть. Григорий не отставал, он внимательно смотрел на сломанные ветки и на те места, куда ступал Рыков. Тот шел впереди и, совсем не напрягаясь, нес Сашку.

Небосветлело, и тропа каждым шагом становилась все виднее. Заминированная роща кончилась, началась другая, проверенная. По ней отряд шел спокойно, и вскоре бойцы увидели огни поселка и костры наших солдат.

Метров за двести до начала окопов, Григорий увидел стоявших людей.

— Встречают. Это хорошо, — прорезавшимся голосом произнес Яшка.

— Да. Видать стрельбу услышали. Ночью далеко слышать, — ответил ему Колек.

— Додумались бы кого с носилками послать. Видать же, что одного несем, — возмутился Воувка. И словно услышали его слова: трое сорвались с места и побежали разведчикам навстречу. Не удивительно, что это оказались Юлька Березкина, старшина и рядовой Паров, учитель, немного

знающий немецкий. Старшина тут же взял на руки Сашку и почти бегом понес его к расположившемуся на окраине поселка полевому госпиталю.

— Ну ты меня, как невесту, — скорчившись шутил Сашка. Юлька, санитарка, бегала вокруг старшины, мешалась под ногами и все время кричала, пытаясь хоть чем то по мочь.

— Санька, не боись. Тут врачи рядом. Ща, перебинтуют, подлатают, — отвечал старшина. Но Березкина не успокаивалась: она куском ваты и марлей прикрыла рану и так и бежала рядом с Савчуком до самого госпиталя.

Отряд спокойно прошел мимо окопов и направился к штабу. Все, кто встречали разведчиков, стали расходиться по своим домам и землянкам. Оказывается, на войне хорошая примета — на рассвете встретить разведчиков. А если еще все живы, считай, вся неделя будет спокойной. Григорий обернулся и посмотрел в сторону землянки связисток. Они все вышли и радостно смотрели на вернувшихся солдат. Титова стояла вместе с ними, улыбалась, и никто не мог обвинить ее в том, что она одна ждет того, кто ей понравился.

В штабе Киселев всех по очереди обнял. Узнав, что Сашка ранен, немного расстроился. Посмотрел на Григория и произнес:

— Доложил как надо. Все нормально. Данные в штабе дивизии. Они там уже теперь по своему кумекают.

Воувка, стал все подробно рассказывать. Для них побная вылазка была лишь прогулкой. Не нужно было проходить через линию фронта и тем более брать языка. Так, прогулялись, посмотрели. Чуть не сцепились с фрицами. Все они, оказывается, переживали за Григория. Усидеть под кустами очень трудно, и все об этом знали. Думали, сорвется пацан. И немцы тоже об этом знали, и поэтому машина с солдатами тихо ехала сзади. Они психологически нагнетали обстановку, расстреливали пустоту, ждали, когда спрятавшийся человек не сможет себя удержать и сорвется — ответит выстрелами. Ведь он хочет вырваться из тисков страха. При этом готов убить и чужих и своих. Как

правило, сознание отключается и срабатывает инстинкт самосохранения. Григорий выдержал и доказал, что он может ходить в разведку. Разговоры о нем даже и не начались. Комбат спросил насчет радиста у ребят:

— Ну как?

И все ответили:

— Нормально.

На этом обсуждение поведения Гриши закончилось.

«Неужели никто не видел, как я дрожу. Я же был на грани истерики»,— думал он. Но потом решил для себя, что все разведчики, возможно, прошли через что то подобное.

Через час в дверь вломился старшина, принес спирт, кашу, тушенку и разноцветный трофейный провиант: джемы, соки и варенье.

— С Саньком все нормально, пулю достали, спит. Юлька там рядом суется. Никто ее прогнать не смог. Я попросил, чтобы ей разрешили остаться. А врач сказал, через месяц Санек вернется. Даже предложил не отправлять его: тут отвалится, при госпитале, пока мы стоим.

— Вот и хорошо. Все живы и ладно, можно за это дело и по сто грамм налить.

— А кому и двести?— ступил Воувка.

— Это кому и то?— передразнил его комбат.

— Связному, у него первый раз.

И действительно, такой фронтовой обычай был. Раз разведчик, так умей и водку пить. Крещение происходит после первого выполненного задания. Стакан чистого спирта, без закуски и запивки:

— Вот так, глотать разом и все,— пояснил Яшка.

Старшина всем налил в кружки, порезал сало, хлеб, а для Григория нашли трофейный стакан. Прозрачный, красивый, длинный и с гранями. Старшина не постеснялся, налил его по самые края. Все подняли кружки, тихо прикоснулись, и каждый молча выпил свою дозу.

Гриша, чувствуя, что где то там, в спине, еще остались колики страха, задержав дыхание, как учили, одним глотком выпил положенную дозу. Несколько секунд не мог вздохнуть, а когда сделал вдох, почувствовал, как его

словно кувалдой по голове ударили. Все вокруг поплыло, запрыгало, но солдат устоял. Так хотелось хотя бы рукавом занюхать, но он стоял и терпел. Медленно сел за стол и спросил:

— Когда есть то можно?

— Налетай! —скомандовал старшина.

Несколько минут разведчики и комбат сидели молча— оно, как говорится, доходило, а потом начались приколы и рассказы о том, как они в разведке попадали в разные не вероятные ситуации.

Добавив еще два раза по чуть чуть, Гриша, плавно качаясь из стороны в сторону, обратился к комбату:

— Тош, капитан. Про дорогу то забыли.

— Какую дорогу?—стали спрашивать его разведчики.

— Да ту самую, по которой фрицы шли. Она ж не заминирована, раз они так по ней гуляли. На фига по кустам и рощеплутать, есидорога свободна. Мин—нет. Тамдаже машина ездилa,— выдал заплетающимся языком Гриша.

Все, кроме него, протрезвели. Разведчики и комбат по дошли к карте, и Воувка, ткнув пальцем, показал эту до рогу.

— Гляди, глазастый какой?— возмутился он.— Заметил.

— Мы все заметили, а он сообразил,— пояснил снова опьяневший Яшка.— Я ж говорил, дерзкий пацан!

— Ладно, я придумаю, как это добавление в штаб пере дать,— успокоив разведчиков, произнес Киселев. После этого застолье продолжилось. Спирт не кончался, тушенки было много. Вскоре все расположились, кто где смог. Но Григорий, по стеночке, все же добрался до своей лавки.

Утром приехал комдив Палыч с пополнением личного состава. Комдиву было тридцать пять. Высокий строй ный мужчина, он всегда, даже в самых трудных ситуациях говорил спокойно и не использовал мат. Многих это раздражало. Солдаты в шутку ругали его: «Лучше бы на орал—легче б стало»,—но комдив всегда выдерживал па узу, внимательно смотрел в глаза и только после этого от вечал. Улыбку на его лице никто не видел. Даже в те дни,

когда по радио объявляли об освобождении городов и са люте, его лицо оставалось серьезным. С комбатом у него были особые отношения. Ходили слухи, что в том самом штрафбате, где до ранения командовал Киселев, он был у него ротным. Что то произошло в жизни этого человека. Неожиданно его отозвали, вернули в действующую армию, восстановили и даже присвоили очередное звание. Судьба распорядилась так, что теперь он командовал тем, кто по мог ему выжить. Несмотря на свою молодость, его звали по отчеству—Палыч. Полное имя—Корин Андрей Павло вич—знали лишь штабные. Для солдат он был Палыч. Его уважали. Он хоть и был суровым, но мог поговорить и вы слушать каждого. Старался жить по справедливости. Это не всегда получалось, но он старался и делал для этого все, что мог.

Палыч открыл дверь штаба, почувствовал стойкий не переносимый перегар, увидел торчащие с лавок ноги и за ходить не стал. Часа два гонял по поселку замполита Си моху, заставляя его быстро разместить прибывших солдат. Кончилось тем, что Симоха всех построил, вывел к окопам и приказал к двадцати часам выкопать землянки.

Лопаты, пилы и топоры были только у старшины, а он, как все отвечали — пока занят. К вечеру прибывшие по теснили бойцов батальона и разместились с ними в домах и землянках.

Повар наварил супа. Он сам достал мяса. Все наелись и стали дожидаться, когда же у старшины и комбата закон чатся срочные дела. А они за весь день так из штаба и не вышли.

9. Пополнение

Ночью первым встал комбат. Он и днем просыпался, но лишь попить воды. Посмотрел на разведчиков и снова сва лился на лавку. Остальные спали. Эти люди до такой сте пени устали: напряжение созданное войной за одну ночь отобрало столько сил, что люди, расслабившись, никак не

могли очнуться. Да еще спирт с трофейным джемом — под крашенный им для большего удовольствия — не отпускал, держал солдат, очищая их от накопившейся усталости.

На рассвете народ в штабе зашевелился. Григорий тоже открыл глаза. Он буквально задыхался от сухости во рту. Встал и, шатаясь, подошел к столу.

— Живой? — спросил его Киселев.

— Не знаю.

— Давай, поднимай старшину, а то мы так неделю не встанем.

Григорий подошел к старшине и стал его толкать в плечо.

— Вставайте, товарищ Савчук!

— Нет, так ты его не разбудишь. Савчук, твою мать, подъем!

Старшина медленно повернулся на лавке, лег на спину, сделал два хрипящих вдоха, открыл один глаз, уперся руками в лавку и медленно поднялся.

— Гриш, открой дверь, — попросил комбат. — Здесь дышать нечем.

Григорий толкнул скрипящую дверь, и в штаб ворвался свежий воздух. От него закружилась голова, солдата зашатало, и он, схватившись за качающуюся дверь, медленно вышел на улицу.

Новый день просыпался, небо светлело, но этот день по казался ему вялым и сонным. Григорий дошел до ящиков, сел и, откинув голову назад, стал смотреть в светлеющее небо.

Из штаба стали доноситься голоса. Старшина поднял остальных. Раздался смех. Это Яшка, увидев лица товарищей, не смог удержаться. Комбат, как «опытный чекист», пытался выяснить, кто обливал весь угол и стоящие там сапоги, но все лишь качали головами и удивлялись такому хамству.

— Надо же, — возмущался Воувка, — кому же это так хорошо было?

Все подумали на Григория. Выпитая им доза была слишком велика. Он мог, конечно, начать оправдываться, но не стал. Ответил, что вообще ничего не помнит. Гриша увидел

ведро воды, встал над ним на четвереньки и, зачерпывая холодную воду ладшкой, стал пить и умываться. В первые пять минут ему стало легче, потом замутило и вырвало. Комбат, услышав это, вышел, помог бойцу подняться и оттащил его на лавку.

— Это не он,— с ухмылкой произнес Киселев.— Если бы ночью «отстрелялся», то сейчас бы не блевал.

— Да точно. А кому легче всех, тот, наверное, и освободил желудок на сапоги.

— А кстати, чьи это сапоги?—спросил старшина.— Мы все обутые?— Он посмотрел на комбата, но тот, тоже ничего вразумительного ответить не смог. Стали выяснять, чьи сапоги? Наверное, это лучшее занятие после тяжелого похмелья. После того, как одна пара оказалась явно женской, тридцать восьмого размера, старшина произнес самую важную за утро фразу:

— Давайте похмелимся. Сразу выясним, кто тут по ночам разувается,— он посмотрел на комбата, но тот резко отвернулся и, махнув рукой, ответил:

— Давай!

В двадцатилитровой канистре еще оставалось несколько литров, а сколько было, старшина так и не вспомнил. Никто не мог сосчитать, сколько же спирта они выпили. После первой, утренней дозы группа разведки разделилась на две части: Яшка и Колек тут же свалились, а Рыков и Воувка, наоборот, начали отходить. Комбат явно потяжелел. Он сидел за столом и, облокотившись на руку, дремал, а старшина куда то ушел, но потом вернулся с двумя бойцами. Они быстро навели порядок и помогли всем покинуть штаб; После того, как разведчики разошлись, сапоги странным образом исчезли.

Кто то отлеживался в землянке, кто то нашел приют в госпитале, поближе к спирту, а тех, кто снова охмелел до бессознательного состояния, отнесли в соседний сарай на сеновал. Но через час их там уже не было. Сами они оттуда ушли, или кто то унес их к себе, никто не знал.

На следующий день старшина как подорванный носился по поселку. Он пытался собрать прибывшее пополнение

и переписать их. Комбат ходил мрачный и в основном молчал. Отвечал лишь «да» или «нет». Остальные разведчики замаскировались. Их только что где то видели, но где, и куда они пошли, никто толком объяснить не мог. На самом деле все они спали в теплых землянках. Все солдаты это знали, но никто не выдавал их. Кроме замполита Симохи, разведчиков никто и не искал, а вскоре и замполит прекратил это бесполезное занятие.

Григорий проснулся к обеду. Ему стало хуже, когда он узнал, что уже два дня спит. Комбат попросил, чтобы ему принесли тарелку горячего супа. Солдат через силу поел и сразу почувствовал, как жизнь возвращается в его тело.

— Ты поспи,— приказывал ему капитан.— Торопиться некуда, так что давай сил набирайся. Я знаю, как оно, стакан целый в себя влить. Мы вон по чуть чуть, и то встать не могли, а ты, как положено— принял «дозу разведчика». Так что отдыхай.

«По чуть чуть канистру уболтали»,— подумал Григорий. Он вернулся на лавку, закрыл глаза и сразу уснул. После горячего супа сон пришел легкий, боль и тяжесть отступили, осталась лишь усталость. Душа немного скулила, напоминая о каком то шершавом страхе.

В штаб стали приходиться люди, они о чем то говорили и спорили. Гриша сквозь сон слышал низкий, хрипловатый голос комбата. Часа через два ему показалось, что он слышит голос Титовой. Гриша хотел встать, но голова вновь закружилась, а тело совсем не хотело подчиняться ему. Оно расплзлось по лавке и превратилось в «студень». Это слово особенно любил один из ротных, Иван. Он его часто повторял, после чего оно прилипло к нему и бойцы в шутку стали называть его Студень. Гриша чувствовал, что студень сейчас— это он. Там, на улице у штаба скомбатом спорила Титова, а он не мог встать. Неожиданно дверь открылась, и голоса комбата и лейтенанта Титовой громко зазвучали внутри.

— Да не ори ты, господи!— просил ее Киселев.

— Я обязана это сделать! Отдайте мне рацию, я должна ее проверить!

— Связь была слабой. Голос хрипел. Такую рацию больше нельзя брать в разведку.

— Да вон она, в мешке. Только не рация тебе нужна, а язнаю, зачем ты приперлась! Оставь пацана, ведьма! — комбат поднял из угла лежащий под лавкой вещмешок и протянул его Титовой. Девушка, увидев его, что то хотела сказать, но промолчала. Капитан заметил, как заслезились ее глаза, и сразу догадался — что то не так. Он посмотрел на вещмешок и увидел три пулевых отверстия. Три пули прошли рацию — она спасла молодого радиста.

Титова схватила вещмешок с рацией и, ничего не ответив, убежала из штаба.

— Тем более не разрешу будить, — ответил сам себе комбат. Он подошел к спящему Григорию, посмотрел на него и почему то вслух произнес:

— Верь, сынок, верь. Она тебя долго пугать будет, но если не сдашься, не возьмет.

Сквозь сон Григорий подумал:

«Это комбат о войне говорит», — Гриша еще не знал о пробитой рации, но в этой полудреме понял, что первый урок он выучил и выдержал. Оставалось вот так прожить совсем немного — до Победы. Каждый день помнить и противостоять ей.

Григорий проснулся ночью. Посмотрел на часы — два. Решил выйти из штаба и пройтись по свежему воздуху. Комбат храпел на широкой лавке. Он развалился на ней, широко раскинув ноги. Гриша увидел в темноте чайник. Он стоял на столе, рядом с кружками и порезанным хлебом. Увидев хлеб, Григорий почувствовал, что хочет есть. Нашел в углу свои вещи, сложенные на досках, взял банку тушенки и подошел к столу. Взяв чайник, сделал несколько глотков и, собрав со стола хлеб, вышел на улицу. Устроился на ящиках, поел и решил прогуляться. Увидев, как дымит полевая кухня, решил подойти к ней.

Повар Егор готовил кашу к завтраку. Он угостил Григория горячим чаем, рассказал о том, что происходило днем, покурил с ним и дальше продолжил свои дела. Гриша вер

нулся к штабу, полчаса сидел на ящиках, дышал свежим воздухом, но потом вернулся на свою лавку и лег спать.

Сон долго не приходил. Он думал о Титовой, о Тане, о комбате и его словах. Где то под утро, когда начало светать, он уснул. Через несколько часов комбат разбудил его. Около штаба уже толпились люди и о чем то говорили. Гриша встал и сразу пошел к кухне, поесть горячей каши, а когда вернулся, увидел в штабе двух совсем молодых ребят. Он по сравнению с ними был мужиком.

— Вот двух пиёнеров прислали — связисты, — объяснил Киселев. — В первую и во вторую роты. Ты теперь старший над ними. Объясни им, что и как, а я в штаб дивизии, к обе ду вернусь.

Гриша сел на лавку и, посмотрев на мальчишек, спросил:

— Как зовут то?

— Меня Федор, — ответил небольшой толстячок, скрасными, как у Мордожопина щеками.

— А я тоже Федор, — произнес второй, сухой мальчишка с большими карими глазами.

— Откуда вы такие?

— С учебки.

— С какой?

— Владимирской, — ответил толстяк.

— А, а я ташкентскую заканчивал. А где ж ты так отъелся?

— Это он от голода опух, — серьезно ответил второй Федор.

— Ну, извини. Есть хотите?

— Конечно, — хором ответили ребята.

— Тогда бегом к полевой кухне, там повар Егор, скажите, пополнение — я прислал.

Ребята сразу встали и быстро зашагали к кухне. Григорий лег на свою скамейку и решил обдумать, что же происходит с Титовой.

«Она откровенно за мной бегаёт, — вывел он. — Все уже поняли. Объяснить ей как то нужно. Но как? Сам схожу и попозже поговорю с ней».

Гриша решил все честно рассказать девушке, объяснить, что дружить они могут, но вот дальше он занят.

«Нужно убедить ее, чтобы она верила в жизнь, и тогда смерть отступит. Да, я так и сделаю: постараюсь откровенно поговорить с ней. Пусть она попробует как то изменить все то, что вокруг нее происходит. Сама ведь себя накручивает. Верит в то, чего нет. А может, и есть, может, у нее в душе пустота. Вдруг я как то проник в ее душу, что то там зацепил. У девчонки появилась надежда, а я сейчас приду и вежливо отошью ее. Нет, так нельзя, но поговорить все равно надо. Да и повод есть. Поведу молодых на инструктаж. Совсем пацаны сопливые. Наверно, приписали себе лишний год. Меня в семнадцать забрали, а им небось по шестнадцать только исполнилось».

В штаб вернулись молодые связисты. Григорий задал несколько вопросов и понял, что работа с ними предстоит серьезная, в учебке научились лишь пользоваться рацией и все. Он отвел их к старшине, показал на складе катушки, объяснил, как и что подключать, а после этого повел к командире взвода связи на инструктаж.

Лейтенант Титова сидела в землянке и отбивала радиogramму на ключе.

— Товарищ лейтенант, разрешите?

— Да, проходите. Я сейчас закончу,— она еще несколько минут продолжала отбивать «ти, ти, та», затем сняла наушники и, улыбнувшись, спросила:

— Зарацией пришел?

— Нет. А что с моей рацией?

Титова достала из ящика Гришину рацию и показала три дырки.

— Видишь, как очередь прошла? Взял бы немец чуть ниже— все, ранили бы в спину, или, как Сашку, в бок.

Увидев пробитую рацию, Гриша слегка растерялся.

«Ничего себе, повезло»,— подумал он.

— Там на улице пополнение — связисты. Я их на инструктаж привел,— дрожащим голосом произнес солдат.

— Понятно. А сам то как?

— Нормально.

Титова вышла из землянки и, увидев двух мальчишек, спросила:

— Это пополнение? Дети же совсем! Да, народ не только у Гитлера кончается.

— Ты о чем?— удивленно спросил Григорий.

— Воевать скоро некому будет. Мужиков побил. Детей уже призывают.

Григорий опустил голову. Он слышал эти разговоры не раз. Он и сам был призван в семнадцать, но ни разу никто не осмеливался вот так, вслух, говорить об этом. Да, действительно, не только немцы призывали в «гитлерюгенд» детей, но и у Красной армии было похожее состояние. Все знали и молчали. Старики, прошедшие по дорогам войны, без особого рвения шли в бой, хотели дожить до победы, а молодежь не думала об этом. Наверняка, у этих ребят кто то погиб в семье: отец, брат, а может, и все, кто были. Вот они и рвались на фронт, чтобы успеть отомстить, убить хоть одного фрица. Они сбегали из дома, приписывали года и даже сами брали в руки оружие там, где не мец был рядом. Ругать за это было как то неправильно. Как можно что то высказывать тому, кто потерял детство и остался один. Они уже умели выживать там, где свирепствовал голод, и знали цену жизни. Теперь они надели форму и ждали первого боя, чтобы насытить собственное чувство мести. Вот здесь в такие моменты должен быть кто то рядом. Он остановит, удержит, врежет в ухо, как это сделал старшина. Вот тогда на смену дикому героизму придет ум. Эти пацаны задумаются и поймут, что живые они нужнее. Не только потому, что смогут убить больше. Есть такая сила невидимая — она сохраняет тех, кто нужен этому миру. Иногда она проигрывает и смерть забирает лучших, но бывают случаи, когда война не может перешагнуть через ребенка, взявшего оружие и ставшего не по своей воле солдатом. Эти мальчишки становятся людьми. Именно им жить после войны и восстанавливать все разрушенное. Вот на таких ребятах, готовых идти в бой, и держится весь этот шаткий мир, в котором пока хозяйничает война.

— Ну что, задумался? Не можешь рацию забыть? — спросила Титова.

— Нет. Вот смотрю на них и думаю, что ждет их здесь? Вот этих ребят.

— Будут умными—выживут. Это если повезет. А если нет, они знали, куда идут.

— Да, знали. Я тоже знал и тоже рвался, но теперь думаю, что воевать нужно учить. Если солдат не обучен—он всего лишь мишень, а если он знает, как себя вести на поле боя—он воин—солдат.

— Михайлов, ты что, философ? Начитался чего то?

— Так, ребята, погуляйте немного, я с товарищем лейтенантом поговорить хочу.

Прибывшие связисты отдали честь и медленно пошли вдоль окопа, рассматривая его.

— Послушай, объясни мне одну вещь,—начал Гриша

— Что? Что ты хочешь услышать?

Григорий замаялся. Он почувствовал, что в таком тоне откровенного разговора не получится. Гриша достал табак, скрутил самокрутку и закурил.

— Ты можешь честно мне все в лицо сказать, или нет?

— Интересно, что именно ты хочешь узнать?

— Я для тебя что то значу?

— Гриш, не пытай ты меня. Не надо.

— Не хочешь говорить, как хочешь. Знай, девушка у меня есть.

— Я знаю.

— Что ты знаешь?

— Про Таню знаю. Она девчонка хорошая, только ей тоже не везет.

— Почему?

— Да сам знаешь, кто ей прохода не дает. Ревнует, угрожает, ужас!

— Ну, а она?

— А она с тобой хочет быть. Ночью мне рассказала. Я, если честно, сама иногда думаю, что мы родственницы. Так похожи, аж самой удивительно.

— И что ты тогда за мной бегаешь. Ей хочешь хуже сделать?

- Нет. У меня к тебе совсем другое.
- Что другое?
- Ну, ты, конечно, симпатичный, но тут другое. Ты изнутри сильный.
- С чего ты взяла?
- Я вижу часто, как мальчишки после первого боя и первой разведки прячутся от всех. Думают, что их страх никто не заметит. Но такое поведение само за себя говорит. А ты или на самом деле сильный, или дурак законченный.
- Чем же я так себя выдал? Если честно, мне было страшно в разведке, когда немец рядом ходил и стрелял.
- Ну вот, ты же выжил.
- А что, могло быть по другому?
- Могло. Одни сдаются, другие в бой лезут, а третьих вообще домой отправляют, в тыл. Люди с ума сходят.
- Значит, я молодец, сумел выстоять,— улыбнувшись, произнес Григорий.
- Вот именно, сумел. Я бы, если бы не она, тоже с тобой бы... Но, знаю, ты честный. И пусть у вас любовь тяжелая, тайная—я помогу. Ты такой... Мне кажется, что эта война вот таких и боится. А эта пробитая рация—знак. Она не может тебя взять. Если честно, я такого искала. Я верю в судьбу. Ты неделю на фронте, а уже и повоевал, и в разведку ходил. Все это не просто так. Танька молодец, что решилась и объяснилась. Ты смерть от кого хошь отгонишь.
- Ты хочешь, чтобы я тебе помог? — нахмурившись, спросил Григорий.
- Если захочешь, прибегу.
- А как же подруга?
- А как же война?
- Нельзя на это списывать.
- Наоборот. Начну ревновать к ней, в могилу загоню. Ведь бабы как, они злые и мысли знаешь какие?
- Ну, говори!
- Прости, если бы ее убили, ты бы смог со мной?
- Дура ты. Не подходи к ней! И башку свою прочисти!— закричал Гриша.— Была б ты мужиком, врезал бы сейчас!

— А ты врежь, Гриша, врежь! Прошу, дай мне, да так, чтобы я про все забыла,— со слезами закричала Лена.— Да только, сколько бабу ни бей, ничего не изменишь, если она любит по настоящему!

— А ты что, любишь?

— Нет. Если я влюбляюсь, сам знаешь, что этого чело века ждет.

— А ты не ври, скажи правду! Я смерти не боюсь и во йну с ее шутками презираю!

— Люблю.

— Ну что же делать? Я же не сволочь — какаянибудь. Как мне с двумя, да еще одинаковыми?

— Ты про меня забудь. Сам говоришь, честным надо быть. А если я тебя у подруги даже на вечер украду, снова все предаю, во что недавно поверила.

— Ты поверила в приметы войны?

— Да. Нельзя у подруги парня забирать, тем более мне.

— Ну и что ты думаешь?

— А ты не обращай на меня внимания. Я буду рядом улыбаться, а ты не обращай. Сможешь?

— Придется.

— Гриш, но если честно...

— Я устал от твоей честности. Все у тебя честно! Хочу— вот твоё честно! Даже если с Танькой что то случится — на меня не рассчитывай.

— Почему?

— На войне может быть только одна фронтовая подру га. Погибнет, я до конца войны больше ни с кем. Ее душа будет рядом со мной. Если надо, защитит, а если что, сп асет— подскажет— знак даст.

— Вот ты какой?

— Да.

Титовarezко повернулась и, закрыв ладонями лицо, убе жала в землянку. Гриша окликнул двух Федоров и с ними пошел к штабу.

— Михайлов,— услышал он голос ротного Вани.— По годь.

Старший лейтенант подбежал к нему, хотел что то спросить, но, увидев злое лицо солдата, передумал. Немного помялся, но потом вышел из положения и спросил:

— Какой связист наш? В первую роту кого пришлют?

— Федора, — ответил Григорий и, отдав честь, вернулся к ребятам и повел их в штаб.

Около штаба комбат и старшина построили прибывшее пополнение.

— Давай, своих ставь в строй, — крикнул Киселев. — Пионерский отряд еще не в сборе.

Два Федора встали в строй.

«Да, — подумал Григорий, — совсем дети. А я еще стеснялся, что молодой. А там что?»

Он прошел за строем к последним, обошел их и, увидев, удивился. В строю стояли четыре дряхлых деда и несколько мужиков. Они никак не вписывались в общий пионерский отряд.

— А эти откуда? — спросил он старшину.

— Два деда вроде с партизанского отряда, он вошел в нашу часть, а остальные из госпиталя.

— Так, солдаты! Вы попали в Отдельный Штурмовой батальон. Мы везде впереди: в атаке, в разведке и в общем наступлении, — громко произнес комбат. — Все разместились?

Солдаты загудели.

— Вопросы есть?

— Когда в бой пойдем? — крикнул кто то из молодых.

— Успеете еще навоеваться. Впереди город крепость Кенигсберг. Пока не возьмем его, не уйдем.

Пополнение вновь загудело.

— Сейчас мы ждем подхода основных сил. Командование понимает, что несколькими дивизиями город не взять. Поэтому скоро здесь сформируется мощный кулак. Почти весь Третий Белорусский фронт. Хочу сразу пояснить. На Берлин идут другие армии и фронты. Если мы силами фронта возьмем город, то приблизим нашу победу. Он ударит по Берлину. Нам, можно сказать, немного не повезло. Скорее всего, Берлин возьмут без нас. Наша задача — го

род крепости! Все, если у кого есть вопросы, обращайтесь или к старшине Савчуку, или ко мне. Я всех выслушаю. Есть вопросы?—громко спросил комбат.

Солдаты стали переговариваться, но никто ничего громко не спросил. Комбат немного подождал и скомандовал: «Разойдись».

— Если у кого портянки или обувь плохая, ко мне. Склад у того дома, в сарае,— крикнул старшина и показал пальцем на один из домов.

Бойцы быстро разошлись. Некоторые подошли к складу, двое худых мужчин направились к штабу. Они о чем то спросили комбата, и тот, размахивая руками, начал что то объяснять. Григорий подошел ближе и услышал разговор о разведке.

— Представляешь, Гринь — разведчики. После ранения к нам. Ты как относишься к этому?

— Так он же со связистами? — с удивлением спросил один из солдат.

— Михайлов у нас и связист и разведчик. Вы что, в разведку без рации ходили?

— С рацией,— ответил второй.— Но у нас специального радиста не было. В нашей группе все рацией пользоваться умели. Доложить и связаться каждый мог.

Комбат немного замялся, но тут же ответил:

— У нас тоже все с разведкой в порядке,— и спросил:— А что у вас, выбирали лучших?

— Да,— ответили оба солдата.

— Ну, вот он такой, а то иногда еще и связь тянет. Ясно?

— Так точно, товарищ капитан,— ответили солдаты.

— Все, идите, я решу, что с вами делать. Вы где приютились?

— В первой роте.

— Ну и хорошо. Доложите Ивану— ротному, что вы разведчики.

— Есть,— ответили бойцы и, развернувшись кругом, пошли в свою землянку.

К вечеру все поужинали, после этого старшина построил солдат. Комбат, чтобы никто не расхолаживался, стал говорить перед батальоном громким голосом:

— Если немца не видим, это не значит, что его нет. Он вон рядом стоит, ждет, силы набирает. Туда разрозненные части стекаются. Они могут и напасть неожиданно, а потом назад уйти. Всем ротным следить за караулами, часо вых менять вовремя, и если кого поймаю спящим—отдам под трибунал. «Боевые» пока выдавать не будем, всем готовиться к зиме—холодает с каждым днем.

— Здесь зимы теплые, как наша осень,—крикнул кто то из строя.

— Это хорошо, я тоже слышал, местные говорили среднюю температуру, но все равно, чтоб никто не болел, следите друг за другом и не стесняйтесь отправить товарища в санчасть. Или позовите медсестру Березкину, она решит, что делать.

— Что это он сегодня не в духе? — спросил Григория стоящий рядом Яшка.

— Нормально все. Надо поорать, чтобы бардака не было,— ответил ему рядовой Паров.

— Да какой там, удержишь! — вступил в разговор солдат сзади.— У немцев все погребавинищем забыты. Спроси шнапсу, сразу бутылку дают.

— А ты пей, но не напивайся,—ответил ему Яшка.

— Лучше не попадайся, а напиваться можно. Вот если застукают — попадет,— поправил его высокий парень из первого ряда.

Григорий еще не всех знал по именам. Он повоевал то совсем ничего, но его после разведки знали все. И иногда подходили, спрашивали, как настроение у комбата, где он и когда прибудет.

Со временем так получилось, что Григорий стал негласным адъютантом комбата. Он кого то вызывал, искал, докладывал, кто приходил, но главное, выполнял все, даже тайные просьбы командира: приносил спирт от старшины и ходил к местным жителям менять тушенку на чтонибудь вкусное и необычное.

Постепенно жизнь стала налаживаться. К холодам все немцы, живущие в поселке, знали солдат батальона, если не по именам, то в лица точно. Они сами потеснились и ос

вободили несколько домов. Штаб из сарая переехал в дом из четырех комнат, остальные бойцы так же переехали из землянок в дома. Взвод связисток перебрался к одинокой старушке, у которой сын был полковником СС. Григорий установил в одной из комнат нужную аппаратуру, все подключил и даже по своему расставил мебель: перетащил поближе кровать, а напротив двух мягких кресел поставил небольшой столик. В большой комнате на столе всегда лежала карта, и комбат с офицерами до поздней ночи засиживались над ней. Но иногда Киселев приходил в комнату Гриши и, удобно усевшись в кресле, отдыхал: пил чай и курил трофейные сигарки.

— Эх, если бы не война, остался бы здесь навсегда, — часто повторял он.

В пьянках командиров Гриша участвовал редко, он все время был в ожидании записки от Тани, но она редко вырывалась. До декабря пришла всего два раза в тот сарай, где раньше был их штаб. Гриша так и не смог разглядеть ее. А в последний раз не очень то и старался. Между ними ничего не происходило: разговоры и совместные мечтания о послевоенной жизни. На последнем свидании Таня все же решилась на легкий дружеский поцелуй, а Григорий мечтал вернуть именно ту — первую встречу.

Титова несколько раз пыталась с ним поговорить, но у нее ничего не получалось. Рядовой Михайлов сухо, не нарушая устава, отвечал на ее вопросы.

В начале декабря Киселеву присвоили майора. Это было грандиозное событие для всего батальона. Получить звание для бывшего штрафника дело сложное, но комдив Палыч все же сумел доказать, что он заслужил его.

10. Майор

На поселок выпал первый декабрьский снег. Он немного присыпал сухую листву, но холода за собой не принес. Бойцы батальона по прежнему ходили в шинелях и тело грейках, лишь часовые надевали на ночь тулупы.

Обмывать звание майора готовились все. Больше всех суетилась Березкина. Она, в большой комнате штаба, все убрала, помыла и с девчонками из взвода связи всю ночь готовила разные закуски и салаты. Повар Егор тоже не спал. Он по такому случаю варил «отменный борщ».

Утром старшина построил батальон. Все ждали Палыча. Комдив немного задержался, но все же приехал. Перед строем вручил Киселеву погоны и пожал ему руку. Кроме этого нескольким солдатам вручил медали и два ордена.

Первыми гуляли в штабе батальона офицеры. Связистки накрыли им такой стол, что комдив не выдержал и, ухмыляясь, произнес:

— Уважают тебя, вижу. Да, что там говорить, я и сам иногда вспоминаю былое. Правильный ты мужик, майор! — он еще раз пожал Киселеву руку и крепко, по братски обнял его.

Сначала пили трофейное вино, но потом решили, что нужно «по нашему» звездочки обмывать. Ротный Ваня сбегал к старшине и принес целую канистру спирта. Немецкие стаканчики исчезли, и на столе появились кружки. После этого звание обмывали, как положено.

Григорий в это время праздновал в другом доме. Обмывал орден «Красной звезды», врученный командиру разведгруппы Воувке белярусу. За комбата они тоже выпили. Стол у них был попроще. Сало, тушенка, хлеб и несколько трофейных банок: соленые грибы и рыбные консервы. Гуляли весело, с гармошкой. После отъезда Палыча гуляющие объединились. Те, кто обмывали медали и ордена, были приглашены к штабу. Огромный немецкий раскладной стол вынесли на улицу. К нему подставили еще два стола и лавки. Гармонист останавливался, когда производили тост и когда он сам выпивал, все остальное время старая рязанская гармошка звучала расстроенными звуками на весь поселок. Ничего, что гармонист знал лишь несколько мелодий. Он их играл одну за другой по нескольку раз, а частушки затянулись часа на полтора. Каждый хотел выйти в круг, спеть свой куплет про Гитлера, про войну и сплясать вприсядочку. Немцы стояли у домов и смеялись

над солдатами. В этот день бойцы пили много, но не пьянели. У людей в глазах была радость и счастье. Все знали, что война скоро кончится, осталось совсем немного — взять город Кенигсберг. Но какой ценой? В этот день об этом не думали — все пили, пели и плясали.

К вечеру гуляние на улице закончилось. Вспомнили о поваре Егоре и все же решили попробовать его борщ. Он так старался, всех уговаривал попробовать, но днем было не до него, а к вечеру голод напомнил о себе, и тут весь батальон почувствовал, что праздник не кончился. Борщ получился хороший, как его все называли — отменный. Егор не пожалел мяса и приготовил его, как когда то делал это в офицерской столовой, где он служил до войны. Вот, тоже странная судьба у человека. До войны был в стрелковом полку, попал в резерв и лишь в сорок третьем все же напросился на фронт. Вроде и повоювать хотел, но до передовой не доходил, оставался где то в стороне. Он понимал, что еда для солдата главное, никогда не жалел дать лишнюю пайку и не заставлял себя ждать — готовил вовремя. И его желание пострелять и кого то убить оставалось лишь мечтой, хотя линия фронта была рядом. Этого маленького толстячка любили. Он был, как медвежонок, неуклюжий и косолапый, ходил вразвалочку и всегда слушал фронтовые истории. Его глаза горели, а солдаты за лишней черпак каши плели ему такое, что бывалые бойцы просто уходили, чтобы не смеяться. Егор кормил героев, а когда узнавал, что ему наврали, хмурил пышные брови и иногда мог подшутить, крикнуть:

— Пропустите «Героя Советского Союза»! — и тот выдумщик, что вчера безбожно врал, был у всех на виду. Его со смехом пропускали, и просили дать две пайки, так как он — «герой» должен совершить сегодня подвиг, а для этого нужно хорошо поесть.

Со временем смеяться и обманывать Егора перестали, ему стало скучно, и он сам просил солдат, особенно тех, кто недавно прибыл, рассказать ему за банку тушенки какуюнибудь боевую историю. Молодые ребята за такое вознаграждение сочиняли ему что то несуразное. Егор понимал,

что они врут, но всегда поддакивал и особых врунов подкармливал, чтобы они могли ему сочинять что то новое. Был один солдат Будин, он, как оказалось, вообще не воювал, причем он сам об этом сказал. Он прибыл из летного училища — списали из за зрения, но его рассказы слушали все. Парень этот перечитывал все газеты, какие приходили в батальон. Лучше любого замполита мог рассказать, что творилось под Сталинградом, под Москвой, как освободили Смоленск и другие города. Все его любили и внимательно слушали. Замполит батальона даже вызывал его для проведения политинформаций, но однажды все закончилось плохо. Будин, раскритиковав действия Красной армии, сказал, что из за нечетких действий командования во время переправы через реку Березину погибло много наших солдат. Переправились и попали под обстрел своих. После этого солдата вызвали в штаб. Будин оправдывался, говорил, что прочитал об этом в газете и виновных отдали под трибунал, но замполит понял все по другому. Сначала он отстранил его от себя, а потом, вспомнил о написанном когда то рапорте о переводе его в летную часть техником. Будина перевели. Больше всех переживал Егор. У Будина был талант рассказчика. Он умело акцентировал сражение и с сожалением говорил о потерях.

Григорий тоже умел врать, но всегда сам себя ловил за язык. Пьяного его иногда уносило в страну фантазий, и после каждого застолья, по утрам, он спрашивал тех, кто ничего не помнил, о чем же он говорил — не ляпнул ли чего лишнего? Бойцы пожимали плечами и улыбались в ответ. Даже если кто то и помнил о его вранье, делал вид, что ничего не знает.

Однажды кашевар все же добился от Григория рассказа о разведке: о том, как они ходили к внешнему рубежу немецкой обороны Кенигсберга. Гриша, слегка подвыпив, так красочно раскрыл ему душу, что повар прослезился. Он не стеснялся говорить о страхе, о войне и о том, как сумел выстоять. Как трясся под кустом и том, как видел злых немцев в нескольких метрах от себя. Егор заужавал его совсем по другому. После того, как Гриша попал в разведгруппу,

он и так стал избранным, но после подробного рассказа — героем. Егор не подшучивал над ним. Он до этого слышал о пробитой рации и сам в то утро встречал разведчиков. В день, когда весь батальон гулял, обмывая новое звание комбата и награды солдат, Егор, раздавая «отменный борщ», выловил для него в котле большой кусок мяса. Кто то из солдат стал подшучивать, но его тут же осекли. Григория уважали за то, что он не просто помогал и заступался за бойцов, но и был действительно воевавшим человеком. Многие из пополнения не знали об этом и из за молодости могли сказать чего нибудь обидное — штабной, подхалим, но когда узнавали — извинялись. Гриша не обращал на это внимания, он знал, что такое смех и шутки на войне: как они спасают и вытаскивают из крошечного ада. Все это он видел на той первой своей высоте во время боя.

— Да пусть смеются, жалко, что ли, — отвечал он. А иногда говорил: — Раз смеются — значит, живые.

В день, когда Киселев стал майором, он, как и все, пил и плясал. А когда комбат ушел в штаб, застолье продолжилось в комнате связи лишь с теми, кого он сам позвал. Многие хотели присоединиться: приходили, приносили что то особенное — вкусное, но комбат так, по дружески, отправлял офицеров проверить посты, следить, чтобы никто не подрался. Он никого не обидел и не намекнул, что здесь остаются лишь близкие ему люди. Так он захотел, и оно как бы само собой получилось.

К двенадцати ночи за столиком сидели: старшина, Григорий, Воувка белярус, Сашка, сбежавший из госпиталя, и Яшка. Позже подошел ротный Ваня. Остальные командиры утихомиривали личный состав. Но бойцы не могли так просто угомониться. Устроили салют — расстреляли все ракетницы и позже подожгли сарай.

Те, кто собрался в штабе, на небольшом столике разложили закуску и поставили кружки. Можно было принести что нибудь трофейное, но все отказались, даже от американских консервов «Рузвельт» — так их прозвали. На столе была лишь родная русская закуска. Сало, хлеб, тушенка. Пили только спирт. Кто хотел разбавить его или запить —

делали это простой водой. Эксперимент с подкрашиванием спирта немецким джемом прошел неудачно — болели разведчики долго, да потом еще чесались неделю. Сказали, что одно с другим в принципе несовместимо.

Шум и гам праздника постепенно угасли, наступила тихая спокойная ночь. Конечно, в домах солдаты продолжали выпивать, вспоминать войну и довоенные годы, но никто не орал на весь поселок, не салютовал и не искал несчастного гармониста. Его, доведенного до состояния полного опьянения, спрятали девчонки радистки. Они привели его, пока он еще мог перебирать ноги, уложили на диван, где гармонист Олег сразу и уснул. Душа веселая—гармонь—умолкла. Вскоре скучающие бойцы ушли спать. Те, кто продолжал, делали это тихо, чтобы не мешать остальным.

В штабе все происходило так же тихо. Никто не шумел, все сидели и выпивали, изредка вспоминая прошедшие бои и погибших товарищей. Воувка долго рассказывал о белорусских лесах, о партизанах и о том, как немцы сжигали целые деревни.

— Вот мы сюда пришли? — спрашивал он, — никого не тронули. А ведь могли, имели право. В других частях дают солдатам «время», как победителям.

— Да, дают. Они грабят, а замполит и остальные в блок нотик записывают, кто и как это делает. А потом спрашивают, почему ты разграбил дом? Зачем тебе то, что ты отнял? И так далее...

— Конечно, сволочей хватает. Но люди то — они ни при чем, — продолжил командир разведотряда.

— Не уверен я в этом, — возразил старшина. — Вон они сейчас Гитлера ругают, а если бы он взял Москву? Все они пять лет назад руку вверх тянули. Избранная нация. А сейчас ходят несчастные, обидели мы их. Мою мать и сестру сожгли заживо. Они в чем провинились? В том, что их сын солдат? Нет, они нас уничтожить хотели, а мы жалеем их, перевоспитываем.

— Не переживай, Савчук, — произнес комбат. Он сидел в кресле и долго держал в руке кружку со спиртом, никак

не мог его выпить. Может, устал, а может, вспомнил, что то такое, что скрутило все его внутренности. Пропихнуть в себя победные над этим миром сто грамм он не мог.

— Ты думаешь, они понимают, кто к ним пришел? — спросил его комбат.

— А кто к ним пришел? Советский солдат освободитель, — ответил старшина.

— Нет. Солдат скоро уйдет, и на эту землю придут другие люди. Они вспомнят всех, кто служил и сочувствовал фашизму. Нам этого не надо, а те, что придут — свою работу выполнят. Лагеря пополнятся бывшими ветеранами СС, учителями, преподававшими идеи Третьего рейха, и остальными немцами. Многих посадят только за то, что они, как ты сам сказал — избранные. Хлебнут они и без нас горя. Кроме наших придут «свои», кого Гитлер не успел уничтожить: антифашисты и коммунисты Германии. Они тоже немцы и мстить умеют. Так что не нам судить этих людей и их детей. За свой грех они понесут плату. Боюсь, долго им придется рассчитывать.

— Комбат, ты чо, немцев пожалел? — спросил Яшка.

— Нет. Мне немцев не жалко. Я даже ненавижу их — сверхлюдей. Хрен с ними — один большой бредятину про изнес — понятно шизик, а остальные то поверили, поддержали. Что, весь народ идиоты? Гитлер не совершал революцию, силой страну не захватывал. Сами его выбрали — теперь страдают.

— Нет, тебе явно их жалко? — продолжил Яшка. Он прошел с комбатом не одну версту вместе, дважды возвращался после ранения и мог позволить в кругу друзей говорить так, как думает.

— Яша Яша. Ты ж в деревне рос? Неужели не видел, что вокруг происходит?

— Почему, видел. Ну да, нескольких, конечно, зря раскулачили и сослали. Мужики горбом своим все это заработали, а их в кулаки, но были и гады. Белякам помогали, хлеб прятали.

— Вот видишь, а раньше все жили дружно. Работали и не думали, что их сделают врагами народа. А сейчас: се

годня герой — завтра враг. За что? Не так подумал? Ска зал? Спросил? Нет. Все должны молчать, им виднее, как нам жить.

— Ладно, хватит об этом,— вступил в беседу раненый Сашка. Все равно ничего изменить не сможем. Будем жить со своими думами, и говорить «да». Комбат, ты лучше спой. Там ребята тебе гитару приготовили. Специально за казывали узнать, где гитара есть, и у танкистов нашли. Вы меняли почестному.

Яшка встал с места и через минуту принес покрытую черным лаком гитару.

— Ну, спасибо друзья. Ой, порадовали,— улыбаясь, произнес Киселев. Он взял инструмент в руки и стал на страивать его.— А звук какой хороший!

— А то, нам еще одну предлагали, но когда мы по ней побрякали— эта красивши зазвенела,— добавил Санек.

— Эх, странно, почему без меня подарок выбирали?— подумал Григорий и, вспомнив обещание, что среди своих молчать нельзя— все, что на душе, выкладывай— спросил:— А чё меня то не позвали?

— Гринь, да ты не злись. Мы и сами не знали. Так, по просили узнать, у кого в части гитара есть, а тут раз и под вернулась. Яшка вспомнил: комбат на гитаре хорошие пес ни знает, ну и предложил. Мы и не надеялись, а тут почтарь говорит: у танкистов аж две штуки. Ну, мы сразу туда, где бы мы тебя искать стали? Сами сбежали.

— Ну, ладно,— согласился Григорий.

— Дане, ты не думай! Это жот всех нас и от тебя тоже,— добавил Яша.

— Спасибо, друзья, душевно получилось,— снова улы баясь, произнес Киселев. Он настроил гитару и взял пер вый аккорд.

— Катюшу!— выкрикнул Гриша.

— Ты эти песни там, в строю будешь петь, а час сиди и слушай,— наклонившись, прошептал ему старшина.

Майор Киселев перебирал струны, и комната напол нялась не просто красивыми звуками — чем то большим, приятным— ласкающим слух и душу. Оно нежно проника

ло в солдат и навевало воспоминания. Григорий посмотрел в лица друзей и понял, что каждый видит свое — родное — известное только ему. Эта картинка из прошлого в обычные дни спрятана глубоко в душе, и лишь изредка, в особой обстановке доходит до сознания, согревает и рождает надежду, что в этом мире не все так плохо.

Перебор закончился, комбат посмотрел на друзей и про изнес:

— Вот одна песня, ее мало кто слышал.

— Давай комбат, давай, зацепи... — попросил Воувка. Старшина посмотрел на него почти плачущим взглядом. Воувка заметил это. Обнял одной рукой за плечи сидящего рядом Савчука, а в это время зазвучала песня:

*Война танцует вальс смертельный
На безымянной высоте.
Вокруг свистят шальные пули,
А я как будто бы во сне.
Я вижу дом, родные сны,
Как мать тоскует у окна,
И фотография любимой
Хранит тихонько от врага.*

После куплета комбат сделал небольшую паузу, и Григорий заметил, как все затаили дыхание. Киселев взял нотный аккорд припева и откуда то с неба, красивым голосом запел:

*Ой, вы камушки мои,
Ой, вы птицы в облаках,
Ой, песочек у реки,
Да твои цветы в полях.
Ой, ты кружка молока —
Обжигаеть словно спирт.
Я вернусь наверняка,
Ты немного подожди.
Слезинка со щеки упала,
И закружились небеса,*

*— Вернись, солдат,— ты мне сказала,
Взглянув в мальчишечьи глаза.
А здесь дрожит земля родная,
Смеется гордый пулемет,
А я, как прежде, вспоминаю,
Ту девочку, что так солдата ждет.*

Последнюю фразу он затянул и сыграл особенным перебором. Сделал проигрыш и уже взял новый аккорд, как вдруг в штаб ворвался замполит и заорал:

— Бойцы подожгли сарай! Огонь может перекинуться на дома!

— Твою мать! — выругался старшина. Он тут же вскочил и побежал поднимать людей. Ротный Ваня все это время молчал, но тут громовым голосом спросил:

— Мои небось? Гады! — он выбежал из штаба и побежал в расположение роты. Комбат поставил гитару у стены, посмотрел на нее, хотел сказать что-то такое — сильное, но промолчал. Лишь заскрипел зубами. Схватил планшет и вышел за остальными на улицу.

Сарай горел красиво: пламя поднималось высоко в небо. Из него вырывались маленькие звездочки искры и улетали еще выше. Солдаты встали в две цепи к колонке сводой. По одной передавали пустые ведра, по другой полные. У дома три человека по очереди лили воду в огонь, но все попытки залить такое пламя оказались бесполезными. Огромный костер пылал и не обращал внимания на воду — он словно проглатывал ее.

— Что там, в сарае, было? — спросил старшину комбат.

— Сено.

— Ну, тогда прогорит быстро. Распорядись, чтобы на соседние дома, на крыши, залезли бойцы с ведрами воды. Если искры долетят — пусть сразу тушат, не дают им разгораться.

— Есть, — ответил старшина и побежал к солдатам.

Киселев посмотрел на стоящих у домов немцев. Они смотрели на огонь, но ни один из них не побежал помогать солдатам Красной армии.

— Что, испугались? Радуйтесь, что боя в поселке не было. А то б узнали, почему табачок у нас,—увидев их, проговорил вслух комбат. Он подошел к колонке и громко произнес:

— Хватит бегать! Пусть горит!

Солдаты в недоумении остановились и стали смотреть на майора.

— Ну, что уставились? На дома лезьте с ведрами. Искры тушите!

Бойцы разбежались и стали подавать ведра тем, кто сумел забраться на крышу.

Григорий, как и все, сначала подавал ведра в цепи, затем носил их к одному из домов. К утру сарай догорел. Бойцы залили водой рухнувшие обугленные бревна и разошлись по своим местам дислокации. Комбат с Григорием вернулись в штаб, а старшина и разведчики больше не пришли. Киселев сам отправил всех спать. Он понимал, что пожар все протрезвил и отнял на тушение много сил.

Утро началось с криков замполита Симохи. Он предупредил Киселева, что кто-то уже настучал куда надо. Не выспавшись, комбат рычал как тигр. Он приказал привести к нему поджигателей, но их, как обычно, нашли не сразу. Комбат вызвал ротных и остальных офицеров, а также немцев, чей сарай сожгли. Ротные и командиры взводов ничего не узнали. Все как один отвечали: «Был пьян, не помню. Очухался, когда уже все горело». Но дряхлая бабуля — немка четко ткнула пальцем в троих бойцов второй роты. За что услышала: «фашистка», «эсесовская морда», — и что самое странное для ее годов: «гитлеровская подстилка». Комбат приказал быстро организовать гауптвахту и приказал посадить туда провинившихся.

Батальонной тюрьмой стал погреб с каменной лестницей. Через час приехали штабные офицеры. Они так рьяно начали проводить следствие, что, не успев доехать до штаба, выскочили из машины и накинулись на солдат. Но те были четко проинструктированы и отвечали, что находились во время пожара в карауле. Это только потом, на

обратной дороге, офицеры спохватились. Получалось, что в эту ночь почти весь батальон был в карауле. Конечно, они бы догадались раньше, но комбат их обломал. Он сразу от ветил, что виновные найдены и находятся под арестом. Офицеры посмотрели на «губу», на двух часовых, дежурного офицера и уехали. Это просто спасло всех, потому что «тюрьма» оказалась не просто погребом, а винным хранилищем. Этого никто не проверил. Хозяйка сказала, что другого выхода нет, и этого оказалось достаточно. Штабная машина не успела уехать, подъезжала к роще, как из подвала стали доноситься голоса. Поджигатели горлопаны, после вчерашнего, набрались по новой и запели песни. Затем они упрашивали часового, чтобы он арестовал баяниста и остальных собутыльников. Арестовывать никого не стали, но к заключенным под стражу пустили некоторых—особо приближенных.

Сначала комбат разозлился, но когда увидел арестантов, не смог сдержать смех. Помогло то, что среди них явно выделялся качающийся Яшка.

— А тебя за каким хреном суда занесло?—спросил его майор.—Ты же с нами был?

На это Яшка ничего не ответил, лишь попытался четко выполнить воинское приветствие. Это действие у него не очень получилось. Разведчик закачался, но не упал, его поймали стоящие рядом бойцы.

— Так, всё,— не выдержав, командовал Киселев.— Подвал опечатать и всем спать. Завтра чтобы все как огурцы были!—он вернулся в штаб и долго ходил вокруг стола. Словно грозовая туча, майор выглядывал из дома и срывался на каждого, кто шел мимо. Через полчаса в поселке стало пусто. Одинокие немки что то носили друг к другу, а весь батальон удачно маскировался в домах.

Вечером комбат предложил Грише выпить—видно, перенервничал. Для него живая война была лучше любого отдыха. Он и его батальон в это время были одним организмом, а вот такие длительные передышки расхолаживали, превращали единое, сбитое целое в разбросанную кашу. У бойцов вылезали наружу их худшие качества.

Киселев вскрыл подвал и, взяв несколько бутылок вина, вернулся в комнату к Григорию. Всю ночь они пили благородные вина, несколько раз думали: а не разбавить ли его «по нашему» — спиртом, но комбат решил утром навести порядок в батальоне, и сильно напиться не хотел. Он быстро успокоился после того, как взял гитару в руки. До рассвета пел романсы и неизвестные песни. Гриша пытался уговорить его спеть «Про камушки», но он ответил, что для такой песни нужно соответствующее состояние.

Утром мрачный старшина построил батальон. Все ждали, что Киселев начнет орать, угрожать, а он — молча — по смотрел в лица тех, с кем ему предстояло идти на город крепость, и, ничего не сказав, ушел.

Этот поступок был психологически сильнее, чем любая ругань и угрозы. Поджигателям навалили «за борзость» по своему те, кто уважал этого человека и знал, на что он способен.

Через неделю в штабе обо всем узнали: и о мнимых караулах, и о пьяных и отпущенных из под ареста поджигателях, и о том, как батальон два дня поголовно был пьян. Киселева и замполита неделю каждый день вызывали к комдиву. В результате прислали нового замполита, старшего лейтенанта Суворова. Крепкого, сорока пяти лет мужчину, с квадратным подбородком и черными, все время злыми, глазами.

Единственными, кто оставался ни при чем, оказался взвод радисток. Титова в первый же день гуляний попросила поставить двух часовых, чтобы пьяные кавалеры не ломались к ним. Часовые тоже набрались, но обязанности свои выполнили: матерились на всех желающих. Ротный Ваня знал, кого ставить — бывалых ветеранов. Они два дня разгоняли сопливаю, влюбленную молодежь. А в это время девчонки гуляли: закрылись и, слушая патефон, пили исключительно белое вино.

Записку в эти дни Таня так и не прислала. Григорий часто вспоминал о ней и даже хотел сходить к Титовой, но передумал.

Через пару дней поселок превратился в шумный базар. Разные части подходили, накапливая силы для удара. В по

селке гуляли танкисты, летчики и бойцы пехотного полка. Местные жители сначала всех встречали, но уже через три дня старались без надобности не выходить на улицу. Григорий продолжал жить в штабе. Монотонные дни стали изматывать, и он, чтобы не скучать и не отвлекать комбата, стал уходить в дом к разведчикам. В этом небольшом зеленом домике кроме них находилось еще два взвода. Вокруг печи сделали лежанки, именно на них в занятых домах протекала жизнь батальона. От построения до построения ничего не происходило. После двухдневного запоя пьяных на улице никто не видел. Через неделю некоторые стали выпивать, но в меру, и делали это так, чтобы офицеры их не поймали.

Сменив обстановку, Григорий услышал совсем другие разговоры. Порой речь заходила и о Верховном Главкомандующем — солдаты верили в Сталина, ложились спать и просыпались с этим именем. Его подвиг действительно был виден всем. Отстоять Москву и теперь гнать немца, да так, что весь мир трясся. Возможно, Сталин был каким-то источником силы для бойцов. То, что он грузин, даже не обсуждалось. Всех, кого хватили и арестовывали, считали врагами, и у солдат были конкретные доводы верить в это.

— Вот я, — говорил рядовой Комов. — Я спокойно живу. Я не учился в академиях, четыре класса образования, я не знаю всех хитростей. Но если я ничего не сделал, ни о ком плохо не говорил, верил в Победу, так я до сих пор воюю. Никто меня не вызывал и не допрашивал. А если сидит какой-нибудь умник и рассуждает, почему мы в сорок первом отступали и что «враги народа» вовсе не враги, кто он такой? Пришел бы в партийную организацию и доказал, что он прав. Так нет, сам боится прийти, высказаться, только языком «на ушко» болтать мастер.

Многие в батальоне вообще считали, что за любое преступление можно заплатить и исправиться. Они видели солдат из штрафбата и лагерей. Эти люди взяли оружие и доказали любовь к Родине. Даже для них Сталин был не просто идеалом — он был олицетворением стойкости и мужества, человеческой силы и, главное, веры в свой народ.

Русский народ и он были единым целым, имеющим свою броню и мощь. Никто не допускал мысли, что он делает что то неправильно. А все обиды и гонения списывались на его помощников, о действиях которых он и не знал. А если бы знал, то не допустил бы этого. Люди верили, что справедливость его оружие. Кто мог подумать, что Сталин был совсем другой: не Бог, не Идол, а человек, использо вавший свою власть против своего народа. Но там, где гу ляла смерть, он стал частью каждого бойца, и никто не мог вырвать его имя из мужественного сердца Красной армии.

Приходили местные священники, но их не слушали. То, что было написано на пряжках немцев: «Бог с нами», пере черкивало все доброе, что несла людям вера. А немецкий «Железный крест» воспринимался как знак дьявольской кровожадности.

Возможно, в этом мире есть Божественная сила, и она не стерпела такого осквернения своих символов, только бойцы Красной армии не знали этого, они побеждали зло, не зная, что шагают под знаменами чего то похожего.

Однажды Григорий увидел у деда партизана икону— маленькую дощечку—ладанку с изображением Богороди цы. Дед заметил, как Григорий посмотрел на нее, и однаж ды вечером сунул ее радисту в карман. Гриша дернулся, схватил иконку, но вернуть ее обратно не смог. Дед посмо трел мальчишке в глаза и молча ушел. В тот день с рядо вым Михайловым что то происходило. Он чувствовал, как внутри все болит и давит, и не знал, как ему избавиться от этой муки. «Я комсомолец и не должен реагировать на какой то там религиозный бред»,—думал он, но душа кри чала о своем и заставляла спорить с собственными мысля ми. Для него богами были Ленин и его соратник Сталин. Икона в кармане—предательство по отношению ко всему, что его окружало: людям, солдатам и вождю. Да он не имел права предавать страну, но и выкинуть икону не мог. Она грела его душу, и он чувствовал это тепло.

«Как может эта женщина с младенцем быть злом?»— спрашивал себя радист, но идеология давила и пугала рас правой.

Однажды в выходной старшина устроил всем баню и после этого выделил по сто грамм. В этот же вечер Гриша получил записку. Он сорвался с места, никого не предупредив. Таняждала его в темном сарае. Он, задыхаясь, влетел туда и с какой-то легкостью произнес:

— Отдай ее Титовой. Вы ведь подруги.

Девушка не увидела сразу, что именно нужно передать лейтенанту. Она убрала ладанку в карман и прижала к себе испуганного бойца. В этот вечер они не произнесли ни слова—целовались и не могли остановиться—надышаться друг другом. Где-то в самом разгаре поцелуев Таня оттолкнула его и, шепнув: «Все», убежала из сарая. Григорий еще минуту приходил в себя, а когда понял, что девушка покинула его, выскочил из сарая и грустный вернулся в штаб.

Комбат посмотрел на радиста и не стал спрашивать, где он был. Гриша полчаса сидел в кресле, пытаясь понять, что произошло. Поведение Тани было странным, непонятным и необъяснимым. Чтобы развеяться, он решил сходить в дом к разведчикам.

Старый дед партизан, попивая из кружки кипятков, рассказывал соплякам сказку о двух демонах. Они не могли поделить кровь одной женщины. Каждый хотел осушить ее и не оставить капли другому. Они дрались, как богатыри, на мечах всю ночь, но никто из них не смог победить и убить эту девушку. Дед рассказывал эту историю так, как будто он сам все это видел. Придраться политработникам было не к чему: богатыри, луки, стрелы, разломанные щиты и копья, но половина из тех, кто его слушал, понимали, о чем он говорит на самом деле. Тот, второй демон, что побеждал в сражении, все время наносил женщине раны, пытаясь из них выпить ее святую кровь, но жадность другого не давала ему покоя. Он метался, решая, как поступить: добить врага или насладиться кровью. Кончилась сказка тем, что раненая женщина просто ушла, а демоны, потеряв все силы, могущество, волшебство в схватке, ослабли и ничего не смогли ей сделать. Она ушла, а они остались. Каждый сумел причинить ей много боли, но убить не смог.

Кто то из бойцов не выдержал и сгоряча выкрикнул:

— Вот гады! Я бы гранатами забросал!

— Они нашли вечную муку—это страшнее, чем смерть.

Никто не знает, что там, в другом мире, но если кто то живет и помнит— это очень тяжелая кара. Без прощения и искупления нет жизни ни в каком, даже самом сказочном мире,—ответил дед.

Лейтенант Милин — кудрявый политрук роты молчал. Он все прекрасно понял, хоть и был молод. Ходил в кандидатах в КПСС, а молчал потому, что негласно от самого Сталина пришло указание разрешать разговоры о религии и не арестовывать приезжающих священников. У этого худого среднего роста паренька висело на кончике языка спросить: «Это не Сталина ли ты в демоны записал? А женщина—это наша Родина?»—но он понимал, что дед отнекается, а он, выдав такое сравнение, сам пострадает. В его сознании, воспитанном в комсомольской организации фабрики по пошиву легкой одежды города Пскова, не укладывалось все то, о чем рассказывал старик, и дед видел это. Он смотрел ему в глаза и продолжал свою сказку.

Победить в этой внутренней дуэли лейтенант не смог, он выскочил из дома и, сев на крыльцо, закурил.

— Раньше люди не сомневались! А как начали лагерных да политических прощать, началось!—не выдержав, произнес он вслух.

Григорий улыбался — он видел, как дед размазал его, а остальные сделали вид, что не поняли, в чем дело. Кто то усмехнулся, некоторые отвернулись и молча легли спать, но нашелся один малец, и он, не понимая, что делает, со злости произнес:

— Гитлер это точно демон!

Кто то засмеялся, а дед спросил:

— Второй, по твоему, кто?

— Не, я не про сказку. Я про Гитлера. Он же не человек. Тутодного застрелишь—немца, так крутит, ломает, рвет—харчами кидаешься—думаешь, подохнешь. А он, сколько смертей на себя взял и еще на что то надеется?

Конечно, победить силу и могущество Верховного какой то сказкой было невозможно, но маленькую трещину в его основе — в Великой лжи—дед партизан сделал.

Вождь оставался идеалом — Богом. Его фотографии воспринимались как нечто неприкосновенное, но уже были люди, разглядевшие его суть.

Перевоспитать малограмотных рабочих и крестьян, взявших винтовки, было невозможно. Они видели в Сталине не просто власть, он был их защитой и покровителем, а все, кто говорил против—врагами. И эти самые «враги» с каждым днем говорили все громче и громче. Они надеялись, что народ, победивший в войне, не простит террора против себя. Эти люди не знали, что накопленная за годы войны сила Вождя обрушится и найдет каждого, кто сумел увидеть истину.

Через парудней приехал Палыч. Он долго разговаривал с Киселевым, а после ужина уехал. Они выпили немного, все осталось на столе, и майор позвал Григория продолжить застолье. Адъютант держал на такой случай фляжку спирта. Ее регулярно пополнял старшина и каждый раз радовался, что комбат смог расслабиться.

Ночью, слушая гитару и песни командира, Григорий решил и спросил:

— Товарищ майор, что происходит? Мы идем в атаку с именем Сталина, слушаем его, верим, но что то за всем этим кроется плохое, а что именно, не пойму?

— Эх, Гриша, не знаю, хорошо это или плохо, что ты задумался над нашей жизнью, но все можно объяснить просто. Вот представь, что ты пастух в своей деревне. У тебя коровы: все добрые, молоко дают, мычат, тебя любят. Ты каждый день их на пастбище водишь, некоторых плеткой погоняешь, чтоб не отставали— вот примерно то же самое и в стране творится.

— Что именно?— не понимая, спросил Гриша.

— Ходим мы как стадо, куда нам говорят, и делаем толь что то, что можно, а говорить вообще нельзя. Представь, что одна корова по человечески заговорила, ты ее плеткой, а она тебе— «За что?» Ты, конечно, испугаешься— говоря

щая корова—такого не бывает, а она назло говорит: «За чем ты меня бьешь, я же молоко отдаю? Сам все делаешь неправильно: ведешь нас на поле, но соседнее лучше, трава сочнее. Ты же ее не ешь, поэтому и не знаешь, а нам виднее—веди нас туда». А ты ей: «Я лучше знаю, молчи! Это поле чужое! Там только племенные коровы пасутся!» Начинаешь бояться этой коровы. Вдруг она остальных научит, и все стадо убежит от тебя? Ты, чтобы спасти стадо, убьешь ее—скажешь, бес в нее вселился, и станешь дальше своих молчаливых коровок, которые только и умеют мычать под твою дудку, гонять туда, куда сочтешь нужным. Вот так и люди. Заговорил—приговорил себя. А слуги пастуха на каждом шагу. Они и сами могут Сталина грязью обливать, а потом вызовут и спросят, почему ты поддакивал.

— Так как же разобраться во всем этом?

— Это невозможно! Не дадут разобраться! Сталин — трус. Он боится каждого солдата и в каждом видит предателя—врага—«говорящую корову». Если все поймут, кто он — его казнят страшно и безжалостно, и он боится собственного разоблачения, перекрывает все это жестокостью. Террор может по-разному называться: порядок, дисциплина, идеи партии, но на самом деле все это болячка—рана нашей Родины. За Родину мы с тобой воюем, за тех, кто нас ждет, за родные места. А они пусть думают, что мы им верим. Я бы мог тебе рассказать, как до войны Сталин с Гитлером парады устраивали, договаривались, а фюрер понял сразу: если он не уничтожит Сталина, то сам погибнет. Ведь они, как волки одной крови, готовые всем глотки перегрызть.

— Но почему же он трус? В сорок первом не сбежал из Москвы?

— Наполеон был в Москве, но победить Россию не смог. Сталин знал с самого начала, понимал, что в его руках сила великого народа и какой-то шизофреник Гитлер никогда не сможет победить нас. Конечно, наверное, его за слуга есть—в какой-то момент он смог навести порядок—запугать. Может быть, это сработало и разбудило русского солдата, а может и нет—люди сами поняли, что серьезно

даться надо. Но ты меня не слушай. А если хочешь понять эту систему — иди после войны в политическое училище. Если хоть одну жизнь после войны спасешь — считай, не зря учился. Честные люди везде честные. Есть только одна правда — жизнь. Если ты приговорил человека — убил его — все это ради зла. А если спас — значит, победил зло.

— Но мы здесь убиваем людей?

— Это другое — война. А я тебе о мирной жизни. Выжишь, увидишь, как смерть продолжает забирать невинных. Будь аккуратней и ни перед кем не откровенничай. Самый верный друг, прижатый к стенке, может оговорить, чтобы спасти себя. Но это не его вина — он лишь крайний. Приговор выносится другими, а их слуги лишь четко исполняют его.

Комбат взял гитару и запел песню. Григорий понимал, что он поет о погибших белогвардейских офицерах, и, не выдержав, спросил:

— А они тоже враги?

— Эти люди любили Родину, царя, и защищали свой отобранный мир — свою землю — свободу. От столетия к столетию Россия жила и побеждала, но никогда не воювала против себя. Они защищали Родину. У нее было много врагов. Все желали поставить ее на колени, но не смогли. Всегда находился один, которого не могли сломать. И в этом обыкновенном человеке жила русская душа, а в ней и вся Россия. И никто никогда не смог победить эту душу и добить последнего. На его место вставал другой истоял до последнего вздоха.

До утра они говорили о правде. Все ее прятали, но здесь, в комнате радиста, все слова были честными. И если Григорий что-то и не понял, он все равно почувствовал правду душой. Теперь он стал по-другому вспоминать слова учителя майора из учебки. Он говорил то же самое, но другими словами — предупреждал и учил, как выжить, когда не стреляют.

После этого разговора бежать в атаку с именем Стали на как-то не хотелось, но комбат ясно объяснил, что кроме людей, стоящих у власти, есть еще народ: отцы, матери,

братья, друзья, и все это называлось Родина—любимый дом, река и камушки, о них так здорово он пел. Гриша вспоминал во время этой песни знакомые места, песок у реки на пляже и камушки. Он их всегда ловко пускал прыгать по воде. Этак бросит со всей силы, и летит этот камень, чуть касаясь воды, прыгая по солнечной дорожке.

На рассвете фляжка была пуста, но Григорий не был пьян. Он вышел на улицу, покурил, вернулся и, увидев спящего в кресле комбата, лег на диван и уснул. В обед их поднял старшина. Он принес котелок с кашей. У кухни в этот день собралось столько народа, что пришлось быждать.

После подхода частей кухня превратилась в целое хозяйство. Пять котлов на колесах дымили с утра до поздней ночи. Егор был старшим над пятью поварятами — молодыми пацанами. Они не умели хорошо готовить и готовы были съесть в одиночку все, что наварили, но Егор умел руководить ребятами и постепенно откармливал их до нормального состояния кашевара. Еще ночью он наварили каши и утром накормил всех желающих. А к обеду оставшуюся еду разогрели, да еще наварилиновой.

Киселев предложил Григорию поделиться, но радист отказался и сам дошел до кухни. Егор, как всегда, наложил ему самой вкусной, жирной каши с тушенкой и дал толстый кусок хлеба. Гриша поел, поблагодарил кашевара и вернулся в штаб. У самой двери столкнулся с Титовой. Девушка серьезным взглядом посмотрела ему в глаза и произнесла: «Спасибо». Григорий вспомнил, что передал ей икону. Он пожал плечами и, открыв дверь, ушел в штаб.

В этот день комбат впервые спросил о предстоящем празднике — подходил Новый год, но все настолько отвыкли от спокойной и мирной жизни, что не могли поверить в то, что им удастся отпраздновать его. Предыдущий Новый год Григорий был в дороге. Его призвали первого января сорок четвертого года, а тридцать первого вызвали из интерната. Гриша никак не ожидал этого, ведь ему было всего семнадцать, и именно в семнадцать в военкомате ему дали форму и звание рядового стрелка, каких на фронте было тысячи. Но после учебки, на фронте, все измени

лось: и жизнь, и сам Григорий. Он не представлял, как это: встретить Новый год с друзьями, да еще и выпить за него. Он думал, что подарить Тане и как подготовиться к торжеству. Решил выменять у немцев колбасы и хорошего вина и подумать, как устроиться в какой-нибудь комнате, где он сможет встретиться с Татьяной, и вместе с ней выпить сладкого вина и поесть вкусной немецкой колбасы с хлебом и маслом.

Старшина тоже думал о празднике, как, впрочем, и все бойцы батальона. Они просили у него сухой паек за месяц вперед. Савчук понимал, что они все это променяют немцам, и выдавал понемногу. Ребята складывались и ходили к тем, кто еще не успел забить свой погреб русской и американской тушенкой. За последние две недели все воинские части и соединения бегали в поселок и что то выменивали у местных жителей. Солдат было много и командиров тоже, но немцы очень расчетливые люди. Они могли отказать кому угодно, даже адъютанту генерала, но отказать тем, кто жил в их домах и первым пришел в поселок и не тронул жителей, не могли. Тем более, что почти всех бойцов из батальона местные знали. Особенно любил девушек из взвода Титовой и помогали им.

Перед Новым годом все девчонки крутили романы. Бедная Титова пыталась навести порядок, и даже обещала пожаловаться на них Киселеву, но изменить ничего не могла. Любовь Григория и тайна Татьяны была легендой в их взводе. Гриша многим радисткам нравился, но все они старались не мешать его тайной любви. Она оказалась такой заразной, что охватила всех. Некоторые девушки даже прятались от количества кавалеров. Без драк обошлось. Узнав об этом, Киселев только раз сказал:

— Если из за кого то кто то подерется, разбираться не стану, всех отправлю в тыл.

Все знали, что для него это проще простого, даже рапорт писать не надо. И поэтому все споры как бы прекратились, но поклонников меньше не стало.

Единственной девушкой без поклонника была Березкина. Она все это время служила при госпитале. Пару раз

приходила перебинтовывать разведчика Сашку и несколько раз заходила к Грише. То, что он жил в штабе, пугало ее. Не могла Юля ходить в гости, где рядом, над душой, стоял командир и все слышал. Она приглашала Григория к себе, и он пару раз с ребятами наведывался в госпиталь, где его друзья солдаты знакомились с медсестрами и молодыми девушками врачами. Но госпиталь жил своей жизнью, и ходить туда было нельзя. Молодые ребята нарушали эти правила. Их ловил главврач полковник Смирновский и заставлял что то делать. Единственный, кто бегал в госпиталь до последнего, был Яшка. Он раз двадцать попадался: переколот все дрова, отремонтировал столы и даже дважды вымыл полы, но от посещений не отказался. В госпитале служила девушка с его родины, из соседней деревни. Они не знали друг друга до войны, но у них было много общих друзей. Роман закружился сразу, и Яшка счастливый бегал любимой, нарушая все правила.

Новый год обещал быть веселым, и комбат, и солдаты готовились к нему. Все думали только об одном: «Вдруг в самый праздник командование решит начать наступление?». Немцы ведь тоже будут гулять. Накрыть их за праздничными столами хотелось всем, но встретить праздник в тепле среди друзей, конечно, было лучше. Бойцы сомневались, спрашивали о наступлении командиров, но никто точно не знал, когда именно оно начнется.

Все были готовы пожертвовать праздником ради скорейшей победы, но солдаты знали, что кто то из них погибнет — все не могут выжить. Они надеялись встретить Новый год среди друзей, которые сейчас были рядом. Они уцелели в самых тяжелых боях и дошли сюда, победив смерть. Этот праздник стал бы для них высшей наградой, и за нее они бы сполна рассчитались в предстоящих боях.

11. Новый год

За неделю до праздника ударил настоящий, русский мороз. Эта немецкая земля стала действительно нашей. Ста

рые бойцы вспомнили о телогрейках, а остальные надели шинели. В поселке народ разделился. Со стороны легко можно было узнать, кто воевал, а кто только прибыл. Кроме юных лет этих солдат отличали новенькие шинельки. Те, кто воевали, знали, как неудобно в шинели перепрыгивать через траншеи и воронки. Хочешь жить и согреться—найди телогрейку. Они и удобней и теплее.

Григорий готовился к празднику основательно. Он договорился с одной старушкой, чтобы та дала ему на время ключи от небольшого домика. Он стоял на окраине и был почти незаметен. Гриша сразу присмотрел его, но никак не мог вычислить хозяев. Помог рядовой Паров. Он перевел просьбу солдата одной женщине, и та привела старушку. Бабулька сначала испугалась, но потом с радостью разрешила воспользоваться домиком. Гриша навел в нем порядок, принес старенькую печку, высунул трубу в единственное окно и заделал его старой шторой, чтобы свет не проникал внутрь. Теперь оставалось как то сообщить Тане о новом месте. Гриша долго настраивался, но как то вече ром решил и подошел с этой просьбой к Титовой.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться,—спросил он.

— Разрешаю,— сухо ответила девушка.

— Без посторонних.

— Ну, хорошо, пошли, прогуляемся.

Встретились они около кухни, зашли задом, и Григорий спросил:

— Вы можете мне помочь?

— Конечно. Мог бы и не спрашивать.

— Тогда отдайте Тане эти ключи и скажите ей, что я домик приготовил. Пусть она на него посмотрит. Можно будет в нем встречаться и, если она сбежит, отпраздновать Новый год.

Девушка взяла ключ и попросила показать этот дом. Григорий вывел ее на улицу, и они пошли в конец поселка. Как только на окраине показался домик, Гриша указал на него и сразу, чтобы никто не заметил его гуляющим с Титовой, ушел в штаб.

Вечером Титова вызвала его.

— На вот, тебе записка.

— Что, от Тани?

— Тихо ты. Разорался. Девушка боится.

— Да, понимаю, — вздохнув, ответил Гриша. Он взял записку и сразу прочитал ее. Таня приглашала его на встречу в этот домик. Девушка написала, что ей все понравилось, и она постарается сбежать на Новый год к нему.

Радист весь день готовился к свиданию. Взял бутылочку вина из новогодних запасов, шоколад и две консервы вкусного, пресованного мяса. Все должно было произойти ночью. Гриша настроился внести в их отношения ясность и постараться наладить прямой контакт. Ему не очень нравилось привлекать других и доверяться им. В десять вечера он чистил сапоги и этим делом очень смешил комбата.

— Гриш, ты что это на ночь сапоги чистишь? Парад ночью устраивать будешь? — подшучивал он.

— Да, я, это... — не зная, что ответить, растерялся солдат.

— Вдомзайди, а то весь батальон тебе завидует.

— Есть. Все понял, — Григорий вошел в штаб и уже внутри продолжил приготовления. Но свиданию не суждено было случиться. Встречу Таня назначила на два часа ночи. В это время уже никто не гулял по поселку, а вот в двенадцать, и даже в час бойцы еще бегали из дома в дом.

В половине двенадцатого к штабу подъехал ЗИС. Эта легковая машина быстро развернулась и сразу уехала. Комбат встретил приехавших и пригласил их в штаб. Через полчаса Григорий понял, что сегодня ночью он с разведчиками уйдет за внешний рубеж, почти к Балтийскому морю. Там находился подземный минный завод. Один из приехавших оказался бывшим военнопленным. Он работал на этом заводе, но случайно во время выезда в лес за дровами сумел убежать.

Люди, что работали в этом подземном заводе, были пленными разных стран. Узнав, что Красная армия рядом, они стали искать способ связаться с ней. На сбежавшего пленника возложили эти обязанности. Почти двадцать человек — пленных, выехавших на заготовку дров, помогали

ему: отвлекали немцев, рисковали, как могли. Побег оказался удачным, и этот человек попал куда надо. Звали его сержант Воторс—англичанин. Он хоть и с акцентом, но не плохо говорил по русски, до войны учился в Ленинграде.

Задание было несложным. Разведчикам нужно было дойти до леса у моря и в назначенном месте оставить рацию. Каждую неделю немцы вывозили туда пленных на заготовку леса. Их хорошо охраняли, но в самом лесу пленные ходили свободно в радиусе двухсот трех сот метров. Подпольная организация подземного завода разработала план. Оставленная за камнем рация попала бы между бревен на завод и оттуда начала бы вести передачу важных и стратегических данных. В последнюю перед побегом неделю,—рассказал англичанин,—немцы заставляли разминировать торпеды. Оттуда извлекалась взрывчатка, которую фашисты хотели использовать при обороне города.

Командование решило тайно вывести пленных, а завод как можно скорее взорвать. Естественно, об этом задании в батальоне никто не знал, и Григорий уже в дверях попросил Киселева, чтобы он сказал лейтенанту Титовой о том, что радист ушел в разведку.

— Хорошо. Она наверно и так в курсе. Ольга со старшиной две радиации принесла ж. Значит, она знает, что вы уходите.

— Ну, вы все равно объясните ей.

— А что ты так за Титову переживаешь?

— Да не за нее. Она Татьяну знает, сообщит. У нас же сегодня встреча должна быть. Вроде как договорились. Я для чего сапоги начистил?

— А я думал, в темноте блеск не виден,— подшутил майор.

— Конечно, не виден, но выглядеть то надо прилично. Вдруг она с вечера меня увидит. Теперь вот измазать пришлось. Сами знаете, в начищенных в разведку не ходят.

— Да, от прожектора немецкого могут блик дать,— снова пошутил Киселев. Он похлопал по плечу Григория и спокойно произнес:

— Этот англичанин вроде нормальный. И дорогу он знает. По нашим данным немцев не должно быть в этом районе, но на войне, сам знаешь. Сейчас небольшие отряды гадов недобитых можно где хочешь повстречать. Если нарветесь, смотри, слушай ребят.

— Да нормально все,— вступился Яшка.— Все, пошли Гриша, хватит с комбатом сюсюкаться. Я одну рацию беру, а ты давай свою. Все проверил?

— Да, нормально. Эти рации хорошие, только вот две тащить трудно.

— Ничего, мы тебе поможем. Пошли,— поторопил его Яшка.

Отряд разведчиков скрылся в темноте. Девушка до рассвета ждала своего радиста разведчика и только под утро поняла, что он не придет.

Как только у полевой кухни появились бойцы, Титова пришла в штаб. Ей доложили, что комбат попросил две но вых рации. Узнав об этом, она прибежала выяснить, что про изошло. Разбудила Киселева, но он ничего объяснять не стал. Сухо ответил, что рации взяли разведчики. На дурацкий во прос: «Когда они вернуться?» он отвечать не стал, а Титова поняла, что на войне подобные вопросы не задаются. Хотела извиниться, но заметила, что комбату уже не до нее. Молодой курносый лейтенантик прибежал и доложил, что его срочно вызывают в штаб дивизии. Очередная новость взбудоражила батальон. Комдиву Палычу присвоили генерал майора.

Два дня Киселев не возвращался, батальоном командо вал новый замполит Суворов. Он ходил по домам с ротны ми и старшиной, проверял, как бойцы проводят вечернее время. Пьяных не поймал, но некоторые замечания рот ным сделал.

Титова расспрашивала всех бойцов, но никто ей ничего не мог рассказать о разведке. Солдаты каждое утро выхо дили из домов, смотрели на уходящую к горизонту дорогу и рошу. Они ждали разведчиков, но солнце всходило, на чинался день, а разведгруппа не возвращалась.

На самом деле только комбат знал, что эта легкая доверенная им разведка затянется дня на три четыре.

День туда, день обратно и день — найти указанное место и оставить рацию. Нужно было еще выждать время, что бы их никто не заметил. В батальоне их ждали. Все надеялись — и разведчики, и их друзья — что они вернуться к празднику. Оставалось несколько дней, но каждое утро наступало, принося с собой пустоту — ребята не возвращались.

После того, как они ушли с сержантом Воторсом, не сложное задание превратилось в невыполнимое. Сначала англичанин заблудился. Потом ему просто перестали верить, когда он рассказал, что прошел по заминированной дороге. Санек вообще не ступал ногой, чтобы не проверить неизвестную местность на наличие мин, а тут такое заявление. Сняв пару мин, Яшка доложил командиру группы Воувке, что мины лежат в земле давно, не меньше месяца: их не могли вчера или позавчера поставить. Англичанин, даже если и был везучим, все равно не мог пройти по этой дороге. Позже Воторс объяснил, что в темноте перепутал дорогу. Нашел вторую, параллельную, действительно без мин, но на ней оказался немецкий пост. Его тоже не могли поставить за один день, свежих работ видно не было. Тем не менее, разведчики все же решили пройти в указанный район. Они обошли посты, сделали проходы в минных полях и только к третьему дню попали к указанному месту.

Командир разведгруппы действительно обнаружил пеньки и спиленные деревья. Он приказал подождать, проверить, приезжают ли сюда пленные. Судя по срезам и опилкам, он решил, что стволы заготавливали давно, а это означало, со слов англичанина, что немцы скоро приедут за новой партией леса. Воторс умолял, упрасивал всех поговорить ему. Он говорил, что другой поездки военнопленных может и не быть. Воувка собрал совет, и все единогласно решили пожертвовать одной рацией. Ее аккуратно спрятали и стали наблюдать за этим местом.

Ночь прошла спокойно, но утром всех удивило количество немцев. Они цепью прочесывали лес. Разведчики скрылись, но опытные и чуткие к каждому из

менению обстановки Воувка и Яшка заметили, что по их следу кто то шел. Воторс был не просто тормозом. К четвертому дню он устал и начал раздражать всех своим нытьем.

— Слушай, давай его это... чтоб не мучился,—спросил шепотом командира Яшка.

— Нет,—строго отвечал белорус.—Пусть с ним другие разбираются. Мы его приведем, не захочет идти — дотащим. Я вижу, он хочет свинтить от нас, а ты присмотри за ним. На хвосте немцы. Чего это они с утра цепью пошли? Уверен, что не из за пленных. Тут дело в другом. Мы рацию оставили, а к кому она попадет? Будет на ней какой ни будь «власовец» сидеть, пленного изображать. Получается, нельзя донесениям верить?

— Да, это точно. Я тоже понял, что его к нам сами немцы привели и у позиций оставили. Если бы он пробирался сам, или погиб или знал бы дорогу. А так путается. Причем по карте рассказал все точно.

— Значит, его по карте и учили, а на месте он не был.

— Слушай, Воувка, дай я вернусь,—попросил Яшка.— Вы меня сейчас в землю заройте, дерном заложите, я до утра отлежусь и сразу к рации, а может, немцев пропущу и у них за спинами уйду и вернусь. Если рацию забрать не смогу, то хоть записку с позывными уничтожу.

— Рискованно!

— Да ладно тебе. Я как кошка проберусь, никто не заметит.

— Ну, хорошо, давай! Саня, Гриша, подойдите ко мне,—попросил командир группы.— Так, за англичанином смотрите в оба, чтобы никуда не делся, будет убегать, стреляя те—это приказ.

— Хорошо,—спокойно ответил Сашка. Посмотрел на английского сержанта, на Григория и спросил:

— Ты один справишься? Я все таки мины впереди проверю.

— Конечно. А что, он уже не друг?

— Пока не ясно, но что то многое не сходится. Да и сейчас нас как зайцев травят.

Григорий повернулся к Воторсу и тот, увидев его взгляд, понял, что нить пора прекращать. Он откуда то нашел силы и бежал одним из первых у всех на виду.

Яшка залег в землю. Его заложили дерном и сделали хитрую нору, похожую на мышиную, для воздуха.

— Однажды он вот так три дня пролежал, а когда выбрался, штаны не успел снять и обхезался,— рассказал Сашка.

Немцы то теряли группу, то приближались совсем близко. День — худшее время суток для отхода. Петля сужалась, и к победу Воувка принял решение — залечь на опушке и встретить врага, но Сашка предложил продолжать отход. Молчаливый Колек вспомнил, что на посту у немцев есть мотоцикл и охраны всего человек семь, не больше. Разведчики решили напасть на пост и на мотоцикле по не заминированной дороге выйти из леса и добраться к минному полю. Там они пройдут своей, проложенной тропой и уйдут. Немцы за ними в поле не полезут.

На посту днем оказалось всего три фрица. Первого, что разлегся в люльке мотоцикла, сделал Воувка. Он, тихонько закрыв ему рот, воткнул свой охотничий тесак ему в спину. Второго и третьего в будке негромко из пистолета расстрелял Колек. Григорий и Сашка с англичанином прикрывали их с дороги. Все получилось быстро. Колек выскочил из будки с двумя немецкими автоматами, а Воувка уже завел мотоцикл. Кое как они впятером разместились на нем и, виляя, поехали по дороге. Англичанина затолкали на самое дно люльки, двое сели в нее, а Григорий с рацией сел на сам мотоцикл за командиром. Через три минуты Воувка уже приноровился к лишнему весу и ловко справлялся с управлением. Разведчики мчались по извилистой лесной дороге. Неожиданно справа появились немцы. Они шли по молодому ельнику и громко смеялись. Увидев мотоцикл, немцы открыли огонь. Его слышали те, кто прочесывали лес, и уже через несколько минут за разведчиками гнался грузовик с автоматчиками. Ребята хорошо оторвались. У них было время пройти по полю, но немцы могли успеть их перехватить. Достать в конце поля и издалека толпой расстрелять.

Дорога кончилась. Спрыгнув с мотоцикла, Воувка всадил Воторсу такого пинка, показал кулак и что то произнес такое, что тот больше не отставал. Разведчики выскочили к полю. Оставалось пробежать по открытой местности метров триста, не больше. Но бежать надо было по указанной метками тропе. Шаг сторону мина—взрыв. Пострадаешь не только сам, но и товарищей зацепит.

С дистанцией в пять шагов разведчики змейкой по бежали по полю. Гриша внимательно, как и остальные, всматривался в метки и старался бежать шаг в шаг. Распаханное поле почти кончилось, Григорий уже видел впереди кусты. В них можно было прыгнуть и отдышаться, но последние сто метров стали невыносимыми. Рация больно ударила по спине с каждым шагом, бежать становилось все труднее. Три ночи они толком не спали, да плюс месяц пили и бездельничали в поселке. Такая пробежка требовала постоянной тренировки. Естественно, темп снизился, и, как предполагал командир группы, немцы выехали из леса и увидели убегающих по полю солдат. Они стали вдоль поля и стали расстреливать их. Пули засвистели над ними. Одна случайно попала в мину, и в нескольких метрах в стороне раздался взрыв. Затем упал сбитый пулей Колек. Она попала ему в руку. Он зажал рану рукой, встал и, не останавливаясь, продолжил бежать. Сразу после взрыва Воторс кинулся к воронке с поднятыми руками. Англичанин упал на колени и громко заорал по немецки. В грохоте автоматов немцы его не слышали, но не стреляли по тому, кто стоял в стороне на месте и сдавался.

— Там же Яшка остался. Сдаст его этот гад,—с этими словами Воувка развернулся и всадил длинную очередь в предателя. Тот дернулся, словно хотел обернуться посмотреть, кто убил его, и, разворачиваясь, упал в глубину воронки. Сашка снял с ремня гранату и кинул англичанину вслед.

— Чтобы не выжил!— крикнул он товарищам. Из этого получилась заминка. Некоторые немцы перестали стрелять. Они пытались рассмотреть, что произошло в поле. Колек бежал последним. Он развернулся и стал

расстреливать стоящих на дороге фашистов. Немцы попали на землю. Этого времени, этих секунд хватило, чтобы запрыгнуть в кусты. Оттуда Гриша и остальные прикрыли огнем задержавшегося Кольку.

— Ждать нельзя, уходим сразу, — скомандовал командир. — Гринь, ты рацию кидай! На кой она теперь, вся дырявая. Главное дойти. Ща в рощу, и помним, да, идем по веткам. Там хоть и много мин сняли, еще что то осталось. Не нужно, чтобы они оказались нашими. Уходим спокойно. Фрицы в поле не пойдут, а вот по той дороге, где мы прошлый раз гуляли. Помнишь, Гриня, дорогу то, глаза стый ты наш?

— Да.

— Так вот оттуда могут встретить. Можно было бы наших вызвать, чтоб прикрыли, но Грине что то на радию не везет.

Разведчики посмотрели на пробитую рацию и на радиостанцию.

— Нужно тихо идти теперь, — предложил Санек. — Если что, в роще отлежимся. Она заминирована, в нее немцы тоже не пойдут, а ночью как раз и вернемся.

— Посмотрим. Если немцы нас встретят, затаимся, а если нет, считай, повезло.

Разведчики прижимаясь к земле стали пробираться к роще. Она была рядом, сразу за кустами и небольшой посадкой.

Немцы на другой стороне поля сели в машину и уехали. После этого к роще подошли быстро. Пока Григорий перебинтовывал Николая, Сашка разведкал дорогу и доложил, что два мотоцикла с пулеметами уже ожидают их. Они заехали в самую рощу, видать знали, где мин нет, и приготовились встретить группу разведки.

Воувка приказал залечь за двумя сросшимися деревьями и ждать. Перед штурмом города разведгруппы в плен не брались. Разведчиков расстреливали на месте. Информация, которую они доставляли, имела важное значение в предстоящих боях. Немцы не знали, что эта разведгруппа выполняла совсем другое задание, они выполняли приказ

и не хотели пропускать разведчиков. Ребята залегли, укрылись сухой травой и листвой, говорили лишь по делу и то шепотом, ждали, когда немцы уйдут. Сашка через каждые два часа ползал, проверял их. Сколько по времени придет ся ждать, никто не знал. Телогрейка отсырела, костер жечь было нельзя, оставалось единственное—открыть тушенку и поесть.

Григорий сжался и одним глазом из под дерева просматривал впереди себя рощу. Автомат забирал последнее тепло. Радист стал вспоминать Татьяну.

— Эх, ждала меня небось девчонка? А я в разведку, да еще здесь вот застрял. Какое сегодня число? Интересно, Новый год уже прошел? Потерял счет дням в этих лесах и рощах. Нет, еще два дня осталось, наверно. Скорей бы уже добраться. Нет, так нельзя! Слишком хочется жить, а война сволочь, любит поиздеваться. Она напомнила мне: эй пацан, ты чё сюда, в люли пришел играть? Вот войой, а то пришлю старуху с косой. А хочешь Новый год, терпи— за служи его.

К вечеру одежда промокла. Пальцы замерзли и не сгибались. Выпал хороший новогодний снег. Он прикрыл черную землю и усложнил задачу разведчикам. Бойцы стали заметными. Вокруг каждого образовалась лужа с грязью, и в этом состоянии уже не хотелось что либо делать. Они продолжали ждать, когда уйдут немцы. Колек не выдержал и спросил командира:

— Чего мы лежим здесь? Давай лучше по роще в глубину уползем, а там наши, вернемся.

— Там все заминировано, забыл данные полковой разведки?

— Ну и что. Сейчас тихонько, друг за другом. Санек впереди мины спицей нащупает и пометит, а мы за ним.

— Хорошо, давай, а то окоченеет,— согласился Воувка.

— Немцы, даже если и услышат, не пойдут за нами— мины. Постреляют и все,— добавил Сашка. Он достал из сапога спицу и первым пополз в глубину рощи. Остальные, разгребая снег, двинулись за ним. Разведчики видели, как Сашка метит мины, и обползали их стороной.

— Странно, почему мы сразу так не сделали,— думал Григорий. Он не знал, что роща выходит в расположение штрафбата, за которым стояла рота СМЕРШ. Они могли и перепутать. Увидев отступающих или пробирающихся в тыл солдат, эти бойцы стреляли сразу. Кто хоть на секунду задумывался или сомневался, мог сам попасть в штрафники. Жалеть врагов народа считалось предательством.

Конечно, это были наши солдаты и они бы сначала схватили, если бы не убили, передали по рации, разобрались, и на это ушло бы много времени, пришлось долго объяснять, зачем они после разведки сунулись к штрафникам. Доказать, что рощу со стороны поля перекрыли немцы, было трудно. Никто бы не поверил, что враги спокойно разъезжают и ставят засады на нейтральной земле.

Все думали, что задание несложное, никто не знал, что этот англичанин предатель. Возможно, он и не был англичанином: какойнибудь австриец или эстонец. Лишь командир группы все понимал, и он принял решение: ползти назад, но не выходить в расположение штрафбата.

Бойцы до рассвета по пластунски двигались в глубину рощи, а потом повернули назад, чтобы выйти у своего поля, но в другом, отдаленном от засады месте.

— Ничего, пусть мы время потеряем и устанем, но так оно спокойней,— объяснил разведчикам Воувка.

Всю ночь и полдня они ползали по роще. Разгребая грязь, старались не задеть помеченные мины и к вечеру поняли, что единственный выход перекрыт немцами. Они, вернувшись к полю, залегли, чтобы дождаться темноты и под ее покровом пробраться к родным окопам. Но ночь не спасла солдат. Выход из рощи просматривался и хорошо освещался полной луной. Григорий все это время злился на то, что он не смог сберечь рацию. Ему казалось, что именно он виноват в этой безвыходной ситуации. К тому же кто-то из разведчиков произнес, что можно было вызвать подкрепление со стороны батальона. Гриша недолго сомневался. Он решил исправить случившееся, подполз к Воувке и спросил:

— Скажи честно, без потерь не выйдем?

— Похоже так, чаго темнить.

— Ну, тогда я пойду на немцев один. Накрою их неожиданно, а вы в это время уйдете. Погибну, значит сам виноват, нужно было рацию беречь, останусь жив, значит повезло. Если потерь не избежать, уж лучше тогда я одну голову сложу, чем все мы.

— Еще раз! Что ты хочешь сделать?—спросил командир группы.

— Подойду тихонько к немцам на мотоцикле, неожиданно выстрелю в упор, их там всего трое. Расстреляю и все! Вы в это время успеете в поле уйти. А пока остальные фрицы подбегут, или подъедут, и я успею отойти.

— Рискованно. Может с тобой еще кого отправить?

— Нет, я один справлюсь,—напрягая лицо, со злостью ответил Григорий.

— Ну, давай, братишка. Как только стрелять начнешь, мы пойдем в поле. А так, конечно, если выскочим, они нас из пулемета как зайцев перестреляют. Мотоцикл с фрицами один, остальные на рубеже. Но учти, они могут быстро подойти. Не мешайся, як корова. Конечно, им еще успеть добежать нужно, но стрелять то они сразу начнут. Так что тебе придется отходить и отстреливаться, но, главное, у мотоцикла—бей их и сразу отходи.

— Я пошел,—произнес Григорий.

— На спицу, щупай землю впереди себя, прежде чем стрелять начнешь, метрах в двух все проверь. Чтoб отскочить можно было перекатиться в сторону. Втыкай ее в землю под углом в сорок пять градусов. Уперлась, не думай, что это корень, считай, мина. Понял?

— Так точно.

— Ну все, давай, с Богом.

Григорий сунул спицу в сапог и медленно пополз по тропе.

Увидев толстое дерево, спрятался под ним, прощупал вокруг спицей землю и, приготовив автомат, набрал полную грудь воздуха. Посмотрел на немцев и увидел, что двое спят, развалившись рядом с мотоциклом, а третий, укрывшись какой-то дерюгой, храпит в люльке. Гриша, на корточ

ках, как можно ближе тихо подошел к ним, резко вскочил и в два прыжка оказался у мотоцикла. Одной длинной очередью выстрелил в немцев, сделав шаг в сторону, закончил очередь на люльке. Все трое даже не успели дернуться. Григорий глубоко вдохнул, набрал в грудь свежего воздуха и выстрелил еще раз по трупам. Обернулся, посмотрел на поле и увидел, как разведчики пробегают опасное — прострельное—место. Григорий хотел уже последовать за ними, но увидели услышал на дороге голоса. Это были немцы, они оказались совсем рядом. Увидев бегущих солдат, фашисты открыли по ним огонь. Григорий сразу сообразил, что делать. Он снял с мотоцикла пулемет, схватил два немецких автомата и залег на самой окраине роши так, что ему стала видна вся дорога. Перезарядив пулемет, он стал стрелять по вспышкам автоматов, которые видел в темноте. Немцы залегли на дороге. Пулеметная очередь подавляла их автоматы. Особого укрытия на дороге у немцев не было. В заминированную рошу они боялись войти и спрятаться, и поэтому немцы попятились назад. Гриша продолжал вести непрерывный огонь, давая возможность разведгруппе пройти дальше и скрыться из поля обстрела в темноте.

В пулемете кончились патроны. Григорий откинул его в сторону, взял немецкий автомат и начал стрелять из него. В темноте трудно было разобрать, кто из немцев еще жив, а кто мертв. Фашисты сами использовали убитые тела сослуживцев и стреляли из за них. Гриша, не прекращая, вел огонь из первого, а затем и из второго немецкого, взятого у мотоциклистов, автомата. Но его автоматные очереди стали слабыми и уже не могли задавить огнем, как пулеметные. Немцы почувствовали это и стали приближаться к нему. Около десяти человек одновременно открыли огонь в одно место — небольшой бугорок под деревом. Гриша прижался к мокрой земле. Вытер снегом лицо и попытался выглянуть, но пули свистели над ним сплошной стеной. Бугорок чужой земли прятал его от смерти. Он, продолжая жаться к земле, поднял над бугорком автомат и стал не глядя стрелять из него. Ответные очереди немцев приближались с каждым новым выстре

лом, и Григорий уже отчетливо слышал, как клацают за творы их автоматов. Он, не думая о минах в роще, стал отползать назад. Бросил трофейные автоматы и, сжимая свой ППШа, на четвереньках побежал к ближайшему толстому дереву. Скатился в углубление, несколько раз глубоко вздохнул и, выставив в сторону автомат, стреляя, побежал в поле.

Даже в темноте Гриша видел, как подпрыгивает впереди земля. Он не думал о минах, о смерти, он не чувствовал страха. Не слышал свиста пуль. Немцы встали надороге в полный рост и, смеясь, стали обстреливать убегающего солдата. Григорий споткнулся и метра два проехал юзом по грязи. Он откатился в сторону, перезарядил за секунды автомат, достав из за пазухи приготовленный заранее барабан и, увидев стоящих в полный рост немцев, стал стрелять по ним. Он увидел, как четверых фрицев, словно в тире, резко сбили с ног пули, и отбросили их тела в кусты, остальные упали на дорогу и начали прицельно стрелять в ничем не прикрытого солдата.

«Все, больше не побегу! Погибну, значит, так было надо! Ребята ушли, а это главное!» — задыхаясь от напряжения, подумал Григорий. Он прицелился и вновь стал отстреливаться по вспышкам от автоматов. Неожиданно одна из выпущенных им пуль случайно зацепила мину в роще. Раздался мощный взрыв, осколки разлетелись по дороге, поднимая фонтаны снега. Григорий закрыл глаза и на мгновение замер. Он перестал стрелять, понял, что немцы тоже прекратили вести по нему огонь. Гриша поднял голову и увидел воронку от взрыва, а со стороны немецкого рубежа в это время выехал грузовик с подкреплением. Забыв обо всем, Григорий вскочил и быстро побежал по полю, посмотрев вправо на землю, он увидел помеченные мины. Сделал прыжок в сторону и помчался по проложенной тропе к окопам батальона. Солдат почувствовал, как его тело стало легким, и Грише показалось, что он летит над этим минным полем. Где то сзади у рощи раздалось несколько очередей, но Григорий уже был не виден немцам. Они еще пару раз выстрелили в темноту, оставили

у мотоцикла новую засаду, а остальные сели в грузовик и уехали к рубежу.

Григорий бежал, не чувствуя усталости.

— Неужели я смог? — спрашивал он себя. — Неужели все живы?

Увидев огонь крайнего костра, Григорий остановился и только теперь почувствовал, что не может дышать. Он присел, оперся на колено и, делая глубокие вдохи, постарался прийти в себя.

Солдаты батальона встретили его у окопов. Отвели в штаб и заставили выпить спирту.

Воувка, радостный, обнял его и что то непонятное, по видимому, по белорусски прошептал в ухо. Единственным, кто стоял мрачным, был комбат.

— Хороший ты поступок совершил, но придется о нем забыть. Пока Николая не отвели в госпиталь, расскажи всем, что нужно говорить, — приказал он командиру разведгруппы.

— А что говорить? Рацию оставили, а в поле попали под обстрел. Англичанин погиб и все. О всех сомнениях, рассказах о том, как он путал дороги и сдавался, нужно забыть, — предложил Санек.

— Хорошо, — согласился комбат. — Если будут душумы таскивать, помните об этом и говорите одно и то же. Малейшее расхождение, и все, замордуют до смерти.

— Главное успеть предупредить Яшку, когда он вернет ся, — произнес раненый Колек, но Воувка всех успокоил:

— За Яшку я как раз спокоен. Он ничего не скажет, сам какую нибудь историю придумает не хуже. Он знает, что рассказывать о разведке правду иногда опасно.

К штабу приехала машина с врачом. К этому времени рука Николая висела как плеть. Он пытался ее привязать, но, видимо, сильная боль мешала. Его сразу увезли в госпиталь, а остальные, выпив спирта, согрелись и поели. Старшина с солдатами принесли им котелки с кашей и целую канистру спирта. Савчук подумал, что, возможно, у кого то отморожены ноги и руки. Разведчики пришли скрюченные, больные и, конечно, уставшие. Старшина хо

тел растереть им отмороженные места, но увидел, что после выпитой дозы все согрелись и отошли от холода.

Через час разведчики ушли в свой дом. Перед этим Григорий доложил в штаб о возвращении группы и выполнении задания.

Комбат вместе с комдивом «обмывал» его генеральские погоны. Он хоть и выпивал с остальными, но все время думал, что могло задержать ребят. Узнав, что разведчики вернулись, он сразу покинул штаб и приехал в батальон. Шофер комдива довез его и сразу вернулся.

Увидев спящего на диване Григория, он не стал его будить и отправился в дом к разведчикам. Все уже легли спать, но Воувка встал, вышел из дома и в двух словах объяснил комбату ситуацию. Пообещал утром все рассказать подробно. Главное—что задание выполнено—Киселев улышал. Воувка уже расслабился, и выпитый спирт сильно ударил по его уставшему и замерзшему телу. Он не стал вдаваться в подробности, но предупредил, что Яшка еще не дошел. Попросил комбата, чтобы тот рассказал отставшему разведчику о выполнении задания.

— Он молодец, остался нас прикрыть. Мы нарвались на машину с фрицами, вот он и задержался. Немцы обстреляли группу, англичанин погиб. Яшка их задержал, дал возможность нам уйти,—произнес Воувка и сразу ушел в дом.

Комбат понял: что то здесь не то. Он не стал допытываться, решил отложить это дело до утра. Сам дошел к радисткам и попросил их связаться со штабом дивизии. Доложил о выполнении задания и возвращении группы. Дежурный офицер все записал и пообещал, как только комдив проснется, отдать ему это донесение.

Утром принесли Яшку. Все радостные встречали его и смеялись. Разведчики, узнав о возвращении товарища, прибежали в штаб. Всех удивило—Яшка был пьян. Он что то невменяемо лепетал, и никто не мог разобрать, о чем он говорит. Его уложили спать в доме разведчиков, а остальные стали готовиться к Новому году.

Радист Михайлов, узнав, где готовится праздник, сразу отправился туда.

Для встречи Нового года оборудовали большой сарай. Три дня до этого из него выносили сено и доски, подметали пол и лишь после этого поставили елку.

С елкой случилась отдельная история. Старшина при смотрел красивую голубую елочку у одного из немецких домов. Тридцатого числа, за день до праздника, он взял топорик и спокойно пошел рубить ее. Три старых немки встали стеной: они готовы были погибнуть за эту зеленую красавицу, а старшина разозлился и назло хотел срубить именно ее. Компромисс нашли только к вечеру. Два бойца, крымчане, предложили пересадить ее на время праздника в бочку. Немки согласились, и уже тридцать первого солда ты принесли в большой сарай елку, пересаженную в бочку. А когда пришел Григорий, все спорили, как наряжать зеленую красавицу.

Березкина пыталась наложить на елку ваты:

— Посмотрите, как она на снег похожа,— доказывала девушка, но старшина возражал:

— От твоей ваты впечатление, как будто ее ранили! Ты еще гирлянды из бинтов сделай.

— А что, и сделаю! Разукрашу их, будут разноцветные ленточки,— отвечала медсестра. Она хотела показать, как оно будет выглядеть, но, испачкав бинт красками, найденными у немцев, согласилась с Савчуком. Все бинты, даже голубые, смотрелись страшно—особенно розовые. Юлька хотела, чтобы был красный цвет—символ знамени. Она сделала его и, когда показала, сама поняла, что для праздника это не годится. Розовый бинт напоминал о войне: казалось, что его сняли с раненого, который долго лежал в мокром снегу. Девушка сложила свои бинты и вату в сумку и, немного обидевшись, села в стороне на лавку.

— Иди, будешь звездочки вырезать,— в знак примирения предложил старшина. Юлька с радостью вернулась к елке и продолжила это удовольствие.

В сарай пришел ротный Ваня и принес пулеметные ленты.

— Еще один,—отозвался о нем старшина.

— А что, мы как то раз лентами елку украшали, а по том из этих патронов по врагу стреляли,—оправдываясь, ответил Ваня.

— Ага, сейчас ленту крест накрест перекинем, к ниж ним веткам гранаты привяжем, и получится у нас боевой матрос — Елкин,— серьезным тоном произнес Савчук.— Нет, товарищ старший лейтенант, становитесь рядом с Бе резкиной и помогайте ей звездочки вырезать.

Ваня вздохнул, бросил ленты от пулемета на лавку и, встав рядом с Юлькой, стал рассматривать разноцвет ную бумагу, вырванную из немецких журналов.

К шести вечера елка красовалась в центре сарая. Все разбежались готовиться. Григорий тоже вернулся в штаб. Комбат и Воувка сидели за столом и о чем то серьезно го ворили.

— Ну как, все нормально? — поинтересовался Григо рий.

— О чем ты? — переспросил белорус.

— Ну...— он не успел ответить, его перебил комбат.

— Нормально, но ты обо всем забудь. Будут спраши вать, отвечай: бежал, стрелял. Рацию оставил, где надо, в указанном месте, вторую осколки побили, бросил. Ан гличанина немцы на поле достали очередью, и все. Понял?

— Так точно.

— А Яшка сволочь, нажрался,—произнес Воувка.— Хо рошо хоть дошел. Записку с позывными и частотой успел забрать из оставленной рации, обошел всех немцев и там же, где и мы, залег, а фашисты пить шнапс начали, видать с собой привезли, праздникотмечали. У них двадцать пято го Рождество— вот они и отметили его. Один из них,— как Яшка рассказал,— со злости бросил в рощу почти целую бу тылку. Он, естественно, дополз за ней, а дальше уснул в ста метрах от наших позиций. Шел шел и лег поспать— гад! Хорошо ребята заметили, а то бы было ему по первое число. Главное, как дошел, не помнит. Перестрелки не было, мы бы услышали, как через немцев проскочил, непонятно?

— Пьяному море по колено. Прирожденный развед чик, вот и дошел. Так, забыли, разобрались, его обо всем

предупредили. Можем праздновать спокойно. Ты, Гриш, к празднику то готов?— поинтересовался комбат

— Пришел собираться. Сейчас все почищу, приведу в порядок и пойду в клуб.

— Какой клуб?— удивился комбат.

— Датам, сарай большой. Ребята свои печки поставили, все убрали. Решили танцы устроить. К нам тут один танкист гармонист обещался прийти. У него здорово получается. И поет и играет хорошо. Еще патефон трофейный приготовили.

— А пластинки где взяли?

— У девчонок радисток. У них откуда то пластинок много. Я ж сам удивился.

— Ну хорошо, собирайся. И ты тоже иди, готовься,— предложил Воувке комбат.— А как только Яшка проспится, ты с ним еще разок поговори, чтоб не забыл.

— Понял,— ответил Воувка и, подмигнув Григорию, ушел из штаба.

Вечером все собрались в сарае, оборудованном под клуб. Из патефона доносились скрипящие звуки. Какой то мужик затягивал «Дубинушку», как узнал позже Григорий, это был Шаляпин. Слушая эту музыку, все ходили серьезные, а как только зазвучали «Амурские волны», повеселели. Затем танкист гармонист сел на стул и, взяв инструмент, заиграл «Крутится, вертится шар голубой». Улыбки появились на лицах бойцов. Радость праздника появилась у всех, и бойцы стали топтаться у лавок, усаживаться, а некоторые выскакивали в соседний дом, где каждый приготовил что то свое. Из этих запасов получился один заваленный едой стол, а весь спирт слили в одну канистру, и каждый прибегающий наливал и выпивал с друзьями уже не фронтовые, а, как выразился старшина, новогодние стограмм.

Спирт и водку в батальон привозили регулярно. В остальных частях его выдавали только во время боевых действий. Считалось, если «боевые» выдают, значит, завтра наступление. Этот батальон стоял в первом эшелоне, и постоянно находился в зоне боевых действий. Это действительно было так. Ведь впереди частей Красной армии

не было, только немцы. Враг — готовый в любой момент сделать вылазку и напасть. Даже штрафбат, и тот находился на левом фланге гораздо глубже в тылу, чем батальон Киселева. Многие высшие командиры до сих пор относились к нему как к штрафнику, и это сказывалось на всем: первыми в атаку, в разведку. Этим батальоном затыкали слабые места и ставили на пути главного удара. После присвоения Киселеву майорского звания нелюбовь закончилась. Комдиву Палычу даже по дружески приходилось уберегать Киселева. Тот всегда рвался вперед, чтобы именно он был на острие атаки. Это состояние — постоянной войны — не покидало комбата ни на секунду, а случившееся затишье раздражало.

Киселев пришел в клуб поздравлять личный состав и увидел, что вокруг елки стоят одни мужики.

— А где же женщины? — спросил он. — Что, отказались с вами праздновать?

— Нет, — улыбаясь, ответил Савчук. — Они вон в том закутке — готовятся. Ща нас удивлять будут.

— Ну ладно, подождем.

Комбат сел на лавочку рядом с Григорием и спросил:

— Все эти дни Титова сума сходила. Раз сто прибегала. Может, у тебя с ней чего случилось?

— Не. Это ж я встречу проморгал, в разведку ушел. А Татьяна меня там, наверно, ждала. Небось подумала, что Титова чегонибудь напутала, вот та и бегала, выясняла, что со мной. Почему не пришел.

— А а. А я думал, ты с ней так это — втихомолочку?

— Товарищ майор, ну сколько можно?

— Да любит она тебя как то странно. Я же всех ее мужиков знал. Она знаешь как нос задирает? Ты что, цаца, неподкатишь. А сейчас страдает. Даже мне ее жалко стало.

— Я знаю. Она мне призналась. Но я не могу так — сдвумя.

— А чо тебе с двумя? Если твоя не придет, ты Лёну не гони. Скоро война кончится, а в мирной жизни все не так. Там нет смерти: живи себе спокойно — работай и люби. Может все измениться. Она девка то хорошая, но мече

ная. Так, не приближай, чтобы твоя не заревновала, но и не гони. Хрен с ней, побалуйся.

— Товарищ майор, прошу, не надо. Найдет она себе. Ща винца немецкого жажнет и найдет. А где она? Я ее тоже спросить хотел?

— Да нет. Что то в этой девке изменилось. Я то вижу. Она сейчас умереть боится, не то что раньше, на пули лезла. Ты не гони ее, хорошо?

— Хорошо. Один танец потанцую.

— Ну во, а то чо то сердце мне подсказывает, тянет, что зря я на нее так. Гринь! Ё— гранату в жопу фрицу! Ты поглянь, чо твориться! Смори, все в ступоре! Ни хрена себе!

Все эти возмущенные слова Григорий не слышал. Он, как и весь батальон, сидел на лавочке, открыв рот. Девушки радистки, медсестры из госпиталя и даже пожилые женщины врачи вышли из своего закутка. Они надели трофейные платья, туфельки, сделали прически и подкрасили губы. Минута молчания затянулась. Бойцы не могли любоваться этой красотой, неожиданно, как ракета, вспыхнувшей в убогом сарае. Сидящие на лавках стали вставать и поправлять ремни и гимнастерки, но никто из них не решился подойти.

Единственный, кто крутил головой — комбат. Увидев потерянное состояние батальона, он крикнул:

— Эй, гармонист! Вальс!

Танкист гармонист, схватив баян, щедро разлил по сараю плавную музыку. Ободранный, обитый досками сарай расцвел. Даже елочка изменилась: закружилась под новым годним вальсом. Ее так красиво нарядили, нарезали из разноцветной бумаги игрушек, а макушку украсили свернутой тонким кулком красной бумагой. Нашли настоящие ленточки и банты и накрутили их вокруг ветвей. Ничего военного на елочке не было, она получилась какой-то детской, для самых маленьких девочек и мальчиков, и этим видом елочка радовала каждого, кто на нее смотрел. Возможно, она была смешной, но и это было хорошо. А для чего еще нужна елка? Чтобы на лицах людей появились улыбки, а в душах радость.

Киселев решился первым. Он подошел к женщине — капитану медицинской службы — и, щелкнув каблуками, резко кивнул головой и пригласил ее на танец. Они словно воздушные полетели вокруг елки. Солдаты ретировались в стороны, а они парили над дощатым полом, совсем забыв, что вокруг — война.

На кудрявой женщине капитане враче было легкое платье с веселенькими цветами, и она казалась воздушной. Комбат не портил этой картины. Он, наоборот, уносил ее вдаль и кружил вокруг растерявшихся солдат.

Григорий стоял и, вздыхая, смотрел, как Киселев ведет ее. Он и сам умел танцевать вальс, но подойти и пригласить кого то не мог. Неожиданно его схватила за руку красивая незнакомка. Обратилась по имени и потащила за собой. Остановившись у праздничной елки, они поймали такт и полетели вслед за комбатом. Уже две пары кружились, а гармонист так душевно с проигрышем выводил мелодию, что все не могли наслушаться вальсом и налюбоваться парами.

«Интересно, что это за девушка, такая стройная, в красивом платье с большими горохами?» — думал Григорий о партнерше. Он пытался рассмотреть ее и никак не мог понять, откуда она его знает. А девушка лишь молча улыбалась на его растерянный вид. Она продолжала лететь с ним, качаясь, словно на волнах облаках. Вальс закончился, весь батальон захопал в ладоши, солдаты закричали: «Ура!» Григорий остановился и только теперь заметил, с кем он танцевал.

— Юлька, это ты? — на весь сарай спросил радист. Все буквально взорвались от смеха.

— А ты думал кто? — улыбнувшись, переспросила девушка, раскинув на плечи светлые, шелковые волосы.

— Ну, ты, это...

— Ха ха ха, — снова засмеялись солдаты.

— Что, не узнал? Еще один вальс? — спросила медсестра.

— Ага. Давай, — уже с улыбкой ответил Гриша.

Солдаты попросили гармониста повторить мелодию, он немного выпил и, прожевывая закуску, надел баян и сно

ва заиграл. Солдаты словно проснулись, отошли от шока и стали приглашать девушек. Через минуту весь зал кружился. Пары порхали, стараясь не зацепить друг друга, а остальные стояли и наслаждались этим зрелищем.

Девушек не хватало, и некоторые солдаты, так это — акkuratно, ловили пару и с извинениями подхватывали девушку, даже не успевая сказать: «Разрешите». Бывший кавалер, продолжая лететь, и не понимал, куда это упорхнула его принцесса.

Григорий танцевал с Юлей. Его улыбку видели все, но Юльке не отбивали.

— Ну, как я тебе?

— Да это не ты вовсе!

— Я, Гриша, я! — с гордостью ответила девушка.

— Я даже растерялся. Не ожидал.

— Привык, что я в штанах ватных и с сумкой огромной ползаю в грязи. А тут вот золушка раз, и в принцессу превратилась.

— Да, Юль, правда, в принцессу. И нос твой курносый, смотри, как симпатично смотрится.

Юлька засмеялась, продолжая кружиться в танце.

Кто то осмелился и отодвинул в сторону самого комбата. Он остался без партнерши и, когда опомнился, спросил:

— От молодежь, в бою бы так! А стол праздничный где?

— Да там, в доме, — ответил сержант Рябов.

— Сюда его тащите, вместе с закуской и остальным «новогодним боезапасом».

Несколько свободных солдат раскрыли огромные двери сарая и притащили в «клуб» стол с закусками и спиртом.

— Ну, вот другое дело, — обрадовался Киселев. Танец закончился, все захлопали, кавалеры поблагодарили партнерш и, увидев стол, подошли к нему.

В двери вломился старшина с целым мешком кружек и бутылкой шампанского. Комбат взял бутылку, посмотрел на нее и произнес:

— Эту откроем в двенадцать часов. А сейчас всем налить!

Солдаты загремели кружками, разливая из канистры спирт. Затем встали вокруг стола и, подняв свои «бокалы»,

стали выкрикивать тосты: «За Победу!», «За Сталина!», «За Родину!»

— Ну, ребята, давай! Я свой тост скажу в двенадцать, — произнес комбат.

Григорий, как и все, выпил. Он был счастлив и рад. Этот мальчишка совсем забыл, что прошлой ночью был на волосе от смерти. О том, что вокруг война, и он находится на передовой. О том, что он мокрый и замерзший лежал в грязи — забылось. Все плохое ушло, вокруг были счастливые лица солдат и красивые улыбки девушек.

Один взгляд показался особенным. Гриша напрягся, увидев девушку, похожую на Титову.

— А это кто? — толкнув локтем, спросил Юлька.

— Ну ты слон, что толкаешься? — возмутилась Юля. И действительно, Гриша почувствовал, что он поступил слишком грубо. Эта девушка была нежной и воздушной. Она совсем изменилась и не была похожа на мальчишку сорванца, каким ее представлял до этого Гриша.

— Юль, извини, по привычке. Ты ж своя.

— Ладно, чего уж, — ответила девушка.

— Да кто это стоит? Точно не Титова?

— А я почему знаю? — ответила Юлька и отошла в сторону.

А девушка в розовом платье продолжала смотреть на Григория. Заиграл баян, и она прямым ходом направилась к нему.

— Ну, ты что? Стоишь как пришибленный. Это я. Понял?

— Ага, — ответил радист. А кто «я», он так и не понял. Они закружились в танце, и тут кто-то остановил его плечом, и Григорий остался один.

— Что, проморгал? — спросил его комбат. — Эти видал, какие? Надо, Гриш, поактивней. Понял?

— Так точно, — ответил радист и стал выискивать в кружащейся толпе ту, что только что танцевала с ним. Он понял: это Таня. Гриша хотел объяснить ей, почему он не пришел. Но девушка словно растворилась. Солдат даже вышел на улицу, обошел дома, но незнакомка Таня исчезла, слов

но в сказке. Он вернулся в клуб и, налив себе спирта, выпил со старшиной.

— Нувот, опять она исчезла,— произнес вслух боец.

— Да ты не грусти,— ответил пьяный старшина.— Поживится. Небось переодевается или это, как оно—пудрится.

— Да ну тебя,— сгоряча крикнул Гриша и махнул рукой. А в это время комбат поднял бутылку вверх и попросил всех налить в кружки. Он посмотрел на свои часы, хлопнув в потолок пробку шампанского, обрызгал всех и, довольный, заорал:

— Ура! С Новым годом!

— С Новым годом,— подхватили бойцы.

— Я,— начал он,— хочу сказать. Впереди Кенигсберг. Нам придется брать этот город. Весь фронт и несколько армий уже здесь, все может начаться завтра. И поэтому я никого замечать не стану. Пейте и гуляйте, но не деритесь. Свою злость приберегите для немцев.— Он поднял свою кружку и посмотрел на бойцов.— А ты что там, как чужой?— обратился он к новому замполиту Суворову.

— Дая не пью,— ответил старший лейтенант.

— А я приказываю: «За Родину», «За Сталина» и за Новый год.

Замполит встал, старшина протянул ему кружку. Он не пожалел спирта и налил ему почти полную кружку.

— До дна,— сурово произнес комбат.— Завтра, может, в бой, а ты тут— пью, не пью. Давай, по нашему.

Замполиту ничего не оставалось, как выпить все, что ему налил старшина. После этого все снова стали танцевать. А елка, нарядная красавица, стояла и радовалась, что этот народ умеет так веселиться. Там, совсем близко, их ждала война и смерть. Немцы, готовые убить каждого, но все это было там, а здесь гулял праздник. Он был сильнее всех вместе взятых смертей, и он рождал в боях веру в то, что они смогут победить любого врага.

Гришу опять кто то потянул за руку.

— Титова, ты?— увидев Лену, спросил он.

— Я. А ты Таню видел?

— Видел, только поговорить не успел.

- Вот и хорошо, а то за ней машину прислали.
- А, понятно.
- Что тебе понятно. Девчонка расплакалась, а ты?
- А что я?
- На вот, тебе записка.

Григорий развернул ее и прочитал: «Извини, что убежала. Буду в домике в четыре утра. Т». Гриша повеселел и, вспомнив просьбу комбата, пригласил Титову танцевать.

- А что ж ты не нарядилась?
- А я на рации. Ольга меня на час поменяла, но скоро я уйду.
- Понятно. Служба. Пойдем, выпьем?
- Я спирт не буду.
- А мы у Савчука вина попросим. Этот куркуль приготавливал. Вон видишь, вещмешок ногой прикрывает.
- Да, я ж забыла. Ты разведчик, от тебя ничего не скроешь.
- Ну, тогда пошли.
- Товарищ старшина! Вы нас винцом не угостите?
- Ой, ты, Гриша, да и товарищ лейтенант с тобой. Винца, говоришь? Хорошо!

Старшина развязал вещмешок и под столом налил две кружки вина. Левую отдал Григорию, а правую Титовой. Они стукнулись кружками, поздравили друг друга с наступившим 45 м годом и выпили до дна.

- Есть! — выкрикнул Савчук.
- Что «есть»? — спросил Гриша.
- Представляешь, у нее полкружки спирта было. Ха ха ха.
- Подумаешь, — спокойно ответила Лена. — Я и полную могу.

— А ну, смочи, — обрадовался старшина. Он поставил перед собой цель на Новый год напоить всех непьющих. Первым пострадал новый замполит. Но с ним постарался комбат. Замполит все же смог доказать, что он русский, а старшина еще и уговорил его добавить. Теперь Суворов мирно дремал на лавочке, изредка от

крывая один глаз. Увидев, как старается Савчук, Тито ва ответила:

— Нет, я сегодня не буду: девчонок отпустила, а сама дежурю. Пришла сюда на минутку.

— Ну, хорошо. Бегите пляшите. Я тут сам разберусь,— он толкнул в бок замполита и спросил: — А ты что? Все? Может, еще по одной?

Замполит, не открывая глаз, отказываясь, покрутил головой.

— Видал какой? Спит, а все слышит,— произнес старшина. Он посмотрел, как закружились Титова и Гриша и, улыбнувшись, подумал: «Хорошая пара, если б не война, точно поженились бы».

Всю ночь Григорий танцевал с девчонками из взвода связи, но больше всех с медсестрой Березкиной. Баянист только вальсы и играл. Пару раз прервались на частушки и «Барыню», но потом снова попросили вальс. Титова ушла через три танца, Гриша с сожалением вздохнул, но его тут же подхватила Березкина и отвлекла от мрачных мыслей. После двух часов он стал часто смотреть на часы: подгонял время, мечтая скорее встретиться с Таней.

В половину четвертого Григорий пришел в штаб. Взял приготовленный вещмешок с гостинцами и побежал к домику. Дверь оказалась открытой, и ему не пришлось ждать на улице. Он зажег свечу и стал раскладывать на столе продукты. В центре поставил бутылку с вином, открыл консервы, порезал сало и хлеб. Подошел к кровати посмотрел на нее, поправил покрывало и вернулся за стол.

В четыре часа Татьяна не пришла, она опаздывала и заставляла молодого радиста поволноваться. Он выкурил несколько немецких сигарет из заранее приготовленной пачки и вышел на улицу. На пороге они встретились, Татьяна вошла в домик и стала рассказывать, как ее задержали. А Григорий слушал и любовался девушкой в тусклом свете свечи. Ее красивое платье, прическа и веселье, большие глаза обворожили юношу. В какой то миг он почувствовал, что это Титова—вспомнил, что та дежурит, но все равно решил пристальнее присмотреться. Увидел на щеке родин

ку, и тут все встало на свои места. У лейтенанта Титовой никаких родинок не было.

— Успокойся, отдышись,— предложил ей солдат. Он открыл бутылку, налил в стаканчики вино и произнес: — Давай, за Новый год, за Победу и за нас!

Девушка подняла свой стаканчик, они тихонько чокнулись ими и выпили вино до дна.

— Представляешь, как я сегодня бегаю? Везде успеть надо.

— Да, понимаю. Когда же это кончится?

— Что, война?

— Нет. Когда мы с тобой сможем спокойно встречаться и не прятаться.

— Когда «он» к жене вернется!

— Скажи честно, у вас что то было?

— Дурак. Если бы было, я бы к тебе не бегала. Этот человек не любит проигрывать. Вбил себе в голову, что я его подруга, и не отступает. Ему уже все говорят, отстань, видишь, девушка не желает. А он все свое талдычит: «Куда она денется». Я же тебе рассказывала?

— Да. Я помню. Просто иногда хочется с тобой встретиться, погулять.

— Где погулять?—удивилась Таня.

— Ну, гденибудь. По поселку.

— А, а я думала, ты меня в заминированную рощу позовешь,—ответила Таня и засмеялась.

— По этой роще тоже гулять можно. Главное тропы знать и меченые мины видеть.

— Да, в этом что то есть. Между минами прогуляться. А я слышала, ты сегодня нарасхват. Все девчонки только и говорят, как ты хорошо танцуешь.

— На то они и девчонки, чтобы болтать.

— Нет. Правда, хорошо. Я ж хоть и недолго, но тоже с тобой покружилась. Ничего, танцевать умеешь.

— Делать то что сейчас будем?

— Ну, если ты сильно этого хочешь, пойдём, а если не сильно, давай поговорим. Чувствуешь, как жизнь вернулась. Так жалко, всего на один день.

- Значит, нужно сделать так, чтоб он запомнился.
- А у тебя, вообще, много женщин было? Только не ври. Если я тебе нравлюсь, скажи правду.
- Откуда. Конечно, нет. Интернат, учебка, вот и вся моя жизнь. Я только здесь впервые настоящую девушку увидел,— Гриша вспомнил первый день прибытия в бата льон, и в этом воспоминании всплыла Титова. Тогда он просто задышался оттого, какая она красивая. И мечтать не мог, что рядом с ним будет девушка в сто раз симпатичней. Гриша посмотрел на Таню и спросил ее:
- Ты сама то хочешь этого?
- Я боюсь. У меня тоже никого... Девчонки смеются, говорят, это дело поправимое, но я как то не знаю, не так воспитана. Мама в школе работала, всегда говорила, что честь для девушки главное, а отец разрешал с ребятами дружить, но всегда предупреждал, что мальчишки просто по дурости могут исковеркать жизнь. Смотри, говорил, не стань жертвой их баловства. Да и дружила я всего с од ним, Васькой соседом. Два раза в кино сходили и однажды вместе с семьями на речку ездили. Убили его еще в сорок первом. Он был старше меня на два года.
- Да. Тяжело терять близких людей. Война никого не жалеет—бьет в самое больное место.
- Таня опустила голову, и Григорий понял, что она вспом нила что то очень больное.
- Не грусти. Давай выпьем, праздник все таки!— пред ложил солдат.
- Ты уже налил?
- Конечно.
- Они подняли стаканчики и молча выпили каждый за свое. У каждого из них было что вспомнить.
- Ты давай, кушай. Вот консервы, хорошие, рыбные. Сальцо тоже отменное. Я его у старшины выпросил, а хо чешь, как боярыня, вино шоколадкой закусывай.
- Боярыня, тоже мне сравнил. Так аристократы пили: вино ишоколад.
- И ты тоже давай, как они, не стесняйся.
- А сам то поел?

— Я объелся. Весь вечер только и делал, что ел.

— А что ж так, после разведки проголодался?

— Не, закусывал много, чтобы не окосеть.

— А как в разведку сходил — спокойно?

— Нормально. Опять мне не повезло — рацию осколками побило. Второй раз меня рация спасает. Мина взорвалась рядом. Я упал, но спина то торчит, а осколки, они как брызги летят куда попало. Я тебя вспоминал. Лежал в луже грязи присыпанный ветками и думал, как ты там, наверное, ждала меня. Так хотелось бросить все и прибежать к тебе. Забыть, что вокруг немцы, мины, война. Плюнуть на все и прибежать. Найти в штабе дивизии, или где ты там сейчас, но я прятался. Знал, что лучше перетерпеть, но выжить. А по дурацки погибнуть никогда не поздно.

Таня слушала его, не отрывая взгляда. Она смотрела в его душу и хотела понять, насколько близок этот челоуек. Сердце подсказывало: «Близок — решайся — война не кончится завтра — вдруг погибнет — будешь всю жизнь жалеть, что не смогла полюбить того, кто тебя любил честно и не желал валить в постель, как гулящую девку. Был бы негодяй, давно бы утащил, нашел бы слова и оправдания, а он, смотри, сидит и рассказывает о разведке. Признайся ему, что любишь — решайся!»

— Гриша. Ты только не так сразу, ладно? — девушка встала со стула и пересела на кровать.

— Тань, ты что? Мы же не собирались?

Таня молчала. Произнести хоть слово в эти секунды было подвигом. Она опустила голову, взялась руками за коленки и со всей силы боролась с собственным стыдом. Он словно гирия тянул куда то вниз, но невидимые крылышки, в ожидании чего то настоящего, уносили вверх. Маленькая девочка изнутри шептала ей: он хороший, не бойся, это будет ваша тайна, это жизнь, в которой так и должно происходить.

— Тань, ты это серьезно? — вновь спросил радист.

«Какой он все таки дурак слепой», — подумала девушка. Она подняла голову, и Гриша увидел, как по ее щеке скатилась слезинка.

— Ладно, не плачь, я ща все... не бойся, все нормально,— Григорий схватил стул, поставил его у кровати, достал из вещмешка фляжку со спиртом, схватил со стола стаканчики и сел рядом с Таней. Солдат немного провалился в мягкой кровати и, качнувшись, подвинулся и оказался рядом с ней. Гриша замер с фляжкой и стаканами.

— Наливай уж,—выдавила из себя Таня.

— Да да, ща,—солдат поставил стаканчики, налив в них спирт, положил фляжку и произнес:—Давай, так легче будет.

Они одним глотком выпили обжигающий спирт. Григорий вскочил, схватил со стола хлеб с салом и подал его девушке. Второй кусок откусил сам и вернулся к ней. Кровать качнулась, они посмотрели друг на друга, и солдат тихо, чтобы не испугать, обнял ее и поцеловал. Ему было страшно, он не знал, что и как дальше делать, но руки, как будто сами по себе, стали расстегивать пуговицы на гимнастерке.

Пламя свечи задрожало. Страшные тени—свидетели—попрыгали по углам. Григорий прижал к себе девушку, дотронулся до волос и, закрыв глаза, увидел ее в красивом платье, танцующую в клубе. Ему показалось, что он видит себя со стороны. Он танцует с Таней и этот вальс продолжается. Невидимые волны подхватывают и кружат их среди цветов. Ему казалось, что вокруг лето, и он почему-то плывет на лодке по цветущему лугу. Затем этот луг закончился, и он поплыл по пшеничному полю. Это золотое море качалось, и он качался вместе с ним. Где-то рядом словно бабочка летала Таня, и он ловил ее, стараясь не помять крылышки.

Гриша открыл глаза и увидел висящее на стуле платье. Таня, сжавшись комочком, пряталась у него под рукой. Он убрал пальцами волосы, немного сдвинул одеяло и, прикоснувшись губами, поцеловал ее. Девушка, словно спящая красавица, открыла глаза и, улыбнувшись, спросила:

— Что, все? Случилось?

— Я сам не знаю,—ответил растерявшийся солдат.

— Ну а я знаю,—хихикая, ответила Таня.—Случилось.

— Раз случилось, тогда давай за Новый год выпьем!

— А при чем тут Новый год?

— Теперь он точно запомнится. Ты уж извини, что я тебя тронул.

— Ты тоже меня извини, что я тебя потрогала.

— А ты то тут при чем?

— При том, дурень ты мой. Обещай, что больше никуда лезть не будешь.

— Тань, ну мы сейчас тут, под одеялом, а ты о серьезном. Я тебе не отвечу, но кое что скажу. Война не любит, когда ее пытаются обмануть, специально наказывает, но верить нужно. Вот просто без объяснений, верить и все. В этом какая то сила есть, она помогает и спасает. Главное не врать самому себе. Если подумаешь—верю, а сам засомневался—все—проиграл, а значит погиб. Вот и ты верь и все. А если меня куда пошлют, опасное задание дадут, сама знаешь, я откажаться не смогу.

— Ну хорошо, тогда давай за Новый год выпьем. Обещаю, буду честно верить, что мы сможем выжить на этой войне. А главное, я знаешь как сильно буду верить, чтобы ты не погиб, все силы на это отдам.

— Спасибо, Таня. Я знаешь как тебя люблю?

— Как?

— Очень, очень, очень сильно!

— Я тебе верю, люблю и знаю, что мы будем вместе.

Григорий закрыл глаза и представил счастливый послевоенный мир. Он в белой рубашке и широких парусино выштанах, Таня в своем веселом платье и маленькие дети. Все смеются, мальчик и девочка с косичками и большими бантами бегают, играют вокруг папы с мамой. Кажется вот она, эта жизнь—совсем рядом. Но до нее нужно пройти по дороге войны. И вспомнив это, Гриша вернулся в реальность, но, понимая, что у него есть мгновение побыть вместе с любимой, обнял Таню и нежно поцеловал.

Кто то закричал на улице. Григорий открыл глаза и понял, что он все проспал: на улице ходили солдаты и о чем то громко спорили. Таня ушла, пока он спал. Оставила на столе записку. На клочке бумаги солдат прочитал: «Гриша, я тебя люблю. Т».

Григорий убрал в доме, застелил кровать. Собрал со стола оставшуюся еду и положил ее в вещмешок. Вышел из домика и отправился в штаб. Киселев с улыбкой встретил солдата.

— Что, нагулялся?

— Да.

— Хороший Новый год получился. Правда?

— Да, конечно. Первый раз в жизни я так встретил праздник: наелся, напился и даже...

— Что, неужели отстрелялся?

— Нет, все было прилично.

— Но все таки было?

— Да ну вас, вы что меня пытаете? Встретился с девушкой и все.

— Да, Титова, ну баба.

— А при чем тут Титова?

— Ты же с ней в клубе был: танцевал, смеялся. Я все видел!

— Нет, я со своей Таней встречался.

— Ах с Таней. Пусть будет Таня. Ладно, я сейчас спать ложусь и ты, если хочешь, поспи. Весь батальон еще спит. Только на постах бойцы нас охраняют. Так что ложись и отдыхай спокойно.

— А вы то — как время провели?

— Отлично!

— Товарищ майор, вопрос разрешите?

— Давай.

— А что там, в углу опять сапоги тридцать восьмого размера появились. Это случайно не те облеваннные, кото рые сами по себе появляются? Никто не признался, вот так любовь — особо секретная!

— Ты что, разведчик? Все видишь?

— Так точно — разведчик.

— Знаю, сам назначил. Ну и помалкивай, а сапоги — дело странное. Преследуют нас, то появляются, то исче зают.

— Точно точно. Невидимка в юбке их носит. А как за будет, они и появляются.

- Ты свои шуточки брось!
- Кто она? Мне то признайтесь, я же вам честно о своей рассказал.
- Да еСТЬ одна смешная. Все время босиком убегает.
- Это случайно не Титова?
- Нет, но из ее команды.
- Да там же все сопливые.
- А а, значит я старик, по твоему.
- Нет, ну вы с капитаншей врачом хорошо смотрелись в клубе.
- Ты это, лучше в свою сторону повнимательней смотри, а я уже сам разберусь, с кем и как. Иди уже спи.
- Да что то расхотел. Голова разболелась. Намешал вчера и водки и спирта, да еще вина добавил. С утра встал, вроде ничего, самочувствие нормальное, а сейчас что то поплохело.
- Ну, так похмелись. У тебя есть или налить?
- Нет, у меня есть свое — осталось. Я вот только не знаю, чем лучше: водкой или вином.
- Конечно, водочкой. Спирт только не пей, и тогда бы стро отойдешь от этого. Главное, горячего сегодня поешь. Наш Егорка, повар, что то вкусное обещал. Смотри только ему о последней разведке ничего не рассказывай. Мутное какое то дело. Предатель, если он действительно сволочь, погиб, а вы ничего доказать не сможете. Да и потом неизвестно еще, почему он так повел себя. Может, испугался, что ошибся, а увидев ваши рожи, понял, что вы ему не верите. А когда на фрицев нарвались, тут он и решил, что вы его предателем считаете. А он, может, и не виноват?
- Нет, этот англичанин виноват. Он не мог пройти там, куда нас завел — мины, а он точно не минер.
- Ну и что? На фронте все может за один день измениться. Ты говори всем как договорились, не подводи остальных. Я знаю, вы любите кашевару загнуть за банку тушенки или лишний черпак каши, но в этот раз забудь, дурачком прикидывайся. Дело это на самый высокий уровень, туда наверх вышло. На этом заводе торпеды разбирают и делают «морскую смесь». Очень неприятная штука,

рвет народ на куски. Если бы все было, как хотели, многие жизни бы сохранились. Но будем надеяться, что когда ни будь все прояснится. Я пойду, сапоги отнесу, а ты давай, отсыпайся.

Киселев ушел, Григорий выпил водки, закусил хлебом с салом и лег на диван. Сон пришел сразу, и солдат уснул, думая о Татьяне.

Несколько дней все ходили больные. Замполит Суворов принципиально не разговаривал со старшиной, но Савчук продолжал подшучивать над ним. Как потом выяснилось, замполит зачем то пошел в штаб к комбату, но не дошел. Две немки час пытались кого то позвать, чтобы отнести офицера в дом, а он довольный валялся в снегу и не думал, что может замерзнуть. Сердобольные немки отнесли его к себе, а на следующий день Суворов при всех вышел из дома, в котором жили две бабки. Солдаты не смогли промолчать, они подшучивали над ним, предлагали познать комить с нашими старушками санитарками из госпиталя, чем доводили замполита до истерики. Он, будто забыв, что комбат первым предложил ему выпить кружку спирта, обвинил в своем невменяемом состоянии старшину. Каждый раз потом, когда бойцы вспоминали Новый год, все рассказывали, как пьяный замполит уболтал двух немецких старушек провести с ним ночь. Конечно, привирали, и каждый раз в истории появлялось что то новое — смешное, и эта капля радости помогала бойцам и отражалась на суровости замполита.

Через две недели довольный комбат вернулся из штаба и в дверях произнес:

— Все, Гриша, расслабуха кончилась. На минном поле две роты минеров снимаю, мины. Все. Вечером пойдем к внешнему рубежу. Думаю, что окапываться не будем. Нужно прорвать его одним ударом и выйти к городу.

— Понятно. Пожили немного, погуляли и ладно. Пора воевать.

— Конечно, пора. В других частях солдатике Новый год в окопах встречали с кашкой, а у нас вон какой праздник получился.

— Хорошо хоть стучать некому. Новый замполит до сих пор откиснуть не может. Там в комнате опять на дива не спит— прячется от позора. Вы его не трогайте пока, а то он, как проснется, блевать начинает. Все углы уже загадил, и откуда в нем столько харчей.

— Да, вот и думай, где он отоваривается. При нас, вроде, особо не объедается.

— Ладно, пусть спит. Ты давай свою рацию готовь, ве чером снимаемся.

— А моя то все. Я ее в поле бросил, когда в разведке был.

— Тогда беги к Титовой. У нее новую получи. Скажи, через несколько часов уходим. Они пока здесь остаются, а мы вперед— за орденами.

— Есть рацию получить у Титовой. Разрешите идти? — по уставу ответил Гриша и вышел из штаба. Он быстро добрался до дома связисток и, увидев лейтенанта Титову, доложил:

— Товарищ лейтенант, разрешите получить рацию. Мою разбитую пришлось оставить в поле во время разведки.

— Да, конечно. Сейчас мы ее проверим. Ваш позывной «Ураган».

— Как, не понял? — переспросил солдат.

— Ураган. Ну, типа бури, вьюга сильная.

— А, понятно. «Ураган». Мы «Семнадцатые».

— Народу много, полков, дивизий, знаешь, сколько собралось, и у всех свои позывные.

— Хорошо, я понял.

— Так, девочки, рацию проверили, давай! Удачи тебе, солдат!

— Спасибо. Если ее увидите, скажите, где я.

— Обязательно,— ответила Титова и улыбнулась. Эта улыбка показалась Грише такой родной, что он хотел броситься ей на шею и расцеловать, но это была Лена— девушка, очень похожая на ту— единственную и неповторимую, которая по сле праздника ни разу не напомнила о себе. Григорий хотел объясниться с ней, думал, что обидел ее, и хотел извиниться.

Он вернулся в штаб, все проверилещераз, сложил вещи, ненужные отнес к старшине, проверил автомат и четко доложил комбату, что он готов.

— Ну что, пошли?

— Пошли.

Они вышли из штаба и, увидев строящийся батальон, отправились к нему. Киселев подождал, пока все бойцы встанут в строй, и после этого произнес:

— Высоту впереди знаете. Мы по разминированному проходу идем и сегодня вступаем в бой. Сидим до зеленой ракеты. В это время минеры снимут все мины с поля, мы должны их прикрыть. Пока они работают и их незаметно, но после середины поля вид открывается хороший. Немцы их, как зайцев, начнут обстреливать. Мы должны дать хороший бой. Если почувствуем, что схватили за хвост удачу, попытаемся прорвать на этом участке оборону. Впереди еще три сильно укрепленных рубежа, плюс неприступная крепость в самом городе. Она рассчитана на длительную осаду, поэтому придется постараться. После зеленой ракеты пойдут наши друзья танкисты, поле уже будет чистым, с ними два полка пехоты, а дальше армия и весь третий Белорусский фронт. Где будет главный удар, не знаю, но то, что за нами идет армия, точно. Наша задача зацепиться и очистить. Ничего удерживать не надо, наши войска дальше затопчут этот оборонительный рубеж, а нам главное—помочь пробить брешь. Ну что, сделаем, выполним приказ?

— Так точно, сделаем, какой разговор,—загалдели бойцы.

— Ну, тогда, ребята, вперед! Разобрались по ротам и на проход в поле. Дальше чистая дорога и холм высота. Разведчики встали по ротам, если что, подскажите дорогу. Но в любом случае держитесь первой роты. Ваня, понял, да, все идут за тобой.

— Так точно, товарищ майор,—ответил ротный Ваня. Он тяжело дышал паром, болел с похмелья, но держался при этом достойно. Для него праздник закончился только вчера. Двенедели пролетели как один день.

Комбат дал команду: «Направо!» И, махнув рукой, крикнул: «Вперед!», ротный Иван добавил: «Шагом марш!»

12. Внешний рубеж

Батальон прошел по полю и свернул на дорогу. Григорий видел, как длинной цепью идут минеры. Они изредка останавливались, снимали мины и относили их к машине. Одинокая полуторка собирала с поля приготовленную для людей смерть. Одно неправильное движение— взрыв, но эти солдаты не имели право ошибаться или пропускать спрятанные под белым снегом и замерзшей землей мины.

Через два часа батальон Киселева без боя подошел к высоте. Яшка несколько минут метался из стороны в сторону, выбирая удобное место. Он и его снайперская винтовка были наготове.

Киселев махнул рукой, показывая солдатам место. Первая рота залегла на высоте, остальные цепью растянулись вдоль траншей врага. Немцы были совсем рядом, но никто не решался первым открыть огонь. Видимо, после праздника всем хотелось пожить еще чуть-чуть спокойной жизнью. Яшка нарушил это спокойствие. Он высмотрел офицера у окопа и точно снял его. Немцы открыли огонь, батальон Киселева ответил. На небольшом участке в две сотни метров над землей нависла свистящая стая пуль. Одни летели навстречу другим— и каждая искала свою жертву.

— Свяжись со штабом,— крикнул Григорию комбат.

— Есть,— солдат включил рацию и стал вызывать «Семнадцатого». — Ответили,— крикнул Гриша,— Семнадцатый на проводе.

— Доложи, вступили в бой. Ждем поддержки артиллерии.

Григорий доложил слово в слово. Киселев спустился с высоты и перебежками добрался до кустов. Через десять минут непонятной стрельбы заработала артиллерия. Где-то сбоку от поселка заухали орудия, а на позициях врага замерзшая земля стала дрожать, поднимая огромные клубы

бы дыма и грязи. Сначала залпы были разрозненными, грохот догонял взрывы лишь через какие то секунды, но позже над землей навис сплошной гром. Земля уже не дрожала, она стонала от этого грохота и раздражающей ее боли. В этом черном месиве Гриша не мог разглядеть врага: все слилось в сплошную черную тучу, упавшую на землю.

— Хорошо бьют, молодцы,— услышал солдат голос старшины.

— Всем приготовиться,— крикнул ротный Ваня. Он наблюдал за жестами Киселева, а тот, закинув за спину автомат, ползал около бойцов, подготавливая их к атаке. Он подсказывал всем, что скоро артобстрел кончится и нужно будет добить тех, кто сумеет выжить после обстрела.

Минеры преодолели середину поля и стали видны врагу. Киселев посмотрел на них, решая, что делать, а в это время из за позиций врага заговорили два миномета. Их снаряды с дребезжащим визгом стали разрезать небо и взрываться на поле. Люди, словно брызги, разлетались в стороны.

— Нет, так мы ничего не сделаем,— произнес Иван.—

Нужно поднимать людей.— Он посмотрел на комбата и приготовился первым выскочить к вражеским траншеям.

Триста четыреста метров отделяли батальон от врага, и это расстояние нужно было преодолеть на одном дыхании. Комбат поднял вверх автомат и что то кричал. Сотни голосов подхватили его, и солдаты бросились в атаку.

— Кто то кричал «Ура», кто то «За Сталина», но со стороны было слышно лишь гулкое «О а». Там, где только что дымилась облака от взрывов, словно из под земли выросли немцы. Они встретили плотным огнем наступающих и прижали батальон к земле. Кто то пытался окапываться, другие искали спасительный бугорок или трупы убитых товарищей, чтобы спрятаться от смертоносного свинца. Пули словно туманом накрыли подступы к траншеям. Из ДОТа загрохотал крупнокалиберный пулемет, его подхватил и слился с ним второй. Сплошной гул от их зловещего рокота и трескотни автоматов вдавил солдат в землю. Пули вырывали куски земли и людей, отбрасывая их в стороны. Кто то пытался отстреливаться, кто то кричал от боли,

а пули продолжали свистеть и рвать все на своем пути. Неожиданно рокот стал тише, затем еще тише — это Яшка с высоты из своей снайперской винтовки снимал стрелков из ДОТов, но на их место становились новые.

— Мелкими перебежками, вперед! — раздался голос комбата. Он был где то там, у кустов. В этом грохоте пулеметов и шуме автоматных очередей Григорий не слышал сам себя, а голос Киселева, его крик был услышан всеми. Бойцы побежали вперед. Даже те, кто чувствовали страх, были не обстреляны, впервые столкнулись с врагом, поднялись и побежали вперед. Они падали, прятались, искали спасительное укрытие, но, увидев, что батальон уходит вперед за командиром, вставали и шли за ним. На протяжении всей линии атаки бойцы небольшими группами стали приближаться к врагу.

— Гриня, бегом ко мне, — крикнул комбат. — Давай, запроси артиллерию, пусть еще пару раз жажнут, чтобы фрицы в траншеи залегли.

— Понял, товарищ майор.

Радист включил рацию и, стараясь говорить в эфир как можно спокойнее, стал вызывать штаб: «Семнадцатый, я Ураган, прошу два залпа артиллерии», — он повторил это трижды и хотел еще, но услышал, как громом ответили наши орудия.

— Хорошо! Давай еще! — произнес комбат, посмотрев в сторону батареи. — А теперь — вперед! — крикнул он, и по бежал на врага.

Немцы прижались, спрятались в окопах, ожидая новых залпов, и пока первый из них, самый любопытный, не выглянул, они не стреляли. Батальон рвался к траншеям, и когда немцы вновь открыли огонь, до них оставалось сто метров. Батальон залег и ответил встречными выстрелами. Григорий упал, откатился в сторону к воронке, сполз в нее и стал стрелять по виднеющимся над окопом каскам и лицам противника. Несколько человек из батальона, пригнувшись, пробежали и раздали бойцам гранаты. Савчук подтащил ящик и собрал около себя пятерых рослых бойцов. Каждый из них взял по несколько гранат, и они расползлись

в стороны. Подкрались как можно ближе к немцам и начали забрасывать гранаты во вражеский окоп. Комбат сам выбирал этих солдат, проводил соревнование, кто дальше бросит гранату— и сейчас эти люди одну за другой закидывали в окоп врага рвущуюся смерть. Они внимательно следили за командами Киселева, и когда он поднял руку, резко прекратили бросать. Еще не успела осесть пыль от взрывов, а комбат уже встал, крикнув: «За мной!», поднял батальон.

Гриша, спотыкаясь, побежал вперед. Рация мешала и била по спине. Он старался делать короткие перебежки, петлял, падал и снова вставал, а пули продолжали свистеть навстречу, сплошной стеной. Солдат, не задумываясь, бежал и кричал. Он не знал, есть ли среди этой свинцовой стаи та, что предназначена ему. И если она была, то он бежал ей навстречу, а там кто сильнее, тот и устоит. Пуля, она тоже с мозгами, если что, свернуть сможет.

Гриша не думал, где его место, впереди или за спинами друзей, он рвался вперед, чувствуя, как в нем рождается желание разорвать тех, кто убивает его товарищей.

Бойцы, преодолев смертельную стометровку, прыгнули в окопы. Испуганные немцы не ожидали этого, но, увидев рядом противника, бросились на него. Началась рукопашная. Рядом с Григорием оказался молчун Рыков. Гриша увидел, что такое боксер чемпион. Немцы отлетали от него, корчась от боли. А он сносил челюсти направо и налево. Два здоровых фашиста с озверевшими глазами хотели наброситься на него сзади, но Григорий короткой очередью остановил их. Громоздкие трупы упали друг на друга. Рыков, увидев это, повернулся и, подмигнув, с улыбкой качнул головой. Гриша хотел ответить ему, крикнуть, но, заметил, как резко замерло и побледнело лицо солдата. Григорий не слышал выстрела, вокруг были лишь крики и мат. Он присел, прижался к бревенчатой стенке окопа и замер. Только что эти глаза смотрели на него, в них кипела жизнь, а теперь он увидел стеклянный взгляд и пустоту.

— Рыков, ты что? — крикнул солдат, но разведчик не ответил ему и упал на убитых немцев. Григорий привстал и увидел разорванную рану на спине, под левой лопаткой,

точно напротив сердца. Он посмотрел вдоль окопа и заметил испуганного немца. Он сидел, сжимая в руке автомат, трясся и смотрел на убитого им чемпиона Рыкова.

— Сволочь!— закричал Григорий и, перепрыгнув через трупы, с расстояния двух шагов стал расстреливать этого фашиста. Он видел, как тот дернулся, выставил вперед автомат, но Гриша оказался первым. Потеряв над собой контроль, он продолжал убивать его, стреляя только в голову. Немца прибило к стенке окопа, и он, как нарочно, не падал. Григорий не мог остановиться и давил на курок со всей силы. Он скрипел зубами и, чувствуя горечь, орал:

— Сука фашистская! Тварь! На, получай!

В барабане кончились патроны, и автомат замолчал. Солдат посмотрел на то, что осталось от немца, и почувствовал сильный спазм рвоты. Убитый немец продолжал сидеть в окопе, только головы у него не было, а вместо шеи торчали рваные кровавые куски.

— Гришань, ты чего?— услышал он голос старшины.

— Вон посмотри, че немец сделал. Он Рыкова убил.

Старшина посмотрел на убитого Рыкова, на обезглавленный труп, резко дернулся от ужаса, отвернулся и тут же постарался оттащить Григория в сторону.

— Ну, все— все. Это война. Вишь, как она танцует здесь? Успокойся. Отдышись. Надо отвлечься. Вон посмотри, эти два ДОТа— похожи на глаза китайца?

Григорий поднял голову, посмотрел на каменные укрепления и представил, что все это поле лицо, а два ДОТа действительно глаза. Гриша вспомнил взгляд Рыкова и тут же почувствовал проснувшуюся ярость. Оттолкнул в сторону Савчука, достал новый, полный патронов барабан и, перезарядив автомат, бросился к ДОТам.

— Гринь, да все уже, поздно. Дохлые они, эти глаза каменные. Ребята их гранатами забросали. Остынь. На лучше, попей,— старшина протянул ему фляжку.

— Что, спирт?

— Нет, какой спирт— вода.

Григорий сделал глоток и, почувствовав нестерпимую жажду, захлебываясь стал пить из фляжки.

- Кто ж в бой спирт берет. Тут только водичка спасает,— произнес вслух опытный старшина.
- Ага, водичка хорошо пошла, остудила.
- Ты что ж так немца погромсал?
- Не знаю, разозлился.
- Ты это смотри, так воевать нельзя. Убил, все, иди дальше, ребятам помогай.
- Чо то я забылся. Рыкова жалко стало.
- А ты помнишь деда радиста?
- Конечно.
- Ты ж вроде спокойно перенес, что его убили? Даже похоронил.
- Да я не видел того, кто это сделал, а тут все на моих глазах.
- Нет, родной, держать себя надо. Безумие—это плохо. Оно к смерти ведет, так это подводит подводит, а потом тебя просто как бешеного пса—раз и все. Ее, войну, тоже уважать надо.
- Да что ты мне тут гнешь? Я эту, суку войну, уважать буду—нет! Нет! Нет!—истерично закричал Григорий.—Я их всех ненавижу: войну, немцев, предателей!
- Э э, браток, да ты, я смотрю, совсем плохой. Ну что ж, лечить тебя придется,—старшина вылез из окопа, вытянулся во весь свой богатырский рост и, посмотрев на Гришу, произнес:
- Иди ка сюда.
- Ну, что?—дерзко спросил солдат и вылез вслед за старшиной. Но ответа он не услышал. В глазах помутилось, земля закружилась, и Григорий провалился в пустоту.
- Через какое то время он открыл глаза и вновь услышал голос Савчука:
- Челюсть болит?
- Ага.
- Ага, ага—нога! Ты мне это хреновину брось, понял. С умом воюй! Я тебе тельняшку рвать на груди не дам. Не забывай, что ты человек, а не зверь. Понял?
- Ага.

— Вон глянь, вокруг сколько наших вперед идут. Танки пошли, погнались немца до самого города.

— А сколько ребят наших? Все поле в крови и трупях. Ты посмотри на этот снег?—не выдержав, спросил Гриша.

— Нет, пацан. Этого замечать не надо, или солдат в тебе кончится!

— Ну, что спорите? Не ломай его, пусть видит,— крикнул подбежавший Киселев.— Орете тут! Философы! Да, потери большие, и первый рубеж у нас еще впереди, а это так—обводной—внешний. От первого до города восемь километров, и там уже не один окоп, а семь подряд. ДОТы, форты, ДЗОТы, орудия и набежавшая толпа фанатиков, плюс своих защитников немало. Даже детям Гитлер оружие раздал,— объяснил комбат. Он подошел к Григорию и попросил связаться со штабом. Гриша снял рацию, хотел включить, но услышал, как старшина и комбат громко засмеялись: рация была прошита пулями и осколками. Это была третья рация, которая спасла ему жизнь.

— Ну ты даешь!—произнес Киселев.—Возвращайся за новой, а эту сдашь в ремонт. Заодно Титову увидишь.

Григорий промолчал. Челюсть болела, и ему было не до смеха. Нужно было идти обратно в поселок и потом догонять свой батальон.

«Титова была тут ни при чем»,— подумал он про себя, но обижаться на старшину и комбата он не стал.

— Ночью чтоб вернулся. Мне рация нужна. Возьми своих помощников, двух Федоров,— уходя, крикнул Киселев.

— Есть,—ответил радист.

— Один остался,— объяснил старшина. Комбат остановился, посмотрел на Савчука и произнес:

— Ну, дай ему когонибудь. Пусть сразу три рации возьмет.

— Три не дадут. Две дадут. Одну для штаба, другую для разведки, но ты у меня в сарае возьми еще одну, тебе так на них не везет, запас, конечно, нужен. Вот ключ,— произнес Савчук и протянул Григорию ключи от своего сарая в поселке.— И ученого Парова забирай, у него носить лучше получается, чем воевать. Бежит мужики в землю стреляет,

а в окопе с немцем борьбу устроил, пока его ребята прикла дом не оглушили. Забирай, пусть поможет. Скажи, я при казал.

Григорий позвал Парова и Федора. Бойцы подбежали, и он объяснил им, что надо вернуться в поселок за рация ми. Они немного покрутили головами, но затем побежали за ним. Радист ушел вперед. Он шел по полю, не оборачи ваясь, а навстречу, в другую сторону—к передовой—шли бойцы Красной армии, ехали машины и танки. Они смо трели на него и ни о чем не спрашивали. Лишь один весе лый солдатик крикнул из машины:

— Что, браток, досталось?

— Немцам досталось, хребет им сломали,— со злостью ответил Григорий.

— Так их, сволочей! Так! В море гнать и топить!— крик нул в ответ солдатик. Машина уехала, а он еще что то не разборчиво добавил встретившемуся незнакомому связы сту.

— Григорий,— догнав, обратился Паров.— Ты успокой ся. Раньше люди тоже воевали и тоже убивали, но после них приходили другие. Они ценили жизнь и знали, как до рога она.

— Ты это о чем?

— Да о том, что жить нужно всегда. Вот ты сейчас ки пишь, злишься, а все равно ничего изменить не можешь. Лучше живи отмеренные минуты в. счастье. Есть возмож ность, наслаждайся тем, что есть вокруг тебя: лес, поле, снег, и возможность вспомнить Новый год, дом, девушку.

— Откуда ты знаешь?

— Что я знаю?

— Ну что на Новый год было? Про девушку?

— Ничего я не знаю. Праздник был хороший, как до во йны, радуйся тому, что ты можешь это вспомнить. Был бы убит, ни о чем бы не думал.

— А а, ты вон о чем. Да, воспоминания штука хорошая. Особенно если есть что вспомнить.

— Это точно. Так что не грусти: закончился бой, оста лись живы—и слава Богу!

— Федор, а ты как друга потерял?— спросил Григорий солдата.

— Полез он в окоп, а там три немца. Он одного застрелил, а второй его, он и крикнуть не успел.

— Вот и Рыков. Тоже крикнуть не успел, прямо в сердце пули попали. А я даже выстрелов в этой суматохе и шуме не услышал. Как старшина говорит, раз—и все.

— Это ваш разведчик?—спросил Паров.

— Да, наш разведчик. Хороший честный парень, бок сер. Он немцев побил от души, а этого пацана фашиста не заметил, видать, он притворился, что мертвый. Зато я его заметил и пристрелил, да так, что теперь челюсть болит и самому противно.

— Если противно оттого, что убил, значит, Бог в твоей душе живет,— объяснил Паров.

— Ты же ученый, учитель, а тут о Боге заговорил? Почему?— спросил его Гриша.

— Вот потому и заговорил, что ученый. Ты думаешь, от куда вера в человека берется. Все от Бога. Сотни лет наши деды и прадеды в него верили, а тут взяли и запретили— нет, эту силу из души никакими клещами не вырвешь. Она в крови, в молоке матери, во всем, что нас окружает.

— И даже здесь, в этой войне?—спросил Григорий.

— И даже здесь. Без веры человек никуда,— ответил учитель.

— Я тоже верю. Но верю в силу человека, в его честность, в правду. Они тоже могут быть верой, и она, если это честно делать,—спасает.

— Во всем этом и есть Бог, просто ты не называешь его имя, но говоришь его словами. Это обыкновенные заповеди. Их должен каждый соблюдать: быть честным и искрен не верить. Хочешь, я тебе Библию дам прочитать? Сейчас всем солдатам разрешили ее. Сам Сталин согласился, что вера русского народа — это непобедимая сила.

— Сила? — удивился Григорий.— Сила в мужестве, честности и единстве. Так нас в учебке учили на политзанятиях, и я почему то с нашими учителями фронтовиками согласен.

— А ты попробуй, посмотри на все со стороны,— предложил Паров.

— А что мне смотреть со стороны? Я и так все вижу. Вот сегодня в глаза смерти заглянул.

— Это как?— спросил Федор. Он шел рядом, внимательно слушал разговор и никак не решался о чем то спросить.

— Вот так. Рыков мне улыбнулся, головой кивнул, за то, что я двух фрицев, что на него со спины напасть хотели, убил, а потом взгляд его стал холодным и неживым. Только что глаза улыбались, а тут раз и умерли— стеклянными стали. Тут, кто хочешь, одуреет, а старшина мне за это в честь, чтобы я не дурил.

— Ну а ты этого, что в Рыкова стрелял, убил?

— Конечно, убил, всю башку снес.

— Эй, ребята, смотри, машина в нашу сторону возвращается,— крикнул Паров.

— Федор, давай тормози ее.

Машина остановилась.

— Допоселка добросишь?— спросил Григорий.

— Да тут идти то осталось пару километров,— ответил молодой лейтенант.

— А что, подбросить трудно?— еще раз поинтересовался Гриша.

— Рядовой, как вы с офицером разговариваете?— разозлился лейтенант.

— Ты, мил человек, не горячись,— вступился дед водитель.— Глянь, у него вся рация пулями побита. Ребята после боя, они как вы по тылам не шатаются.

— Ну ладно, прыгайте. А в поселке куда?— спросил лейтенант.

— К дому связисток, за новой рацией.

— А потом опять на передовую?

— Да.

— А челюсть что синяя?

— Так рукопашная ж была,— ответил Григорий.

— Да, ну давай я вас и туда и обратно до взятых немецких позиций. Хотите? Пока я добрый и время есть.

— Конечно, хотим. Выручите здорово, а то немного устали, а нам еще батальондогонять.

— Прыгайте, поехали,— крикнул им лейтенант.

— Эх,— вздохнул дед.— Совсем мальчишки, а уже вру копашной были, и выжили же. Значит, добьем немца, ни куда он не денется, раз такие мальчишки воевать умеют.

Машина быстро доехала до поселка и остановилась удома радисток.

— Оля,— окликнул Григорий знакомую радистку.— По зови Титову.

— Да, сейчас,— ответила девушка. Через секунду Титова выскочила из дома.

— Товарищ лейтенант, опять рацию прострелили.

— Ну что ж, бывает.

— Да, бывает, и очень часто. Комбат попросил три взять. Сколько дадите?

— Сколько нужно. Оля, принеси рации,— обратилась Титова к девушке.

— Да, вон сейчас Федор поможет.

Солдат ловко спрыгнул на землю и, сбегав в дом, вынес сначала две, а затем еще одну рацию.

— Мою в ремонт возьмете?— спросил Григорий.

— Оставляй,— ответила Титова. Григорий подал из зова рацию, Федор отнес ее в дом и, вернувшись, шустро за лез в кузов. Паров постучал по кабине ладошкой и крикнул:

— Давай, батя, погнали обратно! Григорий посмотрел на Титову, и увидел, как у девушки по щеке скатилась слеза. Но на мгновение слезинка застыла на щеке и напомнила ему родинку Тани. Чья то невидимая рука схватила сердце солдата и сжала его изо всех сил. Григорий вздохнул, вытерпел боль и, опустив голову, подумал: «Хорошая она девушка. Верю, ей еще повезет. Вон ребят сколько хороших вокруг. А верить в приметы нельзя, хотя все говорят, надо».

Машина съехала с дороги в поле.

— Стой,— закричал Григорий.— Не пойму, Березкина, что ли. Юль— ты?

— Да я, я. Кто же еще. Видишь, солдата нашла, живой еще.

Бойцы спрыгнули с машины, и Гриша обратился к лейтенанту:

— До батальона сами дойдем. Вы раненого в госпиталь отвезите, а то она на себе его так и будет тащить, никому помогать не разрешит — упрямая, я ее знаю. А на машине вы быстро туда доедете. Человека спасете.

— Давай, грузи,— согласился офицер.

Солдаты отстегнули задний борт, положили раненого, посадили Юльку Березкину, забрали рации и еще минуту смотрели вслед уезжающей машине.

— Ладно, пошли. Каждый по рации берет. Комбат ска зал, чтобы мы ночью прибыли. Идти далеко, а уже темнеть начинает.

Солдаты прошли позиции, ДОТы и подошли к домам. Григорий вспомнил, как у этих домов гуляли немцы. Со всем недавно, в разведке он видел их, и слышал, как они смеются. Теперь эта земля молчала. Дома были разрушены, люди покинули их: кто то ушел, остальные погибли.

«Эти немцы были врагами, но они оставались людьми и тоже хотели жить в счастье. Почему же мы убиваем друг друга? Неужели целый народ должен страдать из за одного Гитлера?» — думал Григорий. Паров и Федор шли молча. Но неожиданно Федор спросил:

— Гриш, а ты помнишь свой первый бой?

— Конечно. Мы высоту брали.

— Ну и как?

— Взяли. «Катюши» помогли.

— «Катюши»? Ни разу не видел.

— А что ты вообще на фронте видел?

— Ничего. Вот первый раз сегодня был. Добежал до окопа, спрыгнул, а там одни трупы. Пока опомнился, все и кончилось.

— Молодец, если в первом бою сам добежал.

— Нет. Ротный Ваня пинка дал и наорал. Я его испугался. Он сказал, что расстреляет как труса и дезертира.

— Не бойсь. Все через это проходят. Мне тоже в первом бою старшина в ухо засветил.

— Любит тебя старшина. Часто оплеухами награждает,— произнес Паров.

— Он воевать умеет и знает, когда и как поступить. От самого Сталинграда сюда пришел. Таких, как он, очень мало, но они есть и помогают выжить.

— Я вот не боялся умереть и просто бежал,— ответил учитель.

— Бежал,— возмутился Гриша.— Я слышал, что о тебе старшина сказал. Так, в землю для вида стрелял. Так толь ко предатели поступают.

— Послушайте, молодой человек! Я не позволю так меня оскорблять. Я пришел Родину защищать— и я не предатель.

— Да! — со злостью произнес Григорий.— А ты пони маешь, что значит твой автомат? Если бы ты стрелял во врага и твоя пуля убила бы хоть одного фрица, этот немец не смог бы убить наших— не успел бы, потому что ты бы его убил. А он, наверно, стрелял из окопа и убивал тех, кто с тобой табачком делился.

— А я то при чем? — дрожащим голосом спросил Паров. Он немного опешил от такого грубого и резкого обвинения.

— Как при чем? Ты что, не понял? Если бы каждый в землю стрелял, нас бы всех, как зайцев, в поле положи ли, но кто то стрелял во врага и не давал ему убить тебя. И этот кто то, к примеру, погиб. А ты мог сохранить ему жизнь, если бы выстрелил не в землю, а во врага.

— Гринь, дай я ему морду набью, умнику этому,— воз мутившись, попросил Федор. Он бы сделал это, и Григорий увидел, как горят ненавистью его глаза. Но Гриша по ступил иначе.

— Ты первый раз в бой пошел? — спросил он Парова.

— Да,— ответил ссутулившийся мужчина.

— Ну, если первый бой, то не считается. Первый бой всем прощается, это закон войны, его нарушать нельзя. По нял? — спросил он у Федора.

Тот промолчал.

— В первом бою главное выжить, не подставиться по глупости под шальную пулю, а то, что убивать не смог,—

ничего, научись. Я не знаю, что там говорит твоя вера, но если рядом будут убивать друга, что ты сделаешь? — спросил он Парова.

— Не знаю, — ответил учитель.

— Если не знаешь, уйди в дальний окоп и застрелись. А если хочешь остаться среди солдат, должен намотать ус: нужно убивать немцев, чтобы они не убили тебя — прикрывать каждого, кто рядом с тобой, так как они прикрывают тебя. Понял?

— Да, — буркнув в нос, ответил Паров.

— И запомни: на войне свои законы. Родина тебя одела, накормила, чтобы ты стрелял. Сейчас знаешь, сколько народу в тылу голодает? И если ты ничего не сделал в ее защиту, грош тебе цена. И даже на том свете тебя как воина не примут, а вот они, те, что там, на поле остались, заслужи ли рай, если он действительно существует.

— Да сволочь он! Я тоже в первый раз, но я точно одного толстого уложил — видел сам. А он, скотина, начал слова говорить: немцы люди, они тоже жить хотят, один Гитлер во всем виноват. А в Белоруссии Гитлер не видел и не знал, как они над людьми издевались. Сгонят всех — и детей и стариков — в сарай и сожгут его, а сами в этот же вечер гуляют, музыку слушают. Если бы такие скоты, как ты, все были, хрен бы мы их прогнали. Я хоть и пацаном был, но на всю жизнь запомнил, что это за люди. И офицеры, и солдаты, все — сволочи, гады. Они же нас за людей не считают, мы для них коровы, овцы, но не люди. Они могут идти за цветами в луг и по пути так это от нечего делать застрелить тетку, у которой пятеро детей голодных, и им плевать, что с ними будет. Они цветочки нарвут и пистолетиком побалуются. Так кого ты пожалел? Фашистов? — выкрикнул Федор и, сняв рацию, подбежал и ударил Парова ногой в живот. Мужчина упал на колени, согнулся и Федор хотел добавить, но Григорий поймал его за руку и оттолкнул в сторону. Мальчишка вскочил и со злостью кинулся на Гришу, но интернатовское воспитание гораздо сильнее деревенского. Григорий один раз, хлестко врезал ему в челюсть и произнес:

— Остынь! Хочешь воевать и немца бить?

— Да,— вытирая кровь и сопли, ответил Федор.

— Тогда держи себя. С немцами дерись, а своих не трогай. Первый бой самый трудный — он не считается, а во втором, я тебе обещаю как разведчик, лично пристрелю его, если он опять вздумает на дурачка проскочить.

Федор встал и произнес:

— Ты, Гриша, извини, что я на тебя попер. Хотел ему.

— Я тоже ошалел сегодня и тоже в челюсть получил, но это было во время боя. И то мне старшина замечание сделал: «Нельзя в зверя превращаться — убил, иди дальше, помогай другим». Понял?

— Да,— ответил радист Федор.

— А ты понял?— спросил Гриша Парова.

— Понял. Вы меня, ребята, извините. Да, здесь война и гибнут люди. Здесь совсем другие заповеди жизни: или ты—или тебя. Все, я обещаю, что заплачу этим людям за смерть близких, у меня ведь тоже вся семья погибла. Считал, что Богу это было угодно, но, послушав тебя, за какие то полчаса, понял, что Бог здесь ни при чем. Во всем фашисты виноваты. А сегодняшний прокол во время атаки я отвоюю. Знаю, мне самое опасное задание не доверят, но если вдруг так случится, ты, Григорий, подскажи. Я умру, согласен, и если моя смерть сохранит хоть одну жизнь, я сделаю это без сомнения.

— Ну, вот. Это уже слова бойца Красной армии, а то мямлишь тут. А ты что? С тобой как?— спросил он Федора.

Мальчишка, только что готовый порвать мужика, сидел на снегу, и, спрятав за локтем лицо, распутив длинные, до самого снега слюни, ревел.

— А вдруг меня убьют, и я не успею за мамку отомстить? — заикаясь, произнес он.

— Встать, солдат! Ты забыл, что я старший радист в батальоне! Выполнять приказ!

Федор поднялся, взял рацию и, вытирая слезы, пошел вперед. Григорий отвернулся, чтобы Паров не заметил, как у него сама по себе навернулась слеза. Слова мальчишки зацепили за душу, и он не смог сдержаться.

— Жалко! Всех жалко, и я тоже — гад! Увидел вчера мирных немцев, и пожалел фашистов. Какие они люди? Были бы нормальными, вышли бы из окопов и сдались. Спросили бы, если сами не знают, за что мы убиваем друг друга. Я бы им ответил, что их всех обманули: высшая раса, непобедимая армия! Идите домой, но прежде посмотрите, что вы наделали! Но нет, они надеются, как мы в сорок первом, отбросить нашу армию и начать свое наступление. На что они надеются? У них же нет Урала, Сибири, Дальнего Востока. Вон уже пацаны воюют, а все верят в свою победу. А может, так и надо. Настоящий солдат до конца должен верить в победу. Это настоящие солдаты, а они кто? Обезумевшие люди! Пытаются спасти себя. Наверняка ведь понимают, что война проиграна. На что надеются, непонятно? Боятся! Гитлера, Сталина, русских, всего мира—что их, как собак, перевешают. А может быть, так и надо? Это ж не первая война с немцами? Сколько раз мы их били, неужели до сих пор не поняли, что не победить им нас? Лучший выход— просто всех их уничтожить, но тогда мы сами станем фашистами, а это невозможно.

Бойцы шли молча. У развилки дорог они встретили солдат из соседнего полка. Те показали, куда пошел батальон Киселева.

— Да тут не перепутаешь, иди вперед и все,— произнес Григорий.

— А сколько еще идти? — успокоившись, спросил Федор.

— Не знаю, увидим,— ответил Гриша.

Дорога продолжала петлять. Наступила ночь.

Солдаты шли по незнакомой местности, ориентируясь по следам солдат, танков и машин. Вскоре они увидели костры. Часовые стрелкового полка встретили их и отвели в штаб. Пожилой полковник связался с Киселевым, и тот прислал за отставшими бойцами замполита Суворова.

Через два часа, на рассвете Григорий встретился с комбатом и старшиной.

— Ну что, прогулялись?— спросил он.

— Так точно!— ответил Михайлов.

— Рации взяли?

— Да. Титова три дала. У старшины со склада я ничего не брал,— Григорий отдал ключи Савчуку, и после этого комбат попросил связаться со штабом.

Гриша включил рацию, настроил волну и сообщил об этом комбату. Майор доложил в штаб, что позиции батальона в двух километрах от первого рубежа города. Рассказал об усиленной обороне, ДОТах, фортах и нескольких рядах траншей. Получил приказ разместить батальон в ближайшей деревушке и ждать.

Бойцы батальона ждали команду Киселева. Никто не готовился к обороне и не окапывался. Они сидели у костров и курили. Комбат собрал ротных, показал на карте ближайшую деревню и приказал вести батальон туда.

Утром остатки батальона вошли в деревню. Солдаты увидели несколько домиков. Они стояли в ряд, а за ними начинались хозяйственные постройки: сараи и конюшни.

Бойцы не стали трогать местное население и расположились в холодных сараях. Каждый натаскал себе сена и сделал лежанку. Около сараев для тех, кто хотел согреться, жгли большие костры. Киселев устроился на сеновале с солдатами, приказал замполиту выставить караулы, а остальным отдыхать. Он понимал, что после боя и перехода люди устали. Старшина договорился с машиной — и к утру пригнали полевую кухню.

Веселый кашевар Егор встречал и расспрашивал каждого. Но вскоре его настроение изменилось. Он увидел, сколько человек осталось, и уже не спрашивал, где тот или другой боец. Живые сами приходили за едой. Увидев Григория, Егор улыбнулся и, прыгнув с подножки котла, попросил его отойти в сторону. Один из солдат залез на котел, взял черпак в руки и продолжил раздавать горячую кашу.

Гриша рассказал Егору, что бой был тяжелый. Погибло много ребят, но приказ они выполнили — прорвали обводной рубеж. Кашевар хотел услышать что то еще, но не стал упрашивать солдата. Он видел, как измотан Гриша. Радист поел и отправился в сарай к комбату. Увидев, что он спит,

будить не стал. Проверил рацию и связался со штабом. Дежурная радистка ответила.

— Доложи, что в указанную деревню прибыли! — крикнул Киселев, не открывая глаз.

Григорий выполнил поручение, отключил рацию, нашел в углу удобное место и лег спать.

«Нет, зря я шинельку сдал. Сейчас бы укрылся», — с сожалением подумал он.

Около сарая Савчук раздавал водку. Он привез две канистры, но солдатам не хотелось пить, многие даже не пошли получать ее. Всем хотелось отдохнуть и прийти в себя после трудного дня.

Два дня бойцы отсыпались и отдыхали, к вечеру третьего дня комбат вызвал к себе Григория. К этому времени он перебрался в один из домов, потеснив немцев. Старый сутулый хозяин ушел жить к соседям. Долго ворчал, сверкал глазами и выказывал свое недовольство, пока один из солдат не припугнул его. Спросил, кто из его родственников воюет за Гитлера. Дед отмахнулся рукой, сделал вид, что не понял, но после этого из дома соседей не выходил.

Григорий приходил в этот домик всего один раз, когда относил рации. Он спал и проводил свободное время с остальными в сарае. Старшина привез печки, и на мягком сеновале стало не так холодно, к тому же Гриша сменил ватник на шинель: он накрывался ей, согревался во время сна.

В штабе комбат собрал тех, кто остался жив из группы разведки. Воувка, Рыков и Сашка погибли. Остались лишь Колек, снайпер Яшка и радист Григорий.

— Нужно идти в разведку, — собрав ребят, произнес комбат. — Пощупать местность, определить минные поля. В общем, все как всегда. Единственный вопрос к вам: кого возьмете с собой?

Разведчики долго совещались, кого им выбрать. Батальон сильно поредел, из опытных бойцов остались лишь те, кто не особо умел бегать и снимать мины. Оставалась молодежь. Григорий подумал о Федоре, но, вспомнив его истерику, понял, что в трудный, напряженный момент он

может сорваться. А вот учитель Паров был как раз. Он хотел показать себя, обещал, что сможет доказать и исправить свою ошибку. Григорий рассказал об этом.

— Паров? — удивился комбат. — В последнем бою он себя не очень показал.

— Товарищ майор, этот бой был для него первым. Вы сами когда то говорили, что первый бой не считается.

— Я этого не говорил. Это старшина так считает, но я с ним согласен. И что, твой учитель сможет?

— Знает немецкий, не дохлый, силы в нем есть, и мозги вроде на место встали. Он обещал мне, что докажет то, что он солдат и пришел сюда защищать Родину.

— Ишь какой умный. А мы, по твоему, здесь что делаем?

— Мы тоже защищаем, но он желает отличиться, готов на самое трудное и смертельное задание. Он меня попросил подсказать ему. Этот человек готов умереть, чтобы спасти чью то жизнь. Но я не настаиваю. Если есть другие люди, можно взять их.

— Народу много, но что это за люди, я не знаю, — задумавшись, произнес комбат. — Разведка дело такое — иногда и промолчать надо, чтобы товарищи не пострадали. Ты думаешь, этот учитель лишнего не скажет?

— Нет. Я его научу, расскажу, чтобы зря не болтал. Да он не сильно то и разговорчивый. Может о Боге, конечно, поговорить, но не думаю, что это кому то в глаза бросится.

— О Боге, говоришь. Ну ладно, найди его, — попросил Киселев.

Григорий выскочил из штаба и побежал в сарай. Он открыл дверь и крикнул в темноту:

— Рядовой Паров, в штаб, комбат вызывает!

В темноте зашуршала солома, и к дверям подошел сонный учитель.

— Пошли со мной.

— Куда?

— В штаб.

Гриша закрыл дверь, остановил за руку Парова и предупредил:

— Я помню, о чем ты меня просил. Ты то не передумал?
— Нет.
— Ну, раз готов пожертвовать собой, послужи общему делу.

— Что я должен сделать?
— Пошли, в штабе узнаешь.

Гриша вошел в дом и позвал за собой учителя.

— Ну что, вижу, крепкий мужик,— осматривая солдата, произнес Киселев.— Спортом занимался?

— Да.

— Каким?— с интересом спросил комбат.

— Борьбой.

— Борец! Надо же! И что, как результаты?

— Отлично!

— Это как? Чемпион?

— Выигрывал, отрицать не стану. Но и хвастаться не хочу.

— Ну ладно. До войны в школе работал?

— Да, но не в простой. Интернат для инвалидов.

— И что ж ты там преподавал?

— Физкультуру.

— А немецкий откуда знаешь?

— Я учился в институте, но не закончил. Выгнали из за религиозных убеждений.

— Ясно. Ну что, в разведку пойдешь?— сурово спросил комбат.

— Так точно! Пойду!

— Знаешь, как себя там нужно вести?

— Нет, но догадываюсь.

— О чем же ты догадываешься?— улыбнувшись, спросил Киселев.

— Обо всем, что вижу— молчу, командир сам доложит.

А если что, первым умру. Я готов.

— Ну, вроде наш человек. А что ж в атаке так плохо себя вел?

— Заблуждался. Но Григорий мне объяснил, где я.

— И что? Понял?

— Так точно. Это война. Здесь все по другому! Люди гибнут, и законы жизни другие.

— Ну ладно, не будем об этом. Я понял, что ты можешь и о войне, и о смерти, и о Боге. Пойдешь в разведку — слушай, что ребята говорят, и зря никого не отвлекай. И смотри — не подставляйся и не высовывайся. Понял?

— Так точно.

— Ну и хорошо. Командиром группы назначаю Николая. Пойдете завтра вечером, и присмотритесь, может, пятого найдете. Понаблюдайте за людьми, а я еще с ротными поговорю. А сейчас все, идите отдыхать: отсыпайтесь, хорошо поешьте, завтра в двенадцать сбор в штабе. Гриш, а ты мне этого Федора на рацию пришли.

— Есть, — ответил Михайлов. — Сейчас его прислать?

— Нет, пусть завтра с утра приходит.

У Григория появилось чувство ревности. Как это, кто то вместо него будет выходить на связь. Он вспомнил деда наставника и сам себе сказал:

— Нет! Я теперь разведчик и мое место не здесь, на сиделся в штабе. Пусть он, молодой парень, теперь докладывает, а я в разведке погуляю. Я должен быть там, впереди!

Григорий выходил из штаба последним. Он задержался и спросил комбата:

— Товарищ капитан, а те двое разведчиков, что после госпиталя, где?

— Они еще раньше в свою часть перевелись. Ты тогда, перед Новым годом, в разведке был. Не прижились они в батальоне. У них в полку, видать, особое отношение к разведчикам было, а у нас, сам знаешь, все по простому: что офицер, что солдат, что разведчик — все равны.

— Это точно. Ну, в общем то, если бы я из госпиталя возвращался, тоже попросился бы обратно к вам.

— Ну и нечего их судить. Все мы тут одним делом заняты. И каждый рискует, что на передовой, что в тылу. Еще неизвестно, где труднее.

— Ладно, я пошел, — произнес Григорий, но комбат уже в дверях спросил:

— Как Федор то, нормальный?

— Да, но дерганный. Отомстить рвется. Всю семью у него немцы сожгли,— ответил солдат. Он попрощался и вышел из штаба. На улице его ждал Паров.

— Спасибо, Григорий. Я не подведу, постараюсь,— произнес учитель.

— Надеюсь, а то меня подведешь.

— Нет, не волнуйся. Но ты, если что, подскажи мне.

— Конечно, какой разговор.

Они пошли в сарай. Вскипятили чайник, попили сладкого чая и легли спать. Паров расположился рядом с Григорием. В батальоне радист оказался единственным человеком, кто после неудачного для него боя поверил, что учитель тоже солдат. Но уснуть Парову не дал старшина. Он поднял его и повел налаживать контакты с местным населением. Савчук хотел поднять настроение батальона. После Нового года никак не получалось восстановить боевой дух. Все мечтали о мирной жизни и не рвались в схватку. Из тех, кто пытался спрятаться от пуль, многие погибли. Люди начинали метаться, искали удобное и безопасное место, но находили смерть. А из тех, кто шел и честно смотрел в лицо смерти, многие выжили. Конечно, смелые люди тоже погибли. Белорус разведчик Воувка, Санек, Рыков и многие другие бойцы. Они первыми прыгнули в окоп и там нашли свою смерть. Григорий снова вспомнил немца без головы. Стало немного не по себе, даже заташнило.

— Как я ему так голову отстрелил? — удивился солдат.— Наверное, все пули попали в шею.

На смену воспоминанию пришло видение лица войны. Солдат не мог крепко уснуть и ворочался в какой-то дреме. В этом состоянии видение становилось все отчетливей. Он видел это огромное лицо: глаза—бойницы ДОТов, траншея, словно рот, а холм высота—подбородок. Все это сливалось в одно общее обгонное лицо, и Григорий, увидев его в своем сознании, почувствовал, как где-то внутри рождается страх. Ему хотелось упасть перед этим существом на колени, вымолить для себя жизнь. Но он вспомнил, как по детски ревел Федор. Ему стало стыдно за себя. Однако видение лица не ушло, оно поднялось в небо и встало над

ним. Этот окоп, похожий на зловещий, рваный рот, стал смеяться, и Гриша отчетливо увидел эту гримасу войны.

— Что? Какую гадость ты мне приготовила? Хочешь сделать меня калекой, или убить в самый последний момент?— кричал он во сне. Этот крик уносился в небо и от давался эхом.

— Гриш, ты что? — толкнул его учитель. Он вернулся отдыхать. Когда старшина узнал, что он идет в разведку, то отпустил его. Григорий открыл глаза и, увидев солдата, подскочил на своей соломенной лежанке.

— Давай на улицу!— предложил Паров.— Печка задымила весь сарай. Тут дышать нечем, можно задохнуться. Наверное, дрова сырые кто то сунул, или коры промокшей бросили.

Григорий встал и, качаясь, выскочил на улицу. Свежий морозный воздух ворвался в грудь. От этого еще сильнее закружилась голова. Гриша сел на бревно, что лежало у сарая, и, отдышавшись, спросил:

— Паров, у тебя табачок есть?

— Да ты что? Спал там в этом дыму, чуть не задохнулся, а тут еще курить подавай. Совсем себя не жалеешь.

— Ага, давай,— улыбаясь, ответил Гриша.— Какой же табачок дым, это наоборот хороший воздух.

— Ты подожди немного, отдышись, а то в таком состоянии в разведке нелегко будет.

— Ну ладно, не надо. Сейчас пойду, отосплюсь.

— Вместе пойдем, я тоже устал. Нервы, они тоже знают сколько сил отбирают.

— А что ж ты так занервничал?

— Да стыдно стало перед ребятами, а потом страшно, когда они вспоминать бой начали.

— Чего ты испугался?

— А вдруг они меня в спину— за то, что я не смог людей убивать?

— Забудь. Теперь все будет по другому

— Да. А старшина к комбату пошел, сказал, что нечего мне в разведке делать, и добавил: «Из за таких уродов нормальные пацаны гибнут».

— А ты ему что?

- Ничего.
- Ну и не бойся. Он наверняка просто не знал, что у тебя первый бой был. Ты ж по возрасту давно должен был повоевать.
- Бронь у меня была, не отпустили. Но я все равно добился.
- Ну вот, это тоже многого стоит. Некоторые сами эту бронь через знакомых достают, чтобы на фронт не забрали, а ты, значит, человек нормальный, раз не воспользовался этим. Не переживай. Штаб рядом. Раз Киселев не вызвал, значит, не изменил своего решения.
- Хорошо. Но всем то не объяснишь?
- И не надо. Воюй как следует. Глуши немца так, чтобы все это увидели, и тогда никто не напомнит тебе о твоём первом бое.
- Тебе, Григорий, в политическое училище нужно после войны идти.
- Почему ты так решил?
- Ты, хоть и молодой, но эту жизнь правильно видишь и понимаешь.
- Да, и комбат о том же.
- Ну и иди.
- Нет, я до конца войны отсюда не уйду. Как ни рассуждай, а получается — сбежал. А я убежать не хочу. Будь что будет. Да и девушка у меня здесь недалеко. Как же я ее брошу? Тут знаешь, сколько охотников в погонах командирских. Всем девчонок молодых подавай. Конечно, нормальных больше, но и негодяи встречаются.
- Согласен. Плохие люди везде есть.
- Да, проветрим сарай, протопим и спать ляжем. В разведке всякое бывает. Прошлый раз почти сутки в грязи лежали, и полдня бегали.
- Солдаты вернулись в сарай и распахнули ворота. Подождали, пока дым уйдет, почистили печь и, набрав у запасливых немцев сухих дров, протопили печку. Почувствовав тепло, легли спать. Григорий укутался в шинель. Стараясь прогнать страшные мысли, быстро уснул.
- На следующее утро разведчики собрались все в том же сарае. Яшка долго рассказывало данных разведки и о мест

ности. Единственным спасением были деревья, растущие вдоль дороги. Но и они были редкими.

— Не исключено, что все посадки заминированы. Пойдем осторожно, как всегда, по кошачьему.

Все с ним согласилось. В обед хорошо поели и вечером пришли в штаб. Киселев ничего нового не сказал: нужно было разглядеть на месте удобную для удара позицию.

В начале первого ночи разведчики ушли. Первый километр шли спокойно, но когда увидели оборонительные укрепления, спустились в посадку. Как и предполагалось, посадку и лежащее за ней поле немцы заминировали. Пришлось пробираться медленно. Яшка и Колек шли впереди, проверяя землю примотанными к палкам спицами. Они, как и раньше ветками, метили опасные места. Подобравшись совсем близко, разведчики залегли под кустом и стали осматривать местность. Как назло, ни холмов, ни хохот какой-то рожи не было.

— Ну и откуда тут наступать! Все как на ладони,— возмутился Яшка. Он посмотрел через прицел своей винтовки на немецкие позиции.— Да, тут тебе не там. Встретят как надо. Давай, Гринь, включайся.

— Что, будем передавать?—спросил радист.

— Конечно. Кто там на рации?

— Федор.

— Вызывай его.

Григорий настроил волну и вызвал штаб батальона. Федор, волнуясь, ответил и позвал комбата.

— Товарищ майор, лысая местность. Посадка заминирована. Нужны танки. Без них положат здесь всех. ДОТы через каждые сто метров, а с траншеями вообще засада. Сплошные коммуникации. Там даже не семь рядов, а все двадцать. Причем первые не соединяются со следующими. Если в первый окоп прыгнуть, то перед вторыми выскакать и встать придется.

— Ну а с обочины дороги?—спросил комбат.

— Да тоже ничего хорошего. Мины и редкие деревья. Вот один куст нашли, но за ним весь батальон не поладишь.

— Ясно. Возвращайтесь.

— Вседомой,—скомандовал Яшка. Разведчики развернулись и уже собрались уходить старой дорогой, но в это время на позициях врага вспыхнули прожекторы. Они стали с разных сторон высвечивать куст. Яшка приготовил свою снайперскую винтовку.

— Стрелять или нет, не знаю?—спросил он командира.

— Погоди пока, может, успеем отойти,— ответил Колек. Так, все встали и перебежками назад. Смотрите за метками.

Разведчики привстали и, пригнувшись, пошли вдоль посадки. Прожектор отчетливо высвечивал их, но немцы не стреляли.

— Командир, смотри! Две машины по дороге к нам едут!—крикнул Яшка.

— Так, ближе к дороге, где мин нет, и бегом назад!—скомандовал Колек. Разведчики выбежали к дороге, но машины приближались быстро. Бежать назад смысла не было—догнали бы. Николай принял решение.

— Доброволец есть? Кто останется?

— Я,— не задумываясь, ответил Паров. Все посмотрели на него, а затем на Григория.

— Ну что ж, боец. Твое имя Родина не забудет. Отдайте ему все гранаты, еще один автомат и запасные барабаны. Подпусти поближе, а потом гранатами. Главное машину подбить, чтобы они дальше не ехали. И смотри, отходи истреляй. Наместе не задерживайся. Будешь гранаты бросать, кидай все, не жалея. Главное дорогу перекрыть, понял?

— Так точно,—ответил учитель. Гриша посмотрел ему в лицо и увидел счастливые глаза. Этот человек действительно не боялся смерти.

— Ну что, уходим,—скомандовал Николай. Разведчики выскочили на дорогу и, пригнувшись, побежали к деревне. Все вырвались вперед, а Григорий немного отстал. Рация мешала быстро двигаться, да и ноги почему то не хотели уходить оттуда.

— Может, я останусь,—крикнул он Николаю.

— Нет. Хватит одного— вот если не сможет, тогда все. Но мы еще посопротивляемся, побарахтаемся! Не отставай. Можешь рацию бросить.

— Нет. Я и так уже три штуки угробил. Опять смеяться будут.

— Гриш, тут о смехе некогда думать, бросай.

— Нет. Донесу!

— Ну, тогда давай быстреей.

Григорий прибавил и побежал за остальными. Он натянул лямки, прижал рацию, а автомат отдал Яшке. Минут пятнадцать разведчики бежали в тишине, но неожиданный взрыв разорвал ночную пустоту. Николай остановился.

— Яш, посмотри в свой «глаз» подорвал он машину?

— Ага, готова, горит,— ответил снайпер.

На дороге раздалась автоматные очереди и еще несколько взрывов. За ними отчетливо застрекотал ППШ Парова.

— Давай, учитель, держись!— крикнул Николай.

— Да не слышит он,— произнес Яшка.— Пошли бы быстрее, а то нагонят. Может, мотоцикл за ними? Мы ж не видели.

Разведчики то быстрым шагом, то бегом отходили. И когда в ночной темноте увидели свет деревенских окон, остановились.

— Молодец! Смотри, как долго держится,— крикнул Яшка. Он показал на дорогу и добавил: — Видать, много народу положил.

— Да, хорошо воюет, держит их долго. А ты что, сомневался? — спросил Колек.

— Чего я сомневался. Гришка сказал, нормальный мужик— и не ошибся.

— Да, тот бой был у него первым,— объяснил Гриша.

— Да? — удивился Колек.— Для второго он хорошо держится. Что ты ему сказал, что он таким героем стал? — спросил он Григория.

— Да ничего особенного. Так— о жизни и войне поговорили. Верующий он— считал, что убивать врага— грех,— ответил радист.

- А ты емучто?
- Сказал, что фрицы не люди, их можно, это не грех — Родину защищать.
- Это точно, — поддержал его Яшка. В это время к ним на дорогу выскочили солдаты батальона. Услышав взрывы и выстрелы, они побежали навстречу.
- Ну что, все целы? — спросил на ходу ротный Ваня. Григорий остановился, снял рацию, взял у Яшки свой ав томат и крикнул:
- Ну, кто со мной? Там всего то одна машина. И то, на верное, Паров половину положил.
- Ротный замаялся, Колек в присутствии офицера про молчал.
- Ну хорошо, давай. Первый взвод, отходите с развед чиками, а остальные за мной.
- Ноги как будто стали воздушными. Григорий бежал первым. Увидев горящую машину, он сразу открыл по ней огонь. Его поддержали остальные. Послышались крики немцев, и когда бойцы батальона подбежали к горячей машине, вторая успела развернуться и быстро уезжала к немецким позициям. Солдаты долго стреляли ей вслед, а Григорий, увидев раненого Парова, поднял его на плечо и понес в деревню. К нему подбежал крепкий солдат и со словами «давай помогу» взял за руку учителя. Паров схва тил его за шею, второй рукой взялся за Григория, и они бы стро понесли раненого в расположение батальона.
- Ты как? Больно? — спросил Гриша.
- Нет. Нормально. Терпеть можно, — ответил учитель, и Гриша заметил, как в темноте блестят его глаза, полные радости и жизни.
- Я вернул сам себя! — закричал Паров.
- Не ори, молчи! У тебя легкое пробито. Вон, воздух хывает, — предупредил его солдат.
- Смотри ка, кто это там в темноте к нам бежит? — спросил Гриша.
- Кажись, медсестра, — ответил солдат.
- Тебя звать то как? — спросил радист.
- Серега.

— Ну вот, Серега. Останавливаемся и потихоньку опускаем его на дорогу. Юлька, ты, что ли? — крикнул в темноту Григорий.

— Я. Как он? — ответила девушка. Она подбежала, бросила сумку и стала рвать на Парове гимнастерку. Достала бинты и начала перевязывать раненого. Паров привстал, облокотился на руку.

— Гриш. Я выжил! Смог! — спросил он.

— Еще бы. Всех немцев перебил, нам ничего не оставил.

— Ага, они как муравьи из машины высыпали.

— Молчите! Ему нельзя говорить, — крикнула Юлька. Она закончила перебинтовывать грудь и сразу принялась за правую руку, а затем и ногу. Всего у учителя обнаружились пять ранений.

— Видал? Решето из меня сделали, — улыбаясь, произнес он.

— Ничего, все заживет, — ответил ему радист.

— Так, ребята, аккуратно берем и несем к штабу. Там машина есть. Успеем до госпиталя, — волнуясь, сказала Безрезкина. Солдаты взяли его под руки и быстрым шагом понесли к штабу. Дорога оказалась трудной. Задвести метров до деревни Паров потерял сознание, а когда его принесли к штабу, жизнь покинула солдата. Юлька тяжело вздохнула и отошла в сторону.

— Эх, солдат, что же ты не дотянул? — обратилась она к убитому.

Вокруг собрались бойцы батальона и сняли шапки. Киселев вышел из штаба, посмотрел на Парова и прикинул:

— Завтра похороните его. А я представлю этого человека к награде. Он заслужил. Из штаба вышел Яшка и виноватым взглядом посмотрел на учителя. Вслед за ним появился Колек.

— Мы выполнили задание, а он прикрыл нас, — произнес он.

— Отнесите его в дальний сарай, возьмите новую форму у старшины и попросите его, чтобы нашел человека, кто гробы умеет делать.

— Да я сам сделаю,— крикнул из толпы Савчук.— Там у дома доски готовые есть. А похороним мы его вон там.— Он показал на два дерева. Они росли недалеко от деревни на небольшой покрытой белым снегом поляне.

— Хорошее место, там ему спокойно будет,— сказал старый дед партизан. За эти дни Гриша потерял его из вида, но теперь узнал.— Никто не знает: он был верующим?— поинтересовался дед.

— Все знают! В Бога верил,— ответил Григорий.

— Значит, я завтра ему крест сделаю,— ответил старик.

Солдаты взяли тело Парова и отнесли в дальний не большой сарай. Положили на доски и накрыли белой простыней.

Утром несколько человек ушли копать могилу. Савчук стругал гроб, а старик партизан делал крест. Он всю ночь провел с убитым в сарае. Читал церковную книгу.

Смерть учителя как то странно подействовала на всех. Кто то его не любил, кто то считал трусом, но когда разведчики рассказали о его героическом поступке, все поняли, что погиб настоящий русский человек. Действительно, Савчук был прав, когда говорил, что первый бой не считается. И этот обыкновенный учитель, сумевший, несмотря на бронь, вырваться на фронт, доказал всем, что на фронте человек открывается по другому и в каждом просыпается сила нашего народа. Он смог перебороть себя и погиб как герой.

Комбат собрал разведчиков и попросил написать письмо родственникам. Это считалось высшей наградой, когда кто то писал родным о том, как погиб их отец, брат или муж. На родине погибшего героя это письмо будет тысячу раз перечитываться, его будут хранить как святыню. Довели Григорию. В конце письма он написал: «Спасибо за то, что он спас нам жизнь. Мы отомстим за него фашистам».

Многие на войне погибали незаметно, хотя и они были героями, но вот так перешагнуть через страх и доказать свою любовь к земле родной— не у всех получалось. Паров смог. Получалось, что этот человек обманул смерть. Все кто доживут до победы, вспомнят о его подвиге. Расскажут

другим, и этот учитель будет вечно жить в сердцах многих поколений. Он не просто показал пример, он доказал, что каждый способен быть настоящим солдатом.

Похоронили рядового Парова в два часа дня на поляне у двух кленов. Комбат рассказал о его подвиге. Солдаты дали прощальный залп в честь этого человека и молча разошлись. Савчук выдал желающим спирт. Бойцы помянули учителя и всех, кто погиб за эти дни.

Григорий долго думал об этом человеке, и то, что он обязан ему жизнью, помнил всегда. Могли немцы догнать их на машине, и неизвестно, чем бы кончился этот бой. Разведчики, Яшка и Николай, тоже вспоминали и даже оправдывались в том, что они вернулись.

— Разведотряд обязан вернуться—с потерями или без, но он должен прийти в расположение и доложить о выполненном задании,—говорил Николай.

И все понимали, что задание—это главное. На войне люди погибают, но если на кого то возложено ответственное задание, этот человек через «не могу» должен дойти и выполнить приказ. Разведчики подтвердили данные дивизионной разведки, и командование, зная о трудной местности, стало планировать наступление. Казалось бы, ничего особенного, увидели, что кроме дороги подходов нет, но и эта информация была важной. Командиры знали, где можно пройти быстро, и куда послать минеров, чтобы Красная армия могла нанести решающий и мощный удар.

На следующий день деревня ожила. Подошли танкисты, два полка пехоты—и батальон Киселева растворился в таком количестве народа. Под деревне ходили незнакомые офицеры, солдаты, и все ждали приказ о наступлении.

Вновь, каки раньше, перед обводным рубежом, Красная армия накапливала силы. Недалеко от деревни встала батарея артиллерии, немного дальше—танки. Через неделю прибыли две роты минеров. Они сняли заложенные мины с посадки и поля. Бойцы батальона Киселева прикрывали их. Им помогали пехотные роты. Немец был совсем близко, но уже не решался выезжать на машинах за пределы траншей.

Целый месяц в деревне продолжалась непонятная суе­та. Солдаты и офицеры бегали из сарая в сарай, некоторые заняли дома, и там тоже все бойцы находились в напряже­нии и ожидании.

Григорий вернулся в штаб, чтобы быть при деле. Федор помогал ему. Они с утра до вечера связывались со штабами и докладывали о подготовке. С Таней Гриша никак не мог связаться. Титова обещала помочь, но так и не смогла со­общить Григорию дополнительную, только для них, часто­ту. За такое могли наказать—да еще и вызвать, куда надо. А там пришлось бы оправдываться и объяснять, зачем вы­ходил на связь и с кем именно разговаривал... Вдруг ты предатель и передаешь врагу зашифрованную секретную информацию? Гриша хотел написать письмо, но так и не узнал адрес. Никто не знал Таню. Складывалось впечат­ление, что ее не существует, но радист решил, что в таком количестве штабов и соединений можно легко потеряться одной радистке. Он прекратил поиски и решил, что позже, когда они войдут в город, он продолжит их.

А вокруг уже чувствовалось приближение весны. Устав от зимы, все радовались потеплению, но пришла другая беда — грязь. Поля и дороги превратились в сплошные лужи и земляную жижу. Танки и машины окончательно утвердили бездорожье. Все это отодвигало предстоящий штурм. Но и сидеть на месте не получалось. Иногда разведчики выбирались и исследовали местность. Утопая в грязи, проходили через поля и докладывали о состоянии и подготовке немцев. В разведотряде появились новые бойцы. Одним из них был Сергей, тот самый, что помогал нести Парова, а еще двое—армянин Арен и казах Саша. Дважды отряд попадал под обстрел. А один раз в совмест­ном походе с полковой разведкой к морю нарвались на за­саду. Из разведгруппы батальона все остались целы, а из полковой разведки двое погибли и одного разведчика тя­жело ранило. Его сумели донести назад и отправить в го­спиталь.

Киселев снова начал нервничать. Не любил он сидеть на месте, а в середине марта даже запил. Война стала для

него другой — он ждал открытого боя, а приходилось докладывать одно и то же и козырять разным штабным полковникам.

В марте весна полностью вступила в свои права: остатки снега растаяли, а к концу месяца подсохла земля. На начало апреля было назначено главное наступление. Сам маршал Василевский приезжал на передовую. Он лично смотрел и проверял, все ли готово к главному удару. Григорий впервые увидел маршала. Он не представлял, как может выглядеть командующий Третьим Белорусским фронтом, но, увидев, решил для себя, что он такой же человек, как и все: немного напряженный, но уравновешенный. Уверенный мужчина с тяжелым проникающим внутрь взглядом. Он не кричал и всегда спрашивал спокойно. Лишь старшие командиры услужливо тянулись у него за спиной.

Пятого апреля Киселев построил батальон и объявил: завтра идем в наступление. Его глаза горели, и он был счастлив закончить очередной отдых. Война возвращалась, и то, что предстояло сделать, радовало. Никто не думал о мощных укреплениях, ДОТах и фортах, все хотели поскорее взять этот город и закончить войну.

Замполиты рассказывали, что Красная армия форсировала Одер и подошла к Берлину. Все знали, что скоро начнется один мощный штурм, который навсегда покончит с фашистами.

Неожиданно до Киселева дошла новость, что военнопленные взорвали подземный завод. Комбат долго сомневался, но позже все же представил к наградам всех, кто участвовал в той операции и доставил пленникам рацию. Не забыл он и об англичанине. Указал его имя и доложил о его немалом содействии. Майор не знал, как поступить, и решил всех отметить, хотя сомнения, что это дело еще всплывет, были.

На рассвете шестого апреля батальон Киселева в составе 11-й гвардейской армии при поддержке танков и авиации начал штурм города Кенигсберга.

13. Три рубежа города

За четыре дня до начала штурма началась артподготовка. Она продолжалась до самого наступления. Земля, пре вращаясь в пыль, сплошной стеной поднималась к небу. Здания и укрепленные позиции не могли выдержать такого удара. Навнешних подступах к городу вели огонь вставшие там артиллерийские батареи, а с моря их поддерживали крупнокалиберные орудия Балтийского флота. Позиции и укрепленные районы врага и в городе, и на обводных рубежах были сильно разрушены, но враг не ушел и мощным огнем встретил войска Красной армии. Первыми пошли танки, солдаты побежали за ними. Многие сели на броню, чтобы быстрее приблизиться к первому рубежу обороны города.

Григорий, как и многие бойцы батальона, впервые оказался на броне знаменитой «тридцать четверки». Взявшись за ручку командирского люка, он старался не слететь во время движения. Танк резко бросало от каждой кочки. Тяжелая машина дергалась, но бойцы, готовые вступить в бой, ждали и крепко держались. Их танк ехал по полю, а те, что мчались по дороге, приближались к позициям врага быстрее. Григорий переживал: он был готов первым вступить в сражение, но понимал, что они не успеют быть первыми. На секунду танк задержался и выстрелил. Тяжелое эхо выстрела прокатилось по полю и толкнуло резкой отдачей—да так, что солдаты чуть не слетели на землю.

Поднятая артиллерией к небу пыль постепенно садилась. Черное облако накрывало позиции, пряча врага. Первые танки, что мчались по дороге, вспыхнули и задымили.

— Фаустпатроны,— крикнул старшина.— Хреновая штука.

Танки, что шли за ними, съехали в посадку и повернулись к позициям врага боком. Первый успел развернуться, а остальные загорелись. Пехоту, что сидела на них, взрывной волной разбросало в стороны.

— Давай, родной, давай!— подгонял Гриша механика. Тот, конечно, не услышал солдата, но старался ехать на

предельной скорости: чувствовал, как бойцы горят желанием вступить в схватку.

С другой стороны дороги три танка прорвались. Бойцы спрыгнули с них прямо в окопы и стали расстреливать врага в упор, очищая брешь для прорыва пехоты. Григорий увидел, как завязалась перестрелка, и зарядил автомат. Они тоже приближались к траншеям. Неожиданно рядом взорвался снаряд: двое бойцов, сбитые осколками, упали с танка.

— Ничего, ребята, осталось немного! — крикнул Савчук. — Сейчас и мы ответим!

Последние сто метров танк несся, несмотря на кочки и ямы. Гриша вцепился двумя руками в командирский люк, и когда они, разорвав заграждение из колючей проволоки, выскочили на позицию врага, спрыгнул вслед за старшиной. Он упал, и, не удержавшись на ногах, еще метра два катился по земле по инерции. Немного запутался в колючей проволоке, но постарался сразу встать. Со всех сторон по нему стреляли. Пули свистели, врезаясь в насыпи. На рыхлой земле от их ударов подпрыгивали фонтаны песка. Солдат рванулся вперед, но проволока, словно пружина, потащила его назад. Гриша не удержался на ногах и свалился в окоп. На том месте, где он только что стоял, взорвалась бомба, присыпав землей упавшего в траншею солдата. Гриша стряхнул грязь и стал отрывать колючие стальные пальцы войны — проволоку. Вспомнил своего первого немца. Тот тоже пытался выбраться, но от страха дергался и запутывался все сильнее. Григорий собрался, резко встал, отцепил впившуюся в шинель проволоку, вылез из окопа и, пробежав между воронками, упал в нескольких метрах от следующей траншеи. Выстрелил из автомата и, увидев свободный проход, вскочил, сделал два больших прыжка, перелетел через насыпь и кубарем скатился в глубину окопа. Сбил толстого немца, выронив из рук автомат. Толстяк опомнился и, схватив за шею, стал душить Григория. Но его руки быстро ослабли. Он всей своей тушей упал и на крыл радиста. Савчук сзади ударил немца прикладом по лысой голове.

— Живой?— крикнул ему старшина.

— Ага. Ща выберусь.

Григорий изо всех сил уперся руками в грудь убитого немца и свалил его в сторону. Он схватил автомат, встал и открыл огонь по фашистам. Савчук волчком крутился рядом и успевал отстреливаться в разные стороны. Трое немцев неожиданно выскочили на них из соседней траншеи.

— Сзади!— крикнул старшина, и Григорий, увидев врага, выпустил длинную очередь.

— Короткими бей — короткими!— крикнул ему Савчук.— Видишь, лезут как тараканы! Перезарядиться не успеешь! Давай, ты справа держи, а я слева! Понял?

— Да!

— Давай, Гришань, не стесняйся!

Рядом раздался мощный взрыв, и взрывной волной за бросило в окоп бежавших слева немцев. Один, получив ранение в живот, дико заорал. Савчук короткой очередью прервал этот крик. Рядом разорвались еще несколько снарядов. Взрывы разбросали фашистов. На несколько секунд противник словно исчез, лишь раненые стонали и кричали.

— Отдышись, не гони коней,— крикнул Савчук.— Что это мы тут, двое? Где же остальные?— Не успел он досказать, как над окопом пролетела чья то фигура, за ней еще одна. Григорий выскочил и увидел, как сотни солдат единой лавиной бегут вперед.

— Ну вот и пехота догнала. Глянь, сзади два окопа и впереди четыре, это нас на танке в самую гущу закинуло?— вытирая пот, произнес Савчук.

— Давай вперед, старшина! Потом обсудим!— крикнул Гриша и слился с бегущими солдатами. Он подбежал к ведущему окопу, но там все немцы уже стояли с поднятыми руками, он перепрыгнул через него и побежал дальше. Сбоку его обогнал танк, а за ним показалась, ревущая «Ура!», толпа бойцов. Гриша замер на мгновение, огляделся и побежал к последним окопам, где еще раздавались выстрелы. Рядом, сбоку, сзади бежали солдаты, и он почувствовал силу Красной армии, ее мощь. Каждый стрелял, и этот

треск автоматов сливался в общий монотонный грохот. Где то в стороне взрывались снаряды, отбрасывая солдат, но на их месте, словно из под земли, выростали новые.

Подбежав к последнему окопу, он еще несколько раз выстрелил. Немцы спрятались в глубь траншеи и, выворачивая руки, тянули их, пытаясь сдаться. Григорий остановился, посмотрел на них и со злостью заорал:

— Захватчики хреновы. Ну что, навоевались? Теперь ручки тянете, выжить пытаетесь, сволочи!

Ему так хотелось разрядить барабан в этих людей, но он сдержал себя. А в это время из ДОТа на небольшой высоте загрохотал крупнокалиберный пулемет. Несколько чело век разорвало на глазах. Остальная волна солдат залегла. Григорий прыгнул в окоп, оттолкнул ногой сжавшегося немца и, прицелившись, стал стрелять по ДОТу. Откуда то сзади раздался мощный выстрел. Он оглушил его и солдат. Но следом раздался еще один. Гриша присел, прижался к стенке окопа и закрыл ладонями уши. И в этом глухом состоянии он неожиданно услышал, как кто то кричит ему:

— Сынок, отползи в сторону! Ты что ж под танком то сел? Оглохнешь!

Гриша взял автомат и на четвереньках пополз в сторону, отталкивая рукой живых и мертвых немцев. Несколько минут состояние глухости не уходило, но затем свист пуль и грохот выстрелов вернулись. Звук нарастал с каждой секундой, и солдат понимал, что возвращается в пекло. Григорий решил пробежать по окопу. Оглянувшись, но, увидев немецкий пулемет, перекинул его на другую сторону траншеи и начал стрелять по ДОТу и отступающим немцам. Он вспомнил слова песни комбата и стал в такт коротким очередям кричать их:

— Ой вы ка мушки мо и, ой вы пти цы в не бе сах, ой пе со чек у ре ки да тво и цве ты в по лях. Ой ты круж ка мо ло ка обжи гаешь слов но спирт...

Он видел, как падают фашисты, и старался добить каждого. Пулеметчик из ДОТа заметил его и выстрелил по Григорию длинной очередью. Брызги земли хлестко ударили по лицу, а большие ломти дерна, вывернутые пулями круп

нокалиберного пулемета, разлетелись в стороны. Пули вырыли ямы в крае окопа и почти достали, но Григорий успел спрятаться. Рядом другой пулеметчик отвлек внимание ДОТа на себя. Гриша схватил автомат и уже почти выскочил из окопа, пытаясь приблизиться к врагу, но кто-то поймал его за ногу и сбросил обратно. Он со злостью выставил в незнакомца автомат, но, увидев комбата, замер.

— Ты куда это собрался? — спросил майор.

— Щас я его! Поближе подойду! — со злостью ответил солдат, не понимая, откуда появился комбат.

— Не горячись — там и без тебя все сделают.

Через несколько секунд раздался мощный взрыв, и из бойницы ДОТа вырвалось пламя.

— Ну вот и все. Пошли, — приказал Киселев. Они вылезли из окопа и направились к последней полосе укреплений. Кругом уже спокойно ходили наши солдаты и друг друга спрашивали закурить.

— Товарищ майор, ща я сержанта табачком угощу? — произнес радист. Бой еще продолжал жить в нем, и он сам не понял, зачем спросил об этом комбата.

— Пошли! У них свой есть, — неожиданно ответил комбат.

— Как, а чо ж тогда спрашивают?

— Привычка такая. Свой в кармане, а после атаки все ходят и друг друга табачок просят. Дай закурить — значит, жив, а у тебя табачок есть, и кто-то отвечает — есть, значит, тоже жив. «Дай закурить» — это как «Привет» после боя. Странное состояние. Все ищут товарищей, но главное — себя.

— Это как?

— Если курить хочешь, значит живой. Понял?

— Да. Я тоже тогда закурю.

— Закури. Успокойся. Вишь, как мы его? Немца то?

Если бы у меня всегда столько бойцов было, — задумчиво произнес Киселев. — На одном дыхании: саданули — и вышибли фрица! — улыбнувшись, добавил он.

Григорий достал завернутый в газету табак, оторвал кусочек бумаги, отсыпал на нее и стал скручивать сигаретку.

— Табачок есть? — спросил проходящий мимо солдат.

— Конечно,— ответил Гриша. Солдат улыбнулся и пошел дальше, ничего не взяв. Он тоже, как остальные, решил попробовать. Сделав самокрутку, спросил у проходящего мимо пожилого солдата:

— Есть закурить?

— А то,— ответил боец.

— Эх! Здорово,— ответил Гриша, а боец, усмехнувшись, пошел дальше.

— Есть табачок? — вновь услышал Гриша.

— Конечно.

— Ну так давай,— прохрипел кто то. Григорий в растерянности обернулся и, увидев старшину, протянул ему газету с табаком.

— Я то свой где то посеял,—объяснил Савчук.

— А а,—совсем запутавшись, ответил радист, и тут до него дошло, что Савчук жив и хочет курить. Он хотел броситься и обнять его, но лишь выдал из себя: «Спасибо».

— Чего это ты?

— Ну, за того толстого. Задушил бы, сволочь, меня.

— А а, ну ладно,—ответил Савчук, и отдал табак радисту.—А я все хочу спросить, чего это ты сегодня без рации?

— Теперь штаб полка единый, а мы у них в соединении. Там свои радисты.

— Понятно. В соединении, говоришь?

— Ну, не знаю. В составе их.

— Да, но только вел всех Киселев. И ты должен был быть с ним рядом, со своим говорящим ящиком. Он то, конечно, тебе ничего не скажет, ты поступил, как положено, и воевал смело, но по человечески твое место у него за спиной или сбоку. А вдруг чего скорректировать нужно?

— Да, но он сам сказал—не надо.

— Да мало ли чего он сказал? Ты должен был ответить, что останешься рядом. Он же в тебя верит! Специально нашел, проверил, жив или нет. Я ж видел, как он тебя за ногу не пустил. А остальные побежали. Хорошо, ребята у нас ушлые, со стороны обошли и забросали гранатами этого пулеметчика. А ежели б он стрелял? Крупнокалиберный—

это тебе не игрушки. Зацепило, считай все, а если выжил—инвалид. Так что ты на будущее—имей в виду!

— Что? Тогда нужно за рацией в деревню возвращаться?

— Не нужно. Я случайно одну захватил. Вон видишь, танк подбитый дымится? Подойди к танкистам, скажи: я за рацией прислал. Они там ремонтируются, еще долго стоять будут, но ты иди сразу и потом к комбату. Порадуешь его.

— А Федора не видел?

— Видел. Он еще в поле лег.

Григорий промолчал, посмотрел на небо и спросил:

— Много наших погубло?

— Да считай все. Человек пятьдесят от пяти сотен осталось. Там вон, правее, глянь. Места нет, где покойник не лежит. По трупам бежали.

— Получается, мне повезло,—задумавшись, произнес Григорий.

— Ты, это, за рацией иди и не думай об этом. Рано тебе еще такие вещи обмозговывать.

— Значит, я еще войне нужен,—решительно произнес солдат.

— Все мы ей нужны, и те, что погибли, тоже,—ответил Савчук. Он хлопнул радиста по плечу, повернулся и ушел искать тех, кто остался.

Григорий побежал к подбитому танку.

— Эй, ребята! Савчук рацию оставлял?

— Да. Заберешь? —спросил командир танка.

— Конечно.

— А что ж сразу то не взял? Забыл?

— Нет. У нас штабы объединили, там своих радистов навалом. А теперь нужно рядом с комбатом быть. Мы ж где то остановимся перед следующим рубежом.

— Нет, радист. Вечером должны в город войти. Слышал, да? Второй рубеж на окраине.

— Знаю.

— Ну вот. Значит, штаб твой будет на ногах.

— Посмотрим. Если вечером в город войдем, то и штаб там уже сделаем. Да у нас и штаб то—я да комбат.

— Это неважно, главное, что он есть.

— Ну все, ребята танкисты, покедово, я побежал комбата искать. Вдруг связь понадобится.

— Давай, удачи. Если что—в городе встретимся.

Григорий надел за спину рацию и быстрым шагом пошел к окопам. Увидев Савчука, спросил, где Киселев, и тот показал ему на укрепленное мешками заграждение.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?—спросил солдат.

— А, Гриша. Ну, как сам то? Чего у тебя?

— Да вот, рация. Связь не нужна?

— Золотой ты мой—конечно, нужна. Давай, вызывай!

Григорий снял рацию, включил ее, настроил волну и стал по старому позывному вызывать штаб дивизии.

— Рядовой Михайлов— ваш позывной «Город семь», наш — «Поле»,—услышал он радостный голос Титовой.

— Леночка привет! Соедини с комдивом.

— На связи,— ответила радистка.

— Товарищ майор, комдив!

— Палыч, я знаю, что я с 11 й, но у меня все люди кончились. Дай подкрепления.

— Хорошо. После обеда принимай две роты.

— Ну вот и ладненько! — ответил Киселев. Он отдал микрофон Григорию, улыбнулся и добавил:

— Живем!

— О, смотри, каша едет,— закричали рядом солдаты. Гриша обернулся и увидел три полуторки с прицепленными к ним полевыми кухнями. Они подъехали к первому окопу и остановились. Кашевары залезли на котлы и, открыв крышки, стали кормить тех, кто уцелел в этом бою.

Из кабины выскочил Егор. Увидев своих, он подбежал к старшине и слезно стал умолять:

— Ну дайте мне хоть одного фрица кончить! Дайте, братки, я в долгу не останусь.

— Да ты чо, сейчас нельзя,—ответил Савчук и посмотрел на комбата. Майор отвернулся и махнул рукой.

— Ну... значит, можно,— подытожил старшина.—Тока смотри, в сторонку отведи! Эй, ребята, помогите ему,—обратился он к двум бойцам из батальона.

— Братки, ну не могу. Война кончается, а я все с этой кашей вожусь,—заныл Егор.

— На,— Савчук сунул ему в руки автомат.— Иди вон в окоп.

— А кого?—спросил кашевар.

— Да вот видишь офецерыга — эсесовец. Скажем, что власовец, по русски говорил — их приказано в плен не брать.

— Спасибо, старшина,—обрадовано ответил Егор. Его глаза загорелись, и он с ненавистью посмотрел на немца. Солдаты оттащили его в окоп и крикнули кашевару:

— Ну, иди сюда.

Он быстро прыгнул и пробежал к ним, перезарядил автомат и, увидев глаза немца, замер.

— Вот дурак, в глаза не смотри! — крикнул комбат, но Егор остолбенел. Он увидел взгляд врага и не мог вот так лишиться его жизни.

— Что, слабо?—спросил стоящий рядом солдат.—Иди тогда, кашу вари.

Егор молчал, на его пухлых розовых щеках и лбу появились здоровые капли пота.

— В глаза не смотри!—еще раз сурово крикнул комбат.

— Ну, давай,—стал подгонять его крепкий солдат.

— Не мешайте ему!—крикнул старшина.

Егор обернулся, посмотрел на Савчука и, не поворачивая головы, нажал на курок. Немца отбросило от ударов пуль. Он простонал и замер.

— Все, готов,—посмотрев на труп, произнес здоровый парень. Егор выронил автомат, сел в окопе и прижался руками к земле.

— Оставьте его. Пусть отойдет,— приказал комбат.— Все, есть идите.— И добавил: — Хороший немец, смелый. Понял, что его сейчас расстреляют, но умолять о пощаде не стал. Вот с такими, охреневшими, сегодня встретимся. После обеда снова пойдем в атаку. К вечеру нужно к городу вплотную подойти.

Григорий стоял рядом с ним и все видел. Услышав первую просьбу кашевара, он сам остолбенел и потерял дар

речи. Как это он вот так, когда не стреляют? Но после того, как все произошло, прыгнул в окоп и подошел к Егору.

— Пойдем. Не оборачивайся. Ты свой счет открыл.

— Гриш, как это?

— Нормально. Новообще, нельзя так, это неправильно.

В бою все по другому.

— И что теперь?

— Да ничего, не думай о нем как о человеке. Помни что это враг. У тебя кто от фашистов пострадал?

— Мать с отцом расстреляли— за то, что брат в партизаны ушел, а сестру в Германию увезли.

— Ну, вот ты и заплатил им по счету.

— Нет. Нужно еще двоих.

— О, дая смотрю, тебе понравилось?

Егор выпрямился, в его глазах появилась злость:

— Ничего мне не понравилось. Я должен это сделать, чтобы потом жить спокойно. Поможешь мне?

— Посмотрим,— ответил Гриша. Он внимательно по смотрел на кашевара и решил, что этому человеку нужно помочь, но тут же вспомнил о негласных законах войны. Не любит она, когда таких сильных, как этот фриц, расстреливают те, кто не прошел по кровавой земле. Может, это так— а может, иначе? Но у Егора своя месть и он, возможно, должен сделать это. Вот только война— как она на это посмотрит?

После обеда Киселев принял три роты пополнения. Палыч поставил ему трудную задачу и потому усилил батальон. Солдатам предстояло взять железнодорожный узел. Комбат получил план города и укреплений и про считывал кратчайший путь, когда кто то громко крикнул: «Воздух!». Откуда прилетели эти два «мессера», никто не знал. Тут же доложили в штаб и подняли звено истребителей. Но «мессеры» успели бросить в толпу солдат две бомбы. Одна упала в окоп, и от нее мало кто пострадал, но вторая взорвалась рядом с кухней, разворотив котел с кашей. В этом месте стояло больше всего солдат. Из тех, кто не успел спрятаться, погибли все, в том числе и Егор кашевар.

— На тебе, всех кашей накормили,— произнес старшина.— Смотри, как всех обляпало. На каждом вместо осколка каша. Ну что ж, мы поняли— это не игрушки. Сука злопамятная напомнила, что уважать ее надо. Эх, Егорка, что же ты, дурень? Фрица убить захотел?

В небе появились три истребителя. «Мессеры» попытались уйти, но наши летчики догнали их. В воздухе было полное превосходство, и немцы загнанными зайцами метались в небе. Они пытались отбиться, но ничего сделать не смогли. Два истребителя зашли с двух сторон и почти вплотную расстреляли вражеский самолет из всех пулеметов, что были на борту. Второй «мессер» несколько минут набирал высоту, затем развернулся и, делая что-то похожее на мертвую петлю, также попал под огонь истребителей. Один подбитый «мессер» упал около ДОТа, а второй долго парил, оставляя за собой хвост дыма, и разбился где-то за пределами видимости.

Раненых тут же увезли в госпиталь, а убитых отнесли к похоронной команде. Комбат построил батальон и приказал идти вперед.

Через два часа бойцы батальона подошли к минному полю, дальше шли окопы и стояли орудия врага.

Еще через час началась артподготовка и продолжалась два часа. Сразу после этого батальон пошел в атаку.

Три роты майора Киселева были не единственными. Григорий посмотрел вокруг и увидел, что большое количество людей со всех сторон двинулись вперед. Из небольшой лесополосы выехали танки и, прикрывая наступление, на полном ходу помчались к окопам.

Все эти траншеи с пулеметами и немецкие орудия даже не считались рубежом. Следующий, второй рубеж находился на окраине города. И отступающие немцы шли к нему. Но Красная армия набрала мощь и скорость, солдаты, не останавливаясь, шли вперед, приближаясь к городу. Два раза немцам удалось положить солдат, прижать их к земле, но это произошло лишь на отдельных участках. На остальной линии фронта бойцы не останавливались. Немецкая армия предпринимала все, что могла. Солдаты

Вермахта отстреливались, но все их усилия были тщетны. Красная армия единым ударом отбросила все остатки немецких войск к городу.

На горизонте появились первые дома — окраины города. Это придало новых сил бойцам. Приблизившись вплотную, освободив последний перед городом окоп, бойцы залегли в нем. Небольшая передышка была нужна каждому. Начался другой бой. Немцы из каменных укрытий, ДОТов и минометных точек стали давить огнем. Балтийская артиллерия продолжала бомбить сам город, но окраины оставались целыми. Все боялись попасть в своих. Киселев вызвал по радиации штаб и скорректировал огонь. До семи вечера наши батареи не умолкали. Немцы продолжали вести огонь в ответ, но с каждым часом он слабел, и каждый солдат чувствовал, что фашисты задыхаются. Танки и САУ также стояли вдоль окопа и обстреливали окраины города. Киселев связался со штабом и получил приказ наступать. Рядом, с левого фланга, войска 43 й армии уже сломили сопротивление и вошли в город. Нужно было их поддерживать и расширить созданный прорыв. Комбат разложил карту и приказал собрать всех командиров. Прибывшие из резерва офицеры рвались в бой. Они стояли в запасе и со стороны смотрели, как другие проливают кровь, добывая немцев. И теперь, получив приказ и прибыв под командование Киселева, хотели внести свой вклад в Победу. Те, что служили с Киселевым раньше, после первого рубежа погибли: ротный Ваня, замполит Суворов и многие другие сложили свои головы, выбивая из окопов врага.

Выбрав широкое место в окопе, Киселев стал рассказывать офицерам о плане действий:

— Так. Вот эта широкая улица! — начал он. — Идем по ней до третьего перекрестка, дальше третий рубеж обороны города, но мы на перекрестке свернем направо. Улицы не называю, все равно не запомните. На третьем перекрестке — направо, запомните. Дальше — по прямой до конца. Выходим к железнодорожной станции. Наша задача взять ее и перерезать железную дорогу Кенигсберг — Пиллау. С другой стороны туда же будут наступать бойцы 39 й ар

мии. Вот мы совместными усилиями должны взять станцию и отрезать отход немцам. Все понятно?

— Это вон та улица, что за двумя трехэтажными домами начинается? — спросил худой, небольшого роста лейтенант Саленко и показал на окраину города.

— Да, она. Сейчас поднимаем батальон и все в одно место. Пусть солдаты используют укрытия: дома, заборы, деревья. В открытый бой не лезьте. Там наверняка в окнах автоматчики засели. Снайпера есть? — спросил комбат

— Да,— с акцентом ответил командир роты Георг или, как все его называли, Жора. Этот высокий плечистый грузин внимательно всматривался в карту, а потом долго разглядывал начало улицы своими жгучими черными глазами. Услышав вопрос комбата, он сказал, что в его роте есть три хороших снайпера. Все—сибиряки, из одной учебки. Молодые ребята, доказавшие, что они не только белкам в глаз попасть могут.

— Хорошо. К каждому поставить три пять человек для прикрытия, а они пусть самых опасных автоматчиков и пулеметчиков снимают,— объяснил комбат.

— Сдэлаем,— спокойно ответил грузин.

— Ну, вот и ладно. Вам полчаса, чтобы объяснить маршрут солдатам, а потом за дело.

Офицеры разошлись. Комбат подождал отмеренное время, связался со штабом, попросил прекратить артобстрел и поднял батальон в атаку. Григорий был рядом, он помнил слова старшины о том, что рация в любой момент может понадобиться. Так и получалось, комбат часто связывался и с Палычем и со штабом армии. Гриша, выходя на связь, узнавал голоса: это была рыжая Оля, один раз ответила Титова. Девчонки тут же менялись в голосе, узнавая его. Некоторые обращались по имени, и в этой напряженной обстановке, когда вокруг все гремело и взрывалось, эти голоса казались такими близкими.

Батальон пошел в атаку, немцы встретили его плотным огнем. Пробежав двести метров, солдаты залегли, и казалось, нет возможности прорваться. Пять укрепленных ДЗОТов и ДОТов вели прицельный огонь. Постарались

снайперы из роты Жоры. Они сумели держать три укрепленные точки под постоянным обстрелом. Не успевал новый солдат встать к пулемету, как его тут же убивали. Увидев это, Георг поднял свою роту и рванулся вперед. Снайперы остались на месте, продолжая держать под прицелом опасные точки врага. Киселев поднял остальных. Над позициями противника пролетели наши самолеты и сбросили несколько бомб. Эти взрывы помогли, клубы дыма и поднятая пыль прикрыли наступавших и прижали к земле врага. Несколько минут после взрыва хватило, чтобы солдаты приблизились вплотную ко второму рубежу. Забросав противника гранатами, они прорвались к городским укреплениям и в упор стали расстреливать немцев.

Противостояние на окраине города затянулось. Немцы, как предполагалось, засели в домах. Они знали здесь каждый проулок и использовали это. Но уже через час на указанную улицу въехали наши танки. Танкисты не скромничали — рушили дома и выстрелами и гусеницами. Причем стреляли по нижним этажам сразу из двух трехбашенных орудий. Дом рушился со всеми пулеметчиками, засевшими на верхних этажах.

— Первая рота за танками, вторая справа, третья слева под домами! Вперед, — крикнул Киселев.

Григорий был рядом, он посмотрел на солдат и увидел, что все услышали его команду. Радист не понимал, как это у него получается: среди рева танков, взрывов и выстрелов докричаться до каждого. Видно, что то особенное было в его голосе, да еще сами бойцы помогали, передавая его приказ по цепи. Голос комбата, словно эхом, отдавался по среди гуляющей войны. Позже Григорий понял, что это эхо голоса таких же, как он, солдат. Но в тот момент радист держался рядом с комбатом.

Выскочив из-за дома, они, прячась за танком, стали медленно продвигаться по улице. Со всех сторон по ним стреляли. Пули со свистом отскакивали от брони танка. Снайперы не успевали снимать пулеметчиков. Почти из каждого окна и подъезда велся огонь. Через сто метров из

тех домов, что остались сзади, выжившие немцы открыли огонь в спины солдат батальона.

— Саленко! Очисти дома! — крикнул Киселев. Молодой лейтенант с взводом бойцов кинулся в подъезд, затем в другой. Он методично уничтожал пулеметчиков, прекращая их выстрелы. Тех, к которым было особо трудно добраться, забрасывали гранатами. Небольшая заминка в движении собрала отставших бойцов. Все приготовились быстро перескочить через первый перекресток. Вперед пошли танки, но не успел механик высунуть на перекресток доружник, как ему в бок попал «фаустпатрон». Танкисты выскочили. Бойцы батальона прикрыли их от нем. Подбитый танк перекрыл дорогу остальным, но вторая машина сдвинула его в сторону и закрыла видимость со второй улицы. Киселев с первой ротой, используя это укрытие, перебежали через перекресток, и сразу попали под перекрестный огонь из домов. Прячась за одиночными деревьями и углами зданий, они вступили в перестрелку, но два танка сумели пройти дальше по улице. Они расстреляли из орудий дома, и постепенно плотный огонь врага превратился в одинокие выстрелы. Киселев махнул рукой, и бойцы побежали за ним по улице. Саленко с бойцами шел сзади и продолжал обшаривать дома и добывать тех, кто сумел затаиться. Комбат с небольшими потерями пробился ко второму перекрестку. Остался один танк. Второй немцы подбили, бросив из окна несколько фанат. На очередном перекрестке улица была перекрыта баррикадой. Сложенные друг на друга мешки с песком были хорошим укрытием, к тому же немцы оборудовали огневую точку и поставили крупнокалиберный пулемет. Эта адская машина заработала и скосила часть первой роты. Комбат с солдатами укрылись в подъезде трехэтажного дома. Поднялись на второй этаж, выбили дверь и залегли под окнами. Бойцы стали вести прицельный огонь, но успокоить пулемет не могли. Григорий видел двух немцев, сидящих за ним. Он стрелял в этих людей, но они словно заговоренные продолжали вести огонь, расстреливая тех, кто прижался к полу круглой, выложенной из булыжника мостовой.

— Ну, танкисты, чего вы там? Дави его на хрен! — крик нул комбат. И танкисты как будто услышали его. Танк газанул, выпустил большое облако белого дыма и, сорвав шись с места, снес огневую точку вместе с мешками и пу леметчиками.

— О, молодцы! Ну что, давай за ним! В проход! — крик нул он спрятавшимся в доме бойцам. Солдаты выскочили из дома, а комбат на мгновение замер. Он оглянулся и, уви дев подкрепление, улыбнулся.

— Вы чьи будете?

— Сергея Петровича! — ответил капитан.

— А а, знаю. Ну, слава о вас хорошая. Как пойдете? С нами?

— Ты майор Киселев?

— Да.

— Значит, с тобой.

— Отлично. Задача такая. До того перекрестка, но через мешки с песком не прыгаем. Уходим вправо и на железно дорожную станцию.

— Слушай, комбат, — обратился к нему усатый капи тан. — Посмотри карту. Видишь, можно раньше свернуть и идти не по большой улице, а по вот этой тонкой. Она па раллельно до самой станции идет.

— Отлично, значит, на повороте уходим вправо. Где Са ленко?

— Я здесь, — отозвался лейтенант.

— Остаешься на углу, прикрываешь и всех направо от правляешь. Понял? Да подгоняй, а то плетутся как сонные мухи. Ну что, «говнюки», вперед!

— Ты это, комбат, не заговаривайся, — обиженно произ нес капитан.

— Хорошо, я без обид, — немного оправдываясь, от ветил Киселев. Они выскочили из за танка и побежали вдоль улицы, обстреливая дома. Единственный танк ухал прицельно. Он затыкал все попытки остановить бегущих.

— Все за угол — этот поворот! А ну, капитан, сравни на звание улицы. Вон видишь, табличка болтается.

— Она! — ответил капитан.

— Отлично! Вперед! — крикнул майор. На этой улице особого огня не было. Из окон не стреляли, лишь изредка немцы выскакивали на дорогу, но их тут же сносили в сторону пули бегущих. Киселева с бойцами догнал танк. Его, как и других, завернул лейтенант Саленко. На танке сидели бойцы второй роты и их командир Жора.

— Давай, давай вперед! — крикнул им Киселев и махнул рукой, показывая направление, — там, у станции не горячитесь, дождитесь нас! — Жора кивнул головой, и танк помчался вперед, солдаты побежали за ним. Комбат оставался, выставил вперед грудь и глубоко вздохнул несколько раз. К нему подбежал Григорий.

— Я здесь, товарищ комбат!

— А, Гриша, молодец! Ну что, кричать по радиации пока не будем! Пополнение подросло и ладно.

— Обидчивые какие то, — произнес радист, вспомнив о недовольном усатом капитане.

— Так, пошли, по пути расскажу. Только ты за домами и улицей следи. А я сейчас остальных подгонять буду.

Мимо них продолжали бежать солдаты, и Киселев грубым голосом заорал:

— Бегом, не ленись, там наши ребята ждут вас, а вы еле тянетесь.

Бойцы ускорили темп, но им мешало свободно бежать то, что приходилось смотреть на окна и дергаться от каждого солнечного блика.

— Что я там тебе рассказать хотел? — спросил майор Григория.

— Да об этом капитане.

— А а, ну ничего особенного. Командир полка у них полковник Замятин. Он любит слово «говно». Все у него кругом этим словом названо, и позиции, и люди. А бойцов любя «говнюками» называет. На него они не обижаются, потому что он за каждого горой стоит. Пацана сержанта хотели в штрафбат за неподчинение, он — отстоял. Доказал, что боец прав. Конечно, в мирное время ему бы не позволили этого сделать, но на фронте все по другому. Он многим зубы повышибал. Одни говорили, у него дядька

в штабе у Сталина, другие — что жена в Москве доступ в Кремль имеет, из за этого, мол, не трогали и молчали, но я то знаю: он простой мужик из деревни под Калугой, а то, что смелый и дерзкий, так просто по натуре такой. Но его «главным говнюком» за это слово обозвали, ну и за характер не простой, а бойцы его, значит, «говнюки». Понял?

— Да.

— Только ты смотри, не ляпни им, по морде схлопочешь. Они ребята смелые, не любят этого. Я уже с ними встречался. Воюют хорошо, вот только обижаются часто,— ответил комбат и улыбнулся.— Ну, вот и Саленко с последними. Все, что ли?—спросил он лейтенанта.

— Да вроде всех собрал.

— Ну, тогда давай веселее. Там, наверное, наши уже на станцию выскочили, в бой вступили.

— Нет. По карте километра четыре. Быстро не успеют, но у меня есть мысль.

— Какая? Говори!

— Там, удома, немецкая машина. Если заведем, то всех соберем и наших догоним.

— Где машина? Быстро к ней!—крикнул комбат.

Саленко повернулся и побежал назад. Завернули задом и Григорий с комбатом, следуя за лейтенантом. У двух этажного особняка они увидели грузовик. Комбат открыл дверь машины, выдернул из под руля провода, и через секунду автомобиль затрясло, двигатель загудел и завелся.

— Давай в кузов, Гриша, а ты — в кабину. И рацию готовь: может, придется огонь артиллерии скорректировать.

Радист залез в кабину, поставил под ноги рацию, и машина резко рванулась, но потом медленно и плавно поехала вперед. Комбат завернул на нужную улицу и стал догонять бегущих солдат. Отставшие, решив, что это немцы, остановились и, выставив автоматы, приготовились к бою. Небольшая фигурка Саленко словно памятник возвышалась над кабиной. Он звонким голосом противно орал, и был заметен за километр. Бойцы поняли, что это свои, и стрелять не стали. Машина подобрала их. Отставшие за

прыгивали на ходу. На некоторых лейтенант кричал матом, но при этом помогал залезть в кузов.

Через десять минут машина была полной.

— Плохо это. Полный кузов бойцов. Один снаряд, и сразу всех,— выглянув в окно водителя, произнес комбат.— Ну да ладно, мы сейчас по быстрому догоним наших.

Майор добавил газу, и машина понеслась по улице. Отставшие солдаты еле успевали отскакивать на обочину, а Саленко сверху орал им:

— К станции, по прямой. Быстрее!

Машина неслась по ночной улице. Затянувшиеся сушки сменились тьмой, но через двадцать минут Киселев догнал танк, чуть не врезался в него, так как ехал без фар. Посигналил и, высунувшись, крикнул Жоре и капитану:

— На выезде стоим! Ждем всех!

Киселев выскочил из машины, Григорий, надев рацию, последовал за ним.

— Давай, Гриш, включайся. Попроси огня у артиллерии. Пусть пару раз по станции врежут.

Григорий вызвал штаб и попросил поддержку. Через минуту раздались первые взрывы. Они взорвали несколько вагонов и разнесли небольшое одноэтажное здание. После этого из длинного с большими окнами здания застрекотал пулемет. Его подхватили автоматчики. За станцией, на рельсах, стоял состав, из под каждого колеса которого были видны вспышки выстрелов.

— Капитан, бери своих и цепью с правой стороны, а ты, Жора, слева. Я в лоб пойду,—скомандовал комбат.

Солдаты перебежками стали растягиваться вдоль большой площади перед станцией. В это время выстрелил танк. Его снаряд пробил насквозь здание станции. Влетел в окно и, выбив с обратной стороны второе окно, взорвал стоящую за зданием цистерну с топливом. Цистерна и стоящие рядом еще две взорвались одновременно. В небо вырвалось огромное пламя и, словно цунами, прошло по земле, пробило огненной волной здание и весь стоящий за ним состав.

— Ну, блин, пожарник! Всех поджарил,— произнес Киселев, посмотрев на танк. Он встал и подбежал к грузовику.— Лейтенант!— крикнул он Саленко.— Убери танк!

Офицер выскочил к триплексу механика и, махая руками, показал, чтобы тот отъехал в сторону. Майор завел машину, включил скорость, положил булыжник из мостовой на педаль газа и, выскочив из нее, пустил машину к зданию станции.

— За мной,— закричал Киселев. Прикрываясь за машиной, бойцы бросились за комбатом.

Устроенный танкистами пожар осветил площадь, но когда огонь стал догорать, клубы дыма заволокли небо, и над станцией наступила крошечная тьма. Само здание сгорело, но рядом уцелели небольшие служебные постройки.

— Как бы своих не перестрелять?— взволнованно произнес комбат.— А ну, солдат,— обратился он к бегущему за машиной бойцу,— передай по цепи: прекратить огонь!

Выстрелы умолкли. Комбат посмотрел на догорающие трупы немцев, обернулся и, позвав Жору, приказал проверить ближайшие дома.

— Григорий! За мной!— крикнул Киселев.

Они пробежали вокруг развалин зданий, составов и, убедившись, что немцев нет, Киселев приказал связаться со штабом.

— Поле семь, Поле семь,— стал вызывать Григорий,— ответь, я— Город.

Женский голос ответил. Гриша не узнал, кто это, он сразу передал микрофон комбату, и тот попросил вызвать штаб армии. Киселев доложил, что станция захвачена. Оказалось, что в порту идут тяжелые бои. Он попросился выйти им в поддержку, но получил приказ закрепиться на захваченном плацдарме и контролировать станцию. Главное— отрезать сообщение с Пиллау. Из штаба армии предупредил, что немцы ночью будут пробиваться к станции, чтобы вырваться из кольца.

Закончив связь, комбат дал указания, и солдаты разобрались по ротам и взводам в уцелевших зданиях. Оставшихся двух снайперов разместили в самой высокой точ

ке — на пожарной колокольне, что стояла сбоку от площади. Приказали спать по очереди и внимательно следить за появлением врага.

Усатый капитан из полка Замятина с отрядом саперов взорвали все железнодорожные линии. Ни один состав не мог бы после этого отправиться со станции. Они также нашли два вагона с пленными и освободили их. Киселев получил новое неожиданное пополнение, пленные были из Белоруссии. Их готовили к отправке в лагерь. До этого они укрепляли позиции и почти неделю без отдыха носили ящики в крепость. Эти люди сами нашли оружие, собрали его у сгоревших и убитых немцев. Один из коммунистов построил их и привел к комбату.

Киселев не стал особо разбираться, кто они. Он приказал взять под контроль широкую улицу, по которой первоначально предполагалось идти. На этой улице уже закрепились остатки третьей роты батальона, и пополнение оказалось кстати. Именно там немцы нанесли главный удар. Несколько отрядов СС всю ночь пытались пробиться к станции.

На рассвете бой закончился. Немцы отступили и ушли вглубь города — в крепость. На станцию приехали три танка. Танкисты рассказали, что половина города, порт и важные объекты захвачены. Последний — третий — рубеж еле держится. После обеда назначен штурм, который должен перерасти в овзятие крепости.

Война гуляла в городе, выстрелы и взрывы не прекращались. Местное население словно растворилось, одинокие дома с выбитыми стеклами — черными глазницами — смотрели на людей.

— Гриш, ты Савчука не видел?

— Нет.

— А Березкину?

— Юлька там, еще на окраине осталась. Я видел, как она со своей сумкой выскочила из окопа, когда ДОТы взорвали. Там много народа побито. Наверное, и раненых немало.

— Понятно. Где же Савчук? Кто народ кормить будет. Что ж делать? Может, тебя старшиной назначить?

— Нет, у меня свое дело,— и Григорий посмотрел на рацию.

— А чему ты так рад?

— Эта рация везучая, я ее уже два дня с собой ношу. Так, чуть чуть пострадала. Всего две царапины.

— Ладно, пойду к «говнюкам» — может, они кашей по делятся? Замятин, командир их, говорят, в госпиталь по пал. Похоже, придется мне ими командовать. А ты давай, вон в то здание иди. Мы там штаб сделаем.— Киселев показал на отдельно стоящий желтый домик. Григорий взял рацию и отправился в указанное место. Через час пришел комбат и принес несколько банок тушенки и хлеб.

— Давай—налетай! Не стесняйся,— предложил он.— А я за чаем схожу.

Гриша взял консерву, открыл ее своим ножом и, отрезав хлеба, достал из сапога ложку и начал есть.

«Да,— подумал радист.— Потрепало нас. Батальон весь новый был еще вчера в обед, а сегодня и от него почти ничего не осталось. Ну, ничего. Возьмем мы этот город, и война сдохнет на этой земле. Все, скоро ей конец!»

— Кушаешь,— услышал Григорий голос Жоры.

— Так точно!

— Даладно, нэдергайся. Где комбат?

— За чаем пошел.

— А приказы были?

— Держать станцию.

— Значэт, будем держат,— с акцентом ответил грузин.— Снайпер у меня всего один остался, жаль. Хорошие сиби рячки были. Представляешь, один вниз спустился и тут в колокольню из «фауста» попали. А теперь последний снайпер залег в развалинах, кого то выцеливает. Видать, чувствует кого?

— Да уж,— произнес Григорий.— Еще три дня назад у меня были друзья, с которыми я пришел сюда, но сегодня никого. Весь батальон новый.

— А завтра еще новее будет. Пополнениз придет,— ответил офицер.— Я пошел, скажи комбату, я там, на широ

кой улице. С едой разобрались, пусть не переживает. А ты давно его знаешь?

— Да почти полгода. Нет, даже больше.

— И как?

— Все наши его уважали. Он ведь из штрафников пришел. Там тоже батальоном командовал.

— Из штрафников? — удивился Жора.

— Да, а под Новый год майора получил, до этого долго в капитанах ходил. Он свою дорогу войны в Сталинграде начал.

— А теперь вас только двое осталось?

— Не знаю, на построении посмотрю.

— А я в Витебске начал, с командира взвода. Сейчас ротный, толко от роты моей взвод остался. Хорошо хоть из резерва отпустили, а то просидели бы в засаде до конца войны. Ну ладно, я пойду. Ты передай.

— Хорошо, конечно скажу. Ну, как мы сегодня немцу дали? — спросил радист.

— Дали? Умыли это город кровью, и не только немецкой, но и своей. Ничего, зато он теперь наш, — уходя, про изнес офицер.

— Еще крепость взять, и все. Говорят она неприступная. Рассчитана на длительную осаду.

— Не в крепости дело, а в людях. Эти немцы не смогут долго держаться. Выдохлись они, — на секунду задержавшись, ответил Жора.

Вскоре вернулся Киселев. Радист доложил, что Георгий решил вопрос с питанием. Киселев успокоился и больше никуда не бегал — остался в доме. Он принес целый чайник кипятка. Командир с радистом выпили горячего чаю и легли спать. Гриша на всякий случай включил рацию, но докладывать и выходить на связь не стал: он проверил, не вызывают ли их. Забытая усталость напомнила о себе, и они быстро уснули.

Утреннее солнце встало над городом. С разных сторон в небо уходили столбы дыма. Разрушенные дома, словно гнилые зубы, торчали по бокам улиц. Где то вдалеке раздавались редкие выстрелы. Гриша спал на деревянном полу,

укрывшись шинелью. Он открыл глаза и увидел, что комбат уже встал, открыл консервы и принес горячий чайник.

— Что, Гриша? Сегодня последний рывок? Выстоим?

— Конечно. Никуда не денемся.

— Давай поедим и со штабом свяжемся, а потом прогуляемся, посмотрим, как там наши. Чувствую, сегодня день тяжелый будет—душа скулит.

14. Последний бой

После завтрака Григорий связался со штабом. Ответила Титова. Девушка доложила, что в районе станции будет дислокация всей 43 й армии. Комбат тяжело вздохнул и, закончив связь, произнес:

— Опять командиров будет много. Лучше бы помогли нам во время взятия,—он пока не знал, что 43 я армия буквально рядом прорывала рубежи врага, и если бы не они, Киселеву пришлось бы трудно, так как бойцы этой армии сдерживали несколько вражеских дивизий. Немецкий генерал, комендант крепости О. Лашем, дважды отправлял дивизии СС им навстречу, чтобы обеспечить отход, но солдаты 43 й армии блокировали все возможные отступы. Киселеву повезло, он с полком Замятина сумел разбить оставшийся для охраны станции небольшой отряд. Основные силы для удержания этого объекта так и не сумели прорваться.

Увидев недовольное лицо комбата, Гриша не решился попросить его о дополнительном выходе на штаб дивизии Палыча. По рации отвечала Титова, и он так хотел расспросить ее о Тане, но засорять эфир и вести неуставные разговоры, особенно во время наступления, было нельзя, и на казывали за это строго. Григорий тяжело вздохнул, комбат увидел это и произнес:

— Увидишься со своей! Никуда она не денется,—он вышел из домика и направился к выходящей на станцию улице. На ней и еще двух движение перекрыли танки. Танкисты сидели на броне, рассказывали что то смешное, и ели консервы.

Комбат подошел к ним и, стараясь прогнать мрачные мысли, спросил:

— Ну что, броня, готовы?

— Встретим, если полезут, но вроде вокруг наши.

— Вот именно—вроде...

Киселев посмотрел на бойцов и решил вернуться в штаб. Григорий собрал пустые консервные банки, вышел из дома и выбросил их в сторону. Он увидел хмурое лицо комбата и замер, не понимая, как с ним разговаривать. Киселев разрядил обстановку. Он улыбнулся и, посмотрев по сторонам, как то загадочно произнес:

— Станция для немцев — не спасение. Они это понимают, но зачем то хотят пройти сюда. Пойду, Жору найду, пусть с ребятами проверит вагоны.

— Может, там еще пленные есть? Мы же не знаем.

А эти, которых мы освободили, вон на развалинах залегли,—показал Григорий рукой.

— Знаю. Пусть воюют. Ну что, пошли, а то одному как то беспокойно.

— Рацию брать?

— Нет. Пусть здесь лежит.

Комбат и радист пошли на другую сторону станции.

Киселев нашел Георгия и приказал проверить все составы, но не успел он этого сказать, как, совсем рядом разорвался снаряд. Все попадали на дорогу, укрываясь от осколков. Вслед за мощным взрывом, разбросавшим булыжники с дороги, словно град, полетели подарки от немцев.

— Из минометов бьют! Артподготовка! Значит, скоро появятся!—крикнул командир.—Да что им здесь нужно?

В это время с боковой улицы, той самой—узкой, откуда вчера Киселев ворвался на станцию, появились новые солдаты.

— Пополнение, что ли? — удивившись, произнес он. Комбат привстал и, прижимаясь к стене разрушенного дома, подбежал к ним.

— Ребята, вы чьи? — крикнув, спросил он. Из за дома вышел майор и, увидев Киселева, ответил:

— Мы сами по себе. У нас задание.

Он посмотрел на вагоны и спросил:

— Вы их не проверяли?

— Я послал недавно туда взвод, но пока, кроме вчерашних пленных, новостей никаких.

— Каких пленных?

— Освободили пленных из вагона. Вон они все, на развалинах залегли —лицу держат.

— Хорошо, мы к составам, а ты давай держись. Скоро попрут.

— Что там в этих вагонах?

— А тебе то зачем?

— Я же понимаю, что станция ни при чем, тем более, все рельсы разбиты. Хочу знать, за что мы тут умираем?

— Да я и сам толком не знаю. Слышал, что архив немецкий, а может ценности какие? Они ведь как, немцы? Хапнуть хотят золота, форму снять и гденибудь в подвале залечь на месяц два. А там поди разбери, кто воевал, а кто нет?

— Да, это точно. Ну что ж, будем держать станцию. Ты, майор, если моих увидишь, пришли сюда.

— Хорошо,—ответил офицер и, махнув рукой, побежал вместе с солдатами к стоящим эшелонам.

Киселев вернулся к широкой дороге, позвал Григория и приказал вернуться в штаб и выйти на связь. Гриша короткими перебежками добежал до домика, схватил рацию и, посмотрев в окно, решил с ней прибежать к комбату.

— Ты что? Здесь же не слышно. Давай хоть в подвал спустимся?

— Нет, в подвале может связь оказаться плохой, лучше в подъезд.

— Хорошо, давай за мной.

Они вбежали в подъезд, Григорий быстро включил рацию и стал вызывать штаб — «Поле семь». На площади станции и на дорогах продолжали методично взрываться снаряды.

Штаб ответил сразу. Гриша отдал «говорилку» Киселеву и комбата тут же перевели на командующего 43 й армией. Генерал выслушал его и пообещал прислать пополне

ние. Он согласился с тем, что немцы зря обстреливать от дельно взятый участок не станут, и приказал всеми силами удерживать станцию.

Комбат еще выслушивал указания, как за соседним домом слышались автоматные очереди. Киселев отдал наушники и микрофон Григорию и, ничего не сказав, вы бежал на улицу. Радист отключился, забросил рацию за спину и последовал за ним. Выбежав из дома, он оказался под плотным обстрелом. По главной улице шли толпой немцы, прикрываясь двумя броневиками. Они ехали друг за другом и стреляли по бойцам батальона и пленным из пулеметов.

Танк, что перекрывал дорогу, выстрелил, окутав улицу белым дымом. Первый броневик подлетел на метр в воздух и, упав на бок, загорелся. Второй из за него не мог проехать дальше, но он продолжал стрелять. Танк выстрелил второй раз, и оставшаяся бронемашина от удара отъехала назад. Немцы выскочили из нее, и машину обволокло черным дымом. Откуда то из за дома, с середины улицы на немцев напал отряд подкрепления. Фашисты— те, что успели— отступили и растворились в переулках. Выстрелы затихли, лишь изредка где то за домами были слышны короткие очереди.

Комбат выскочил из за развалин дома и быстрым шагом пошел к пополнению. Григорий побежал за ним. Пока Киселев разговаривал с прибывшими офицерами, радист подошел к подбитым бронемашинам и, увидев искореженные от выстрела танка трупы, замер. Совсем молодые ребята в немецкой форме лежали, разорванные, на дороге. Он попытался отвернуться, но голова стала словно каменной, глаза продолжали смотреть. Ему показалось, что кто то специально держит его за голову, заставляя смотреть.

«На, наслаждайся!— слышал он голос внутри себя.— За помни, какая я— Война, на что способна! Могу превратить человека в страшный кусок мяса! И ты, если ослушаешь ся— станешь таким же».

Григорий продолжал смотреть. Голова закружилась, и он рванулся в сторону и разорвал эту связь с войной

и смертью. Солдат отбежал в сторону: ему показалось, что все вокруг смотрят на него. Он забежал за дом и, увидев лавку, подошел к ней. Снял рацию и, глубоко вздохнув, по смотрел в грязное от копоти небо. Солнце пыталось пробиться сквозь черные тучи, его лучи будто дрались с этой тьмой. Они то побеждали, вырываясь и освещая землю очищающим светом, то проглатывались новой черной тучей. Гриша сел на лавку и решил закурить. Достал табак с газетой и уже оторвал кусок бумаги, как вдруг увидел двух бойцов. Они тащили в дом обезумевшую девушку. Ее глаза смотрели куда то в сторону, она не понимала, что происходит вокруг. Летнее белое платьице на ней было разорвано. Обнаженная левая грудь торчала, а кусок обожженного платья болтался на поясе. Она пыталась идти, но хромала: у правой туфельки не хватало каблука. Григорий посмотрел на нее и вспомнил свои мысли о войне.

Ее просто контузило,— подумал Григорий, но тут до него дошло, что именно хотят сделать эти солдаты. Он со рвался с лавки и побежал к ним. Сходу ударил первого ногой по «мягкому месту», а второму отвесил оплеуху, да так, что у бойца слетела шапка.

— Вы куда ее тащите?— заорал он.

— Да ты чо, парень? Фашистку пожалел?— возмутился худой солдат, отряхивая шинели снег.

— За это знаешь, что вам будет? Насильники мародеры! В штрафбат, или нет—на месте шлепнут!

— Да ты чо, совсем охренел?— возмутился второй боец, надевая упавшую шапку.— Все равно ее расстреляют.

— Кто ее расстреляет? Она же из населения! У нее что, в руках автомат?

— Нет,— ответил худой солдат.

— Где вы ее нашли?

— Да вот из подвала вылезла.

— Все, валите отсюда. Здесь на улице наш батальон, я ее сейчас отведу к санитарам. Вы что, не видите—она контуженная. А вы как звери, бабу поймали! Валите отсюда, пока обоим не навалял. Вам что, девчонок мало?

— А где их взять?

— Война скоро кончится, домой вернетесь, там одни женщины, мужиков сколько побил. Без внимания не останетесь.

— Да пошел ты!— разозлившись, крикнул худой солдат. Он вцепился девушке в руку и сильно дернул ее к себе. Немка не удержалась и упала.— Отдай! Наш трофей! До мой еще вернуться надо! Посмотри, сколько народа погибло! А а, ты, видать, ее сам захотел?

Гриша не выдержал и врезал с размаху солдату в лицо. Парень упал, встал на четвереньки и, качая головой, стал вытирать кровавые сопли. Но кровь все равно закапала на дорогу.

— Что, мало?— зарычал радист. Он схватил второго за ворот шинели и со всей силы трепанул, чтобы тот опомнился.— Валите отсюда! — с хрипом и злостью закричал Григорий. Солдат помог встать товарищу и потащил его в сторону. Через пять шагов они обернулись, и худой с окровавленным лицом крикнул:

— Еще встретимся.

— Давай чеши, а то сейчас догоню!— крикнул им вслед Григорий. Он взял девушку за руку и помог подняться. Она, словно кукла, качалась из стороны в сторону. Он довел ее до лавочки, надел на девушку свою шинель, чтобы она согрелась и прикрыла себя. Помог сесть на лавочку рядом с рацией. Зачерпнул ладошкой из лужи воды и вытер ей лицо. От холодной воды, девушка немного пришла в себя. Она увидела рядом советского солдата, и от страха дернулась в сторону.

— Стой ты, дура! Не бойся!— остановил ее Гриша.

Девчонка сжалась, спрятала лицо в ворот шинели и затряслась.

— Ну, пошли,— стараясь как можно спокойнее, произнес солдат. Девушка закутила головой и показала пальцем на трехэтажный дом.

— Что, живешь там? Домой хочешь? Ну хорошо, пошли туда.

Гриша надел рацию, помог ей встать. Взял под руку и повел к указанному дому. Девушка вошла в подъезд,

поднялась по лестнице и стала громко кричать и стучать в большую дубовую дверь квартиры. Через минуту дверь открыла старуха. Она обняла ее и заплакала. Девчонка сняла Гришину шинель и отдала ее радисту, прикрыв рукой обнаженную грудь. Улыбнулась и звенящим голосом произнесла: «Данке щон!»

Гриша улыбнулся в ответ, помахал рукой и, сбежав с лестницы, быстро пошел на станцию к штабу. Он вспомнил окомбате и решил, что тот, наверно, уже разыскивает его.

— Ну ты где? — услышал он голос Киселева. — Я уже переживать стал.

— Жалеете меня? Это плохо! Самизнаете!

— Да один ты у меня остался. Эти ребята неплохие, но с кем я по душам разговаривать буду.

— Ладно, здесь я. А на гитаре сыграете? Про камушки?

— Сыграю, да только где она, гитара? Где весь склад Савчука? Да и где он сам?

— Саленко говорит, видел: длинного солдата бомбой накрыло — ничего не осталось, еще там, в начале города, а снайпер говорит, что дом на него рухнул. Мы тут на машине съездили, пока ты где то гулял, но дом не нашли. Все они на одно лицо — разрушенные. Эх, война, что ж ты твои дела? Ну ладно, давай обедать. Вон видишь, кухня приехала. Сейчас каши наберем. Давай свой котелок, а то ты сам в очереди долго простоишь. Там уже, видишь, и немцы пристроились.

— Мой в вещмешке, в штабе.

— Ну тогда пошли в дом, который теперь наш штаб, — улыбаясь, произнес комбат и добавил, — смешной.

Киселев взял Гришин котелок и довольный, как мальчишка, побежал за кашей.

День закончился спокойно. Перестрелки утихли. Город перешел под контроль Красной армии, оставался последний оплот фашизма на этой земле — крепость.

Григорий вечером все же получил разрешение от Киселева и вышел на связь со штабом дивизии Палыча. Девчонки позвали Титову, и Григорий слезно умолял ее, чтобы она передала его извинения Тане. На что лейтенант ответила:

— Она на тебя не обижается. Просто ее перебросили в другой штаб 11 й армии. Скоро она тоже будет в городе. Туда все штабы перенесут. Вот возьмете крепость, и все наладится. Война закончится скоро. Наши войска уже под Берлином.

Довольный, Гриша лег спать. Он увидел пригожую девушку, у которой такой же, как у Тани, голос. Он представлял, как будто поговорил с Татьяной, и мысль о том, что скоро все будут рядом, радовала его. Солдат решил, что с Киселевым он договорится и что обязательно найдет в одном из домов уютную квартирку, в которой они встретятся. Он долго не мог уснуть. Где то за городом грохотала канонада, и наши солдаты добивали врага. Под ее гулкий и далекий грохот он уснул.

Разбудил радиста комбат.

— Вставай, Гриша, новая жизнь начинается! — крикнул он и, махнув рукой, позвал радиста к кухне.

Григорий вышел из штаба, и первое, что поразило его — чистое голубое небо. Все вокруг смеялись. Жора о чем то спорил с Саленко, а тот, размахивая руками, пытался что то доказать упрямому грузину. Утром всем казалось, что уже наступила мирная жизнь. Испуганное население вышло из своих домов. Они поняли, что их никто не тронет, и стали спокойно расхаживать по площади. Много немцев с детьми стояло в очереди за кашей. Толстый кашевар раз давал ее и заставлял каждого говорить: «Гитлер капут». Сказал — получи, промолчал — отойди в сторону. Веселые немецкие девчонки, которые даже и не понимали, что происходит вокруг, по нескольку раз повторяли эти слова, надеясь получить побольше каши. Солдат улыбался и вываливал им лишний черпак в огромные кастрюли. Старики и старушки были скромнее, но при виде офицеров останавливались и вместо «Здравствуйте» повторяли: «Гитлер капут, Сталин геноссе».

Григорий заметил в очереди вчерашнюю девушку. Она стояла с той же старушкой и, увидев солдата, улыбнулась и помахала ему рукой. Григорий вернулся в штаб, взял из вещмешка банку тушенки и отнес ее девушке. Та, присев

как балерина, что то пробормотала—веселое и непонятное—отблагодарила по своему.

— Во во, а еще вчера небось с офицериком встречалась,—услышал радист голос комбата.

— Нет, ее вчера двое изнасиловать хотели. Я не дал, вот теперь и благодарит.

— Ну, это я образно—не вчера, так месяц назад. Такую ни один фриц бы не пропустил. Красивая, да?

— Моя лучше,—гордо ответил Гриша.

— Да, конечно, что то я забыл об этом,—улыбаясь, ответил комбат.— Пошли в штаб, на связь выйдем. Потом поешь,—добавил он.

Григорий быстро связался со штабом армии, все выполнил, как положено, и после ответа штабного радиста передал «говорилку» комбату. Закончив разговор, Киселев не много помрачнел.

— Опять на нас полезут. Есть информация, что солдаты будут пробиваться из гарнизона крепости через нас. Станция им уже не нужна. Это, оказывается, кратчайшая дорога к лесу, в котором ты с ребятами в разведке был. Давай покусав нормально, может, весь день некогда будет.

Через час загрохотали орудия Балтийского флота. Их поддержала остальная артиллерия, САУ и танки. Они обстреливали крепость несколько часов, но сразу после артподготовки немцы открыли ответный огонь. Снаряды и мины летели на станцию и ближайшую широкую Приморскую улицу. Кто то из бойцов перевел ее название.

Григорий был за рацией и постоянно вызывал штаб дивизии, когда в этот домик попала бомба. Комбат, увидев взрыв, кинулся к нему. Услышав голос Григория из обрушенной стены, Киселев позвал бойцов, чтобы они могли ему поднять огромную кирпичную глыбу.

— Живой?—крикнул командир, но радист не отвечал. Его контузило и сильно посекло осколками. Проникающих ранений не было, но осколки порезали все тело, а один срубил половину мизинца на правой руке. Комбат приказал оттащить его в сторону к составу, и там, у вагона по жилой санитар разорвал одежду и перебинтовал все тело

солдата. Он позвал Киселева и объяснил командиру, что радиста нужно срочно везти в госпиталь. Из ушей пошла кровь, взрывная волна прошла по Григорию изо всей силы. Санитар, как и остальные, удивлялся, как он вообще остался жив.

Комбат подбежал к двум офицерам и о чем то попросил. Один из них, усадив раненого в американский джип, повез его в госпиталь — тот самый, что находился в поселке. Бомбы и снаряды продолжали взрываться, батальон готовился к отражению прорыва немцев. Бойцы залегли в развалинах и ждали появления врага. Киселев под обстрелом подбежал к нему.

— Эх, Гриша, главное — выживи! Знай — это был твой последний бой. Все, война сохла, — крикнул он вслед уезжающей машине.

Главврач, полковник, узнал его, да и медсестры, и врачи, что праздновали с батальоном Новый год, тоже. Они даже обрадовались, что его привезли к ним. Каждая хотела узнать о своем знакомом, о разведчиках, и главное, о комбате, который понравился всем врачам. Но Григорий не мог говорить, он все это время летел в какую то черную пропасть, в которой не было дна. Это падение продолжалось, и он даже думал про себя — скорей бы разбиться. Кусок голубого утреннего неба то появлялся, то исчезал, а он мчался в бездну. Солдату казалось, что кто то со стороны наблюдает за его падением. Он хотел позвать это существо, но не мог выдать из себя ни слова, лишь изредка догадывался, что наблюдает за ним Война. В сознании всплывали образы: родной дом, мать, брат. Вслед за ними пришли фронтовые воспоминания. Один врезавшийся в память взгляд сменялся другим: глаза разведчика Рыкова становились бойницами ДОТа, а взгляд расстрелянного немца превращался во взгляд обезумевшей немки в разорванном платье.

Григория отнесли в коридор, в палатах места даже для своих не было. Все ждали его возвращения. Главврач сказал, что рядовой Михайлов через пару дней откроет глаза, а вот слушать и отвечать может начать позже, если вообще

сможет. Пока об этом говорить было рано. А Григорий про должал свой полет падение. Он уже привык к нему и не чувствовал боли, свистящего в ушах ветра. Он падал на солдатскую кушетку, что стояла в коридоре у окна.

Ранение в палец оказалось серьезным. В первый день, увидев перебинтованное тело, никто не обратил особого внимания на руку. Люди привыкли к тяжелым и страшным ранениям, а тут порезы, да полпальца всего оторвало. От сильного удара рука распухла и почернела, рана загноилась, и когда главврач увидел ее, он чудом спас руку от ампутации, но оставшиеся полпальца пришлось отрезать.

15. Победа

Григорий открыл глаза и увидел в открытом окне высокое дерево. Молодые листочки уже появились из почек, расправились, подставляя себя солнцу.

— Дерево! Оно живет, тянется к солнцу! Каждый на этой земле хочет жить и чувствовать, как жизнь прекрасна. Значит, я живой,—подумал солдат, увидев дерево и голубое небо.—Странно, почему не поют птицы? Вокруг какая-то тяжелая шершавая тишина.

Он повернул голову и увидел лицо молоденькой конопной девушки в белом халате. Она зашевелила губами, и Гриша понял, что девушка говорит, только он ее не слышит. Солдат попытался что-то произнести, но в голове где-то далеко отдалось эхом странное еле слышное мычание.

«Понятно. Контузило»,—подумал он. Через минуту у его кровати собрались врачи. Пришел полковник—главврач. Он посмотрел в глаза, послушал сердце и, улыбаясь, что-то сказал присутствующим. Григорий понял по его улыбке, что все будет хорошо и он поправится.

Через три дня он встал, вышел на улицу и долго сидел на лавочке под зеленым деревом. Через день слух стал постепенно возвращаться, и Григорий начал слышать стоны и крики раненых солдат. Они лежали на соседних койках, но кричали откуда-то издалека. И вместе с выздоровлени-

ем Гриши эти голоса войны возвращались, напоминая са мое страшное, что произошло с ним. Вместе со слухом возвращалась и речь. Постепенно солдат начал выговаривать редкие слова, а позже заговорил нормально. Гриша не мог отлеживаться, он старался быть полезным: помогал санитаркам переворачивать тяжелых бойцов, подавал им воду и даже мыл полы. Он видел изуродованных, но счастливых людей. Безрукие, безногие были рады, что остались на этом свете. Они не желали вспоминать тот ад, в который их завела война. Конечно, встречались среди них и те, кто не хотел жить. Эти бойцы презирали жалость к себе и не понимали, что будет с ними дальше. Считали, что смерть — это лучшее избавление, но медсестры и врачи находили нужные слова и успокаивали этих людей. Особенно старалась баба Маша. Она сошлась с инвалидом без обеих ног и руки. Этот человек остался один. Всю деревню солдата сожгли немцы, и ему некуда было ехать. Врачи хотели оформить его в дом инвалида, но баба Маша уговорила его остаться с ней. А когда в госпиталь привозили тяжелых бойцов, получивших серьезные ранения, она приглашала своего нового мужа, и он своим видом и радостным отношением к жизни внушал веру тем, кто отчаялся из-за своих увечий.

Григорий видел все это и старался помогать бойцам. Он был в центре внимания и улыбок медперсонала. Нередко даже врачи пользовались его помощью, и ему нравилось это. Он готов был помочь каждому. Единственное, что не нравилось, это отвечать на вопросы о бойцах батальона, которые погибли. Одним девушкам он отвечал, что с первого и второго рубежей увезли много раненых, возможно, их знакомый был среди них, другим говорил, что прибыло пополнение и он находился рядом с комбатом и с прибывшими солдатами. Не знал о потерях в ротках, так как все время шел вперед и не задерживался на взятых позициях. Единственным, о ком он говорил много, был комбат. О нем Григорий рассказывал с удовольствием. О том, как они прошли укрепленные рубежи, вошли в город и там мчались на немецкой машине по еще не освобожденным улицам. О станции, танкистах и смелых солдатах — «говнюках».

К майским праздникам Григорий поправился окончательно, к нему вернулся слух и речь. Он уже стал изредка напоминать врачам, что его следует отпустить, но главврач был принципиален и отвечал, что при малейшем взрыве контузия напомнит о себе, и тогда он останется навсегда глухим и немым. Подобное ранение требовало полного выздоровления, и главврач отклонял все его прошения об отправке в часть.

Наступили майские праздники. В госпиталь приезжали артисты, а между концертами играл патефон.

На второй праздничный день Григорий встретил Юльку Березкину. Радости было столько, что он хотел прыгать и скакать как мальчишка. Она рассказала, что комбат жив и теперь уже подполковник, командует целым полком. Пе редавал привет. Но кроме этого, девушка привезла тяже люю для бойца новость.

— Гриш, ты знаешь, Титова погибла, — произнесла она.

Григорий сразу почувствовал тяжесть, но он успокаивал себя тем, что на войне люди гибнут, даже такие симпатичные, и нужно как то спокойно переживать это.

— Жаль, — ответил солдат. — Она искала смерти раньше, сама. В последние дни войны погибла. Очень жалко, она вроде только начала в себя верить, и наверняка бы встретила хорошего человека. Не знаю, как теперь мне разыскать Таню, ведь только через нее связь поддерживалась. Она и записку мне недавно прислала от нее.

— Ты что, правда такой дурак, или просто отказываешься верить?

— О чем ты? — удивленно спросил радист.

— О чем? Да о том, что Титова и твоя Таня — одна и та же женщина. Весь батальон об этом знал, а ты что, в самом деле не догадывался? Игра у нее такая, чтоб не сглазить. Погиб парень, но он был не с ней, а с ее двойником, и она как бы ни при чем. Артистка была хорошая. Но все ведь понимали, видели, и что — никто не намекнул? Хотя конечно, зачем? Все знали, что ты парень хороший, умный, и конечно думали, что давно ее раскусил.

— Она Таня?! — удивленно переспросил Григорий. — Не может быть, я уверен, что это разные девушки. Нет? Отвечай правду, не молчи! — закричал он на Юлю.

— Гриш, я понимаю, что тебе тяжело. Пойду, я лучше завтра зайду.

— Подожди! Расскажи мне, как она погибла? Ты чтонибудь об этом знаешь?

— Знаю. Мальчишка из гитлерюгенд застрелил ее из пистолета. Когда его поймали, он рассказал, что два солдата поиздевались над его матерью, а увидев его немецкую пилотку, застрелили женщину, посчитав ее фашисткой. Пацан, ему лет двенадцать тринадцать, взял припрятанный пистолет и вышел на улицу. Увидел самую красивую русскую девушку и выстрелил в нее. Вот так он отомстил — по своему. Тех двоих быстро нашли, арестовали и заперли в подвале. Ночью кто-то бросил туда гранату, и обоих на смерть. А пацана куда-то отправили.

— А Титову?

— Не знаю. Ее в штаб армии, оттуда в передвижной поезд госпиталь и куда-то увезли. Может, на родину? Она где-то под Калугой жила.

— Так что, значит, в госпиталь? Может, ее тяжело ранило?

— Нет, ее с трупами офицеров и высшего командного состава положили. Она двадцатого апреля уже ротой связи командовала, а потом ее сразу через дня три повысили. Назначили командиром батальона спецсвязи всего фронта.

— А ты видела, как она погибла?

— Нет, я только тело потом в штабе видела.

— Июль, ты только не злись, но мне кажется, что Таня существует. Она совсем другая, не такая строгая и родинка у нее на щеке.

— Гриш, мне непросто говорить об этом, но я лично ей обещала рассказать правду. Титова меня на Новый год вызвала, попросила отвлечь, потанцевать с тобой. В это время она бегала переодевалась, родинку рисовала. Знаешь, сколько красок для лица девчонкам надарили на праздник, и все хорошие — трофейные. В тот вечер она мне сама все рассказала и взяла с меня слово, что если она погибнет, я должна буду рассказать тебе всю правду, чтобы ты не искал девушку, которой нет. Я не знаю, девчонка она была, ну, не как я. Но однажды, когда ты ушел в разведку, я увидела

у нее слезы и поняла, что она любит тебя по настоящему. Даже испугалась за тебя и все ей высказала.

— Что ты ей высказала?

— Ну чтоб не трогала и забыла тебя. А она ответила — мол, знаю, но ничего поделать не могу. Ушла и еще больше заревела.

Гриша замолчал. Все его сравнения и подозрения всплыли. Конечно, он догадывался, но всегда прогонял эту мысль, не хотел даже рассуждать на тему, она это или нет.

«Настолько похожих женщин не бывает, даже близнецы и теразные,— подумал он.— А она вот так поступала из за того, что хотела сберечь солдата— меня. А может из за комбата, ко торый презирал ее. А если бы все прояснилось раньше, сколько бы у нас было времени и встреч, но на войне все по другому. Приходится врать, и она делала это как могла, а я, опьяненный любовью, просто отказывался верить в сходство, хотя и пони мал, что Титова и Таня— один и тот же человек. Теперь ее нет, нет игры, что она выдумала, нет тайны, осталась лишь пусто та. Шершавая, колючая пустота. Она повисла в душе и тянет. Где то рядом целый поток слез, но они почему то не идут, эта пустота все заткнула собой и не выпускает мою боль наружу».

— Гриш, я пойду,— тихонько сказала Юля и ушла, а Гри горий остался сидеть на лавочке. Он вспомнил тех двоих, что тащили немку, и был уверен, что это сделали они. Хотя позже решил, что эти ребята оказались игрушками в руках войны. Он честно противостоял ей— верил, что война не сможет победить его. Она проиграла, но нанесла последний, самый тяжелый удар— в сердце.

Солдат весь день сидел на лавочке. Курил одну за одной сигареты, а его мысли были далеко— там, в голубых небе сах, где встречаются души погибших. Он попросил прощения у этой девушки, которая так любила его, за то, что не разглядел ее любящих глаз.

Григорий молчал весь день и ходил мрачный. Санитар ки даже испугались за него, подумали, что это последствия контузии, но он ответил, что потерял близкого человека, и солдата оставили в покое. Он остался один на один со своим горем и несколько дней ни с кем не общался.

Девятого мая 1945 го года в госпитале объявили о том, что война кончилась. В этот день никто не стонал и не кричал от боли—радость была у всех, но ночью пришлось вызывать весь персонал госпиталя. Здоровые мужики рыдали. Нет, не от ранений, а оттого, что в этом мире сломался конвейер смерти и наступил долгожданный мир. Многие переживали оттого, что не смогут отомстить за тех, кто погиб рядом с ними. Они хотели вернуться и взять оружие, чтобы отомстить за близких, за погибших товарищей, но им предстояло жить, и врачи, как могли, успокаивали каждого.

После праздника Победы Григорий старался взять себя в руки. Конечно, ему хотелось, как и остальным, уехать на фронт, найти недобитых немцев и расстрелять их всех, но это были лишь порывы злости и он, понимая это, пытался справиться с ними. Люди вокруг перестали бояться, и Гриша сразу заметил, что каждый в госпитале уверен—больше никого не убьют, бойцы вернутся домой и начнут новую, счастливую жизнь. Медперсонал заботился о каждом. Все понимали, что это не просто люди, это счастье и радость, которые вернутся лишь в некоторые дома и семьи. Врачи боролись за каждого раненого, чтобы он выжил и, приехав в родной город или деревню, привез с собой часть победы, радости, которой, конечно, на всех не хватало.

Двенадцатого мая Григорий понял, что нужно жить дальше. Он наконец то осознал, что в этот мир пришла маленькая девочка с голубыми, как небо, глазами—с именем Победа. За ее рождение пришлось дорого заплатить, но она родилась и теперь будет жить вечно, напоминая всем о том, чего стоило ее рождение.

В этот же день приехал Киселев. Григорий переносил раненых бойцов из палаты, и полковнику пришлось ждать солдата. Он, конечно, дождался, и, встретившись, они обнялись и долго молчали. Но Киселев нарушил это молчание, встал с лавочки и произнес:

— Рядовой Михайлов! За смелость и храбрость, проявленную в боях при взятии города Кенигсберг, вы награждаетесь медалью «За боевые заслуги»!

— Служу Советскому Союзу!—встав, ответил солдат.

Комбат пристегнул к его гимнастерке медаль и добавил:

— Позже получишь еще одну— за взятие Кенигсберга. Я тебя представил, но дойдет она до тебя позже.

— Служу Советскому Союзу!— еще раз ответил радист и отдал честь. Они вновь обнялись и, немного успокоившись, сели и закурили. Комбат достал из кармана тонкую трофейную фляжку и предложил куда-нибудь отойти, обмыть медаль.

Они нашли укромное место и расположились. Выпили и стали вспоминать товарищей. Григорий рассказал комбату о том, что к нему приезжал офицер и расспрашивал о том, как они относили рацию к подземному заводу.

— И что?— немного удивленно спросил Киселев.

— Да ничего. Я ему сказал, что никого не осталось. Командир Воувка погиб на первом рубеже в окопах, остальные тоже. Никого не осталось.

— А он что хотел узнать?

— Ну, как погиб тот англичанин. Я рассказал, что мы уходили по минному полю, по своей тропе. Немцы подъехали на двух машинах и с дороги стали стрелять по нам. Англичанину пуля попала в голову. Он умер сразу.

— А на самом деле?

— На самом деле. Пуля попала в мину, и она взорвалась. Именно ее осколки пробивали рацию. Он прыгнул в эту воронку, задрал руки и хотел сдаться. Но ему не дали. Санек остался там в лесу. Мы поняли, что он предатель, и Сашка решил вернуться и забрать позывные из рации. Я их на бумажке написал и под ручку засунул. Он потом вам этот листок отдал. Вы ж его сами сожгли.

— Да, помню. А офицер чего еще спрашивал?

— Больше ничего. Он узнал, что все погибли, я ему сказал, что рацию с позывными оставили в указанном месте, и все. Он даже и не записывал.

— Понятно. А ты слышал, пленные завод еще в конце января взорвали?

— Нет. И что, спаслись?

— Да, вышли оттуда, захватив оружие. Но их всех в тыл отправили, и, самое смешное, их тайная парторганизация утверждает, что за рацией посылали русского парня. Он

хорошо знал немецкий. Никакого англичанина среди них вообще не было. Вот так.

— Ну и ладно, забыли. А в Кенигсберге как? После того как меня увезли, бой был тяжелый?

— Да. Утром девятого апреля немцы из гарнизона крепости опять решили прорваться. Но мы и солдаты 43 й армии остановили их.

— А потом что? Как командиром полка стали?

— Батальон расформировали. Жору отправили в штаб, он же грузин. Саленко ранили, увези в госпиталь, остался один снайпер сибиряк и человек двадцать сопляков. Их Замятин в свой полк зачислил.

— К «говнюкам», чтоли?

— Да. Меня назначили командиром одного из полков 43 й армии. Генерал остался доволен тем, что мы станцию удержали. Да и Палыч ему на ушко небось шепнул. Сам то не мог повисить, так соседа попросил. А потом мы пошли на саму крепость. Бомбили их долго: и морячки, и все армейские орудия и танки. Девятого, на следующий день, после того, как немцы еще раз прорваться не смогли, они вернулись в крепость. Но сам понимаешь, такой обстрел. К вечеру б от крепости ничего бы не осталось. В общем, они поняли это и сдались, но на побежденных и несчастных эти фашисты не были похожи. Представляешь, в крепости были одни солдаты! Ни одного офицера! Ими никто не командовал, они сами дрались за свою землю. Вот спрашивается, какого они на Русь полезли? Вроде посмотреть со стороны, попадают настоящие солдаты. Помнишь того фрица, что Егор застрелил?

— Конечно.

— Вот и в крепости все такие были. Их даже отдельно от остальных пленных держали. Командование побоялось, что они бунт подымут и попытаются к Берлину уйти. Но ничего, все обошлось. Правда, в лесах еще остались отдельные группы СС. Будем ловить, кто не пожелает сдаться — добьем. Так что повоевать еще придется, хотя и не очень хочется. Ну, давай за Победу! По глотку!

— Давай.

Они выпили, Киселев достал шоколадку, закусили, и Гриша, посмотрев на него, хотел спросить, но промолчал.

— Знаю, хочешь о Титовой узнать?—неожиданно ответил полковник.

— Я все знаю. Юлька приходила. Рассказала.

— Да. Вот такие брат, дела. Видишь, как ее смерть нашла. Войну вы обманули, смерть презирали, а она отомстила. Тебя в том домике спасла, а ее в захваченном городе, где врага уже не было—достала.

— Товарищ полковник. Вы знали, что Таня и Титова—одна и та же женщина?

— Конечно. А чего, ты думаешь, я на Новый год тебя просил потанцевать с ней, не стесняться и не бояться. Я же тебе кричал—присмотришь, не гони ее—Титову то.

— Да, а я слепой был, не могу видеть. Все больше мечтал в башке своей.

— Понимаю. Я сначала невзлюбил ее. Она действительно долго меченой ходила. Многие погибли, но может, она была и ни при чем—так судьба сложилась. А я еще огня ей в душу подливал, но когда увидел, что не врет она—честно тебя любит—изменил мнение. Ты рации простреленные из разведки приносил и всегда возвращался, доказывал, что сильнее всех этих предрассудков. И она в тебя верила. Смерть ты обманул, а она, видать, не смогла, где то засомневалась. Хотя, как сейчас говорить? На войне судьба меняется у людей. Одному суждено в первый день погибнуть, а другому идти за своей пулей сотни верст. Давай помянем ее.

Они молча выпили из фляжки спирту, закурили и долго молчали.

— Ладно, ты давай поправляйся и ко мне. Понял?

— Так точно.

— Еще повоюем. Очистим эту землю от тех, кто спрятался, затаился, решил отомстить. А там, глядишь, на Дальний Восток махнем. Говорят, война с Японией будет. Так что вот, не расслабляйся, наша битва еще незакончилась.

Киселев попрощался и уехал на своем джипе, а Григорий вернулся в госпиталь помогать врачам. Он почувство

вал новый прилив сил и в этот же день пошел к главврачу проситься, чтобы его отпустили.

Через две недели рядового Михайлова выписали и направили служить в 10 й Отдельный разведывательный авиационный полк в должности радиста. Григорий написал рапорт командиру о переводе его в полк Киселева. Сначала командир летного разведполка с недовольством принял его рапорт, но Григорий рассказал ему, как за последние полгода их батальон несколько раз погибали рождался заново. Лишь они — радист, комбат да санитарка Березкина — выжили. Он объяснил, что ничего не имеет против авиаполка и даже рад надеть пропеллеры на погоны, но здесь было другое. Их свя зывали воспоминания о погибших товарищах и преданная друг другу мужская дружба. Ни Киселев, ни радист Михай лов никогда бы не предали друг друга. Их верность закали лась в боях, они выстояли назло войне и смерти.

Командир летного полка пообещал помочь, но через два дня вызвал Григория и рассказал, что полковник Ки селев погиб. Он нарвался на засаду, устроенную остатками отдельного диверсионного отряда СС в пригороде Кениг сберга. В этом районе накануне прочесали весь лес. Никто не мог понять, откуда пришел этот отряд. Видимо, война решила достать героя Киселева, и послала к нему людей, которые смогли пройти через посты и ограждения Крас ной армии и выполнить ее негласный приказ.

Новый удар выбил солдата из нормального ритма служ бы. Командир разведполка разрешил Григорию напиться, даже приказал выдать ему спирта, но радист не стал полу чать его. Он просто молчал неделю, боролся с болью вну три себя.

В начале июня Гриша попрощался с Юлькой. Она уе хала с медэшелоном. Решила поступать в медицинский институт. Стала гражданской и через год прислала письмо о том, что выходит замуж. Григорий в последний раз от ветил ей и пожелал счастья. Вспомнить о ее смешном про звище — Пипетка — кроме Григория, некому уже было пом нить о нем... Она, наверное, и не понимала, когда в каждом бою, не боясь смерти, вытаскивала раненых. Она, уж точ

но, в смерть не верила, мечтала о счастливой послевоенной жизни. Искренне верила в Жизнь и Победу и дождалась их. Эта вера спасла ее. Курносая девочка Юлька стала для Григория примером того, как нужно побеждать в себе сомнения и ту — военную трусость, которой стесняться не надо. Рядовой Михайлов забрал свой рапорт о переводе и остался служить в авиаполку. Командир, зная, что он был разведчиком, стал поручать Григорию особые задания. Мысли о комбате еще долго не покидали радиста. Он не понимал, почему смерть победила Киселева? Где он дал слабину? В чем засомневался? Возможно, никаких сомнений не было, просто у Киселева была своя фронтовая судьба, от которой не убежишь и не спрячешься. А цена Победы как раз и складывалась из жизней вот таких на стоящих людей.

Вспомнив слова комбата, Григорий решил выполнить его пожелание и поступить в военно-политическое училище, но до этого прослужил в армии еще семь лет. Стал сержантом, затем старшиной. Получил медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и еще множество наград. Через семь лет все таки поступил в Рижское политическое училище. По окончании его, в звании лейтенанта, и был распределен на Дальний Восток.

Закончил воинскую службу Григорий в звании капитана, попал под сокращение в 1960 м году. После этого до последнего дня жизни работал в школе учителем начальной военной подготовки, обучал мальчишек ратному делу, мужеству, бесстрашию. Всему тому, чему сам научился на этой великой и страшной войне. Ему то с учителями повезло: он часто вспоминал Федорчука из «учебки», комбата Киселева, своих однополчан, выживших и тех, кто навечно остался лежать в земле под Кенигсбергом. Часто вспоминал Таню Титову, свою любовь, так безжалостно у него отнятую.

Годы проходят, но война продолжает жить болью в душе народа. Каждый год девятого мая у многих, кто чудом уцелел, на глазах появляются те самые, фронтовые слезы.